

СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

SIBERIAN JOURNAL OF PSYCHOLOGY

№ 70

**Зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации ПИ № 77-12789 от 31 мая 2002 г.)**

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» И54242

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны
быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой
степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

Томск
2018

Учредитель – Томский государственный университет

«Сибирский психологический журнал» является научно-практическим изданием, публикует оригинальные статьи по различным отраслям психологии. «Сибирский психологический журнал» публикует результаты завершённых оригинальных исследований в различных областях современной психологии, ранее нигде не публиковавшиеся и не представленные к публикации в другом издании. Решение о публикации принимается научной редакцией после рецензирования, учитывая соответствие тематике журнала, актуальность проблемы, научную и практическую новизну и значимость, профессионализм выполнения работы, качество подготовки и оформления материала. Официальные языки журнала: русский и английский. Средний срок рассмотрения рукописи 3–6 месяцев.

«Сибирский психологический журнал» выходит ежеквартально. Публикации осуществляются на некоммерческой основе. Все опубликованные материалы находятся в свободном доступе.

Журнал индексируется eLIBRARY.RU

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, сайт <http://journals.tsu.ru/psychology>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Залевский Г.В. – главный редактор (Томский государственный университет, Томск). E-mail: Usya9@sibmail.com

Лукьянов О.В. – заместитель главного редактора (Томский государственный университет, Томск). E-mail: lukyanov7@gmail.com

Алексеевская Е.О. – ответственный секретарь редакции журнала (Томский государственный университет, Томск). E-mail: sibjornpsy@gmail.com

Богомаз С.А. (Томский государственный университет, Томск); **Бохан Т.Г.** (Томский государственный университет, Томск); **Галажинский Э.В.** (Томский государственный университет, Томск); **Кабрин В.И.** (Томский государственный университет, Томск); **Карнышев А.Д.** (Иркутский государственный университет, Иркутск); **Козлова Н.В.** (Томский государственный университет, Томск); **Красноярцева О.М.** (Томский государственный университет, Томск); **Левницкая Т.Е.** (Томский государственный университет, Томск); **Мещерякова Э.И.** (Томский государственный университет, Томск); **Муравьева О.И.** (Томский государственный университет, Томск); **Серый А.В.** (Кемеровский государственный университет, Кемерово)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Асмолов А.Г. (МГУ имени М.В. Ломоносова, федеральное государственное автономное учреждение «Федеральный институт развития образования», Москва, Россия); **Бохан Н.А.** (НИИ психического здоровья, Томск, Россия); **Вассерман Л.И.** (Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт имени В.М. Бехтерева, Санкт-Петербург, Россия); **Гарбер И.Е.** (Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия); **Зинченко Ю.П.** (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Знаков В.В.** (Институт психологии РАН, Москва, Россия); **Ковас Ю.** (Голдсмита, Университет Лондона, Лондон, Великобритания); **Лаги Ф.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Ломбардо К.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Лучиди Ф.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Малых С.Б.** (Психологический институт РАО, Москва, Россия); **Такушян Г.** (Фордхемский университет, Нью-Йорк, США); **Тхостов А.Ш.** (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Ушаков Д.В.** (Институт психологии РАН, Москва, Россия)

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета

Редактор Е.Г. Шумская; редакторы-переводчики: А.А. Стайпек, Е.О. Алексеевская, В.Н. Горенинцев; оригинал-макет Е.Г. Шумской; дизайн обложки: Л.Д. Кривцова.

Подписано в печать 24.12.2018 г. Формат 70x108¹/₁₆. Усл.-печ. л. 13,5. Тираж 50 экз. Заказ № 3591. Цена свободная.

Дата выхода в свет 18.01.2019 г.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании Издательского Дома Томского государственного университета. 634050, пр. Ленина, 36, Томск, Россия

Тел.: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–52-96-75. Сайт: <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

ABOUT SIBERIAN JOURNAL OF PSYCHOLOGY

Founder – Tomsk State University

The scientific journal “Siberian journal of psychology” publishes the results of the completed original researches (theoretical and experimental manuscripts) in different areas of contemporary psychology which have not been published before in this or any other edition. Besides, it includes descriptions of conceptually new methods of research, round-up articles on particular topics and overviews.

The Editorial Board of the “Siberian journal of psychology” commits to the internationally accepted principles of publication ethics expressed.

International standard serial edition number: ISSN 1726-7080 (Print), ISSN 2411-0809 (Online)

Language: Russian, English

Publications are on non-commercial basis (FREE).

Open access

Term of publication: 3–6 months

Abstracting and Indexing: eLIBRARY.RU; Emerging Sources Citation Index (Web of Science Core Collection's)

Contact the Journal

Tomsk State University, 36 Lenin Ave, Tomsk 634050, Russian Federation

<http://journals.tsu.ru/psychology/en/>

EDITORIAL COUNCIL

Editor-in-chief – Genrikh V. Zalevsky, Doctor of Psychology, Professor, corresponding member of the Russian Academy of Science, honored scientist of Russian Federation, member of the World Federation of Mental Health. E-mail: usya9@sibmail.com

Deputy Editor-in-Chief – Oleg V. Lukyanov, Doctor of Psychology, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lukyanov7@gmail.com

Executive secretary – Ekaterina O. Alekseevskaya, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sibjornpsy@gmail.com

Bogomaz SA Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); **Bokhan TG** Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); **Galazhinskiy EV** Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); **Kabrin VI** Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); **Karnyshev AD** Irkutsk State University (Irkutsk Russian Federation); **Kozlova NV** Tomsk State University (Tomsk, Russia); **Krasnorjadtseva OM** Tomsk State University (Tomsk, Russia); **Levitskaia TE** Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); **Meshcheriakova EI** Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); **Muravyova OI** Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); **Seryi AV** Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD [In Russian Alphabetical order]

Asmolov AG Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation); **Bokhan NA** Mental Health Research Institute (Tomsk, Russian Federation); **Vasserman LI** St. Petersburg Research Institute of neuropsychiatric named Bekhterev (St. Petersburg, Russian Federation); **Garber IE** Saratov NG Chernyshevskii State University (Saratov, Russia); **Zinchenko IuP** Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation); **Znakov VV** Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); **Kovas Yu** Goldsmiths, University of London (London, UK); **Laghi F** Sapienza University of Rome (Rome, Italy); **Lombardo C** Sapienza University of Rome (Rome, Italy); **Lucidi F** Sapienza University of Rome (Rome, Italy); **Malykh SB** Psychological Institute Russian Academy of Education (Moscow, Russian Federation); **Takooshian H** Fordham University (New York, USA); **Tkhostov ASH** Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); **Ushakov DV** Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

PUBLISHER:

Tomsk State University Publishing House (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation)

Editor EG Shumskaya; proofreader EG Shumskaja; editor-translators: AA Stipek, EO Alekseevskaya; V Gorenintseva; camera-ready copy EG Shumskaya; cover design LD Krivtsova.

Passed for printing 24.12.2018. Format 70x108¹/₁₆. Conventional printed sheets 13,5. Circulation - 50 copies. Order N 3591.

634050, 36 Lenina St., Tomsk, Russian Federation. Tel. +7(382-2)–52-98-49. <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Прохоров А.О., Юсупов М.Г.Ментальная регуляция познавательных состояний
в интеллектуальной деятельности подростков..... 6**Шульмин М.П.**Психологические факторы переживания личностью
социальной эксклюзии..... 17**Неклюдова С.В., Кабрин В.И.**Пилотное исследование особенностей коммуникативного
мира личности в условиях формирования нового типа ее мобильности..... 34**Земскова А.А., Кравцова Н.А.**Программа повышения жизнестойкости и психологической
устойчивости курсантов МЧС России к экстремальным факторам
в условиях имитации профессиональной деятельности..... 42**Петрова В.Н., Козлова Н.В.**Профессиональное развитие в меняющемся мире:
стратегия жизнеосуществления..... 59

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

Сагалакова О.А., Труевцев Д.В., Стоянова И.Я.Синдромно-факторный метод в историческом и современном контексте:
возможности исследования социально-тревожного расстройства..... 75**Солодухин А.В., Видяева Н.Г., Трубникова О.А.,****Серый А.В., Яницкий М.С., Барбараш О.Л.**Смыслжизненные ориентации как мишень когнитивно-
поведенческой психотерапии у пациентов с ИБС,
планируемых на коронарное шунтирование..... 92

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Кыштымова И.М., Ангеловска С.Н.Семантика образа героя: межкультурные различия
(на примере российских и македонских подростков)..... 103**Бызова В.М., Перикова Е.И.**Представления молодежи о психологическом благополучии
и стратегиях его достижения..... 118**Николаева И.А., Зайнулина Ю.И.**Образы Других в сознании педагогов, проживающих
в городе, селе и северном поселении..... 131

CONTENTS

GENERAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF THE PERSON

Prokhorov A.O., Yusupov M.G. Mental regulation of cognitive states in the intellectual activity of adolescents.....	6
Shul'min M.P. Psychological factors of social exclusion experience.....	17
Neklyudova S.V., Kabrin V.I. Pilot study of individual features of communicative world in the context of the new type of mobility formation.....	34
Zemskova A.A., Kravtsova N.A. Program to improve the resilience and psychological stability of cadets of EMERCOM of Russia to extreme factors in the conditions of imitation of their professional activity.....	42
Petrova V.N., Kozlova N.V. Professional development in changing world: strategy of life implementation.....	59

CLINICAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF HEALTH

Sagalakova O.A., Truevtsev D.V., Stoyanova I.Ya. Syndrome-factor method in historical and modern context: possibilities of studying social anxiety disorder.....	75
Solodukhin A.V., Vidyaeva N.G., Trubnikova O.A., Seryj A.V., Yanitskij M.S., Barbarash O.L. Life-purpose orientations as the target of cognitive- behavioral therapy among patients with coronary artery disease preparing for the coronary bypass surgery.....	92

SOCIAL PSYCHOLOGY

Kyshtymova I.M., Angelovska S.N. The semantics of the image of a hero: intercultural differences (on the example of Russian and Macedonian teenagers).....	103
Bysova V.M., Perikova E.I. Representations of young people about psychological well-being and the strategies to achieve it.....	118
Nikolaeva I.A., Zajnulina Yu.I. Images of 'other' people in the mind of teachers from urban areas, country sides, and from the northern settlement.....	131

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.95

DOI: 10.17223/17267080/70/1

А.О. Прохоров, М.Г. Юсупов

Казанский (Приволжский) Федеральный Университет (Казань, Россия)

Ментальная регуляция познавательных состояний в интеллектуальной деятельности подростков

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 17-06-00057
«Ментальная регуляция познавательных состояний субъекта».

Актуальность исследования обусловлена проблемой поиска ментальных механизмов и закономерностей регуляции состояний человека. В контексте данной проблемы целью исследования являлось изучение закономерностей отношений между рефлексивностью и интеллектом, с одной стороны, и познавательными состояниями и успешностью решения математических задач подростками – с другой. В результате исследования было установлено, что частота актуализации познавательных состояний в большей степени связана с уровнем рефлексивности, а не с интеллектом. Показано, что чем выше уровень рефлексивности, тем чаще ученик переживает познавательные состояния, последние имеют тенденцию коррелировать с успешностью решения задач. Результаты могут быть использованы педагогами при разработке и планировании учебных занятий с учетом индивидуальных особенностей учащихся.

Ключевые слова: интеллектуальная деятельность; познавательные состояния; рефлексивность; интеллект; успешность обучения; подростковый возраст.

Введение

В современных условиях одна из типичных проблем учащихся – постоянное усложнение учебной деятельности, которое выражается в увеличении количества изучаемых предметов и росте общего объема информации. В этой связи практическую значимость приобретает исследование психических состояний школьников. Благодаря регулирующей функции состояний обеспечивается адаптация учащихся к информационно насыщенным ситуациям учебной деятельности. Психические состояния могут служить средством описания учебно-познавательной деятельности, позволяя представить динамику деятельности как систему состояний и возможных отношений между ними. Целью такого описания является разработка педагогически регулируемых методов управления состояниями школьни-

ков в учебном процессе. Знание психических состояний и особенностей их актуализации позволит более эффективно управлять этими состояниями: поддерживать ритм, длительность и оптимальную интенсивность учебного процесса. Последнее будет способствовать большей эффективности образовательной деятельности.

Большую роль в обучении играют познавательные состояния. Часто актуализации познавательных состояний и их длительность являются важными условиями продуктивного усвоения получаемых знаний. Для формирования познавательных умений и навыков учителю необходимо вызывать и поддерживать в учебном классе такие состояния, как познавательная активность (в рамках развивающего обучения), догадка, озарение, инсайт (в контексте проблемного обучения), рефлексия (метакогнитивный подход к обучению). Систематическое переживание данных состояний помогает учащимся понять и усвоить все многообразие школьных знаний, обобщить полученный в ходе обучения опыт, поставить задачи для дальнейшего саморазвития, самостоятельно контролировать и корректировать процесс реализации своей учебной деятельности. Знание типичных познавательных состояний позволит учителю не только создавать более благоприятную учебную среду, но и учитывать влияние переживаемых школьниками состояний на учебно-воспитательный процесс.

Обзор литературы

Познавательные состояния выполняют развивающую функцию по отношению к мыслительным способностям школьников [1]. Систематическое повторение их в процессе учебной деятельности приводит к формированию таких качеств субъекта, как познавательная активность, любознательность, вдумчивость, что способствует достижению целей обучения [2]. Поэтому познавательные состояния необходимо рассматривать как одно из психолого-педагогических средств активизации учебной деятельности школьников.

В учебно-познавательной деятельности школьников познавательные состояния по своему содержанию схожи с так называемыми «академическими эмоциями» [3]. Этот теоретический конструкт учитывает значимость учебной ситуации для учащихся, поведение и профессиональный уровень преподавателя, степень сложности решаемых задач, стиль общения и др. Поскольку учебная деятельность во многом связана с академическими достижениями, эмоции в обучении также называют «эмоциями достижений». Большинство эмоций, связанных с обучением, относится к эмоциям достижений, так как касается оцениваемой самим обучающимся или окружающими учебной деятельности. Достижение определяется как характеристика деятельности или ее результатов, оцениваемая по определенным стандартам.

Примерами эмоций, связанных с результатом деятельности, являются *радость* и *гордость* при достижении целей обучения и *разочарование* и *стыд* при неудаче. К эмоциям, связанным с самой деятельностью, относят,

например, *волнение*, *скуку* при обучении в аудитории или *злость*, *гнев* по поводу требований преподавателя.

Как правило, академические эмоции определяются с точки зрения объекта их направленности (процесс обучения или его результаты), их валентности (позитивные / негативные) и активационного влияния на учебную деятельность (активирующие / деактивирующие) [4].

На сегодняшний день наиболее влиятельной является Control-value theory of achievement emotions [3]. Ее авторы определяют академические эмоции как «...эмоции, относящиеся к деятельности, связанной с достижением, и к самим результатам такой деятельности» [5. Р. 15].

В этой теории эмоций достижения рассматриваются с позиции социально-когнитивных аспектов. Предполагается, что оценка степени контроля и значимости обучения, преподавания и их результатов сильно влияет на эмоции обучающихся и преподавателей. Различные эмоции появляются в результате комбинирования этих оценок. Возникновение определенных эмоций достижения связано с ощущением подконтрольности или отсутствия контроля над процессом и результатом деятельности, которая является значимой для обучающихся. Таким образом, оценки контроля и значимости обучения являются определяющими в возникновении эмоций.

В прикладном плане знание академических эмоций и их функций в процессе обучения позволит лучше понять феномены познавательной активности и роль мотивации достижения в процессе обучения. Проводимые сегодня исследования должны дать ответ на вопрос – каким образом разные типы академических эмоции влияют на мотивацию учащихся, саморегуляцию их поведения, использование стратегий обучения, распределение когнитивных и физических ресурсов и в конечном итоге – на академические достижения [6].

В проводимых нами исследованиях состояний в академической деятельности было установлено, что познавательные состояния скуки и заинтересованности встречаются у школьников на 80%-ном уровне частоты встречаемости, а состояния сосредоточенности и любопытства – на уровне 67%. Специфичность познавательных состояний школьников заключается в развертывании их на фоне доминирующих в учебном процессе эмоций различного знака и глубины [7. С. 46].

В то же время за рамками исследований осталась основная функция познавательных состояний, связанная с активностью рефлексивных (метакогнитивных) процессов. Благодаря рефлексии осуществляются такие компоненты учебной деятельности, как *контроль* и *оценка* [8. С. 141]. Рефлексивная функция познавательных состояний проявляется в осознании условий и требований задач, способов действия с познаваемым объектом, а также смыслового содержания деятельности. Тем самым состояния выполняют функцию регуляции процессов переработки информации [9].

Исследование познавательных состояний школьников сопряжено с рядом трудностей, обусловленных их возрастными особенностями. Основная трудность связана с недостаточными навыками школьников в осозна-

нии и понимании переживаемых в процессе обучения состояний. В то же время ученики 10-х классов уже способны в качестве предмета анализа и оценки рассматривать собственные интеллектуальные операции [10]. Развитие когнитивного аспекта рефлексии у подростков способствует улучшению навыков по распознаванию и описанию психических состояний, возникающих в учебном процессе. Как показывают исследования, начиная с 7-го класса у школьников формируется стабильная стадия переживания учебной деятельности, которая связана с инвариантным, устойчивым способом переживания процесса обучения. Разноуровневые циклы существования переживания сливаются в «...единый цикл переживания учебной деятельности» [11. С. 27].

Материалы и методы исследования

Целью исследования являлось изучение взаимосвязи рефлексивности и интеллекта с познавательными состояниями и успешностью решения математических (геометрических) задач подростками.

Исследование проходило в два этапа. На *первом этапе* анализировались литературные источники с целью подбора задач разного уровня сложности. Были выбраны 8 задач из наиболее распространенных учебников геометрии для 7–9-х классов [12, 13], из них три задачи ученического уровня усвоения, три – типового уровня усвоения, одна задача эвристического уровня усвоения и одна – творческого уровня усвоения [14].

Согласно работе В.П. Беспалько, задачи ученического уровня учащиеся могут выполнять при повторном восприятии ранее усвоенной информации об объектах, процессах или действиях с ними. Это алгоритмическая деятельность при внешне заданном алгоритмическом описании. В типовой задаче учащиеся самостоятельно выполняют репродуктивное алгоритмическое действие, воспроизводя и применяя информацию о ранее усвоенной ориентировочной основе выполнения данного действия. В эвристической задаче от учащегося требуется уточнить ситуацию и применить ранее усвоенные действия для решения. Учащийся в ходе выполнения деятельности добывает субъективно новую информацию. Если в задаче известна лишь в общей форме цель деятельности, а поиску подвергаются и подходящая ситуация, и действия, ведущие к достижению цели, это продуктивное действие творческого типа, в результате которого создается объективно новая ориентировочная основа деятельности.

Задачи оценивались по-разному в зависимости от уровня сложности. Первая и вторая задачи ученического уровня усвоения оценивались в 4 балла, третья – в 5 баллов. Первая задача типового уровня усвоения оценивалась в 2 балла, вторая – в 6 баллов, третья – в 4 балла. Задача эвристического уровня усвоения оценивалась в 6 балла, задача творческого уровня – в 5 баллов.

Далее приведем примеры задач различных уровней трудности, которые использовались в исследовании.

Уровень 1 (ученический)

Задача. По данным градусной меры дуги AB на рис. 1–4 определите градусную меру угла x (поставьте номер соответствующего рисунка рядом с правильным ответом):

- А) 30° – рис. ____,
- Б) 40° – рис. ____,
- В) 45° – рис. ____,
- Г) 80° – рис. ____.

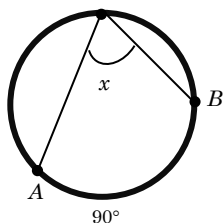

Рис. 1

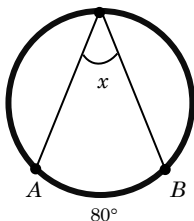

Рис. 2

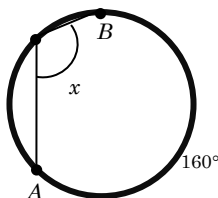

Рис. 3

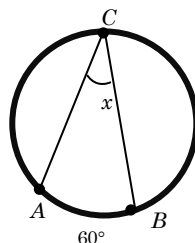

Рис. 4

Уровень 2 (типовой)

Задача. Прямая пересекает в точках M и K окружность с центром O и радиусом, равным 5. Найдите длину отрезка MK , если известно, что расстояние от центра окружности до прямой MK равно 4.

Уровень 3 (эвристический)

Задача. Диагонали равнобедренной трапеции $ABCD$ с боковой стороной AB пересекаются в точке P . Докажите, что центр O описанной около нее окружности лежит на окружности, описанной около треугольника APB .

Уровень 4 (творческий)

Задача. Через данную точку M проведены всевозможные прямые, на которых данная окружность с центром O отсекает отрезки, являющиеся ее хордами. Найдите множество середин таких хорд, если точка M лежит: а) вне окружности; б) внутри окружности; в) на окружности

На *втором этапе* эмпирическое исследование проходило в течение трех стандартных уроков. Учитывая трудности подростков в осознании и дифференциации психических состояний, перед проведением исследования с каждой группой школьников проводился *вводный урок*, посвященный психическим состояниям человека. Учащиеся знакомились с глоссарием психических состояний, обсуждали с психологом-исследователем вопросы правильной идентификации и описания своего состояния.

На *первом уроке* проводилось исследование уровня рефлексивности и уровня интеллекта учеников. Использовались тест структуры интеллекта Р. Амтхауэра, опросник АВ. Карпова на рефлексивность. Для получения обратной связи о понимании учениками глоссария познавательных состояний применялось интервью.

На *втором уроке* школьникам были предложены четыре математические задачи – одна задача ученического уровня, две типового уровня и одна эвристического уровня. Задачи решались каждым учеником самостоя-

тельно, в процессе решения ученики отмечали свои психические состояния в специальных бланках. Регистрация познавательных состояний проходила перед решением математических задач и в процессе решения.

На *третьем уроке* ученики также решали четыре задачи – две ученического уровня, одну типового уровня и одну творческого уровня – и вновь отмечали свои психические состояния во время каждой задачи.

Для статистической обработки полученных данных использовались корреляционный анализ (по Спирмену) и методы качественной обработки. Изучались взаимосвязи между частотой актуализации познавательных состояний, рефлексивностью, уровнем интеллекта и успешностью решения геометрических задач.

Исследование проводилось в общеобразовательных школах Казани. В исследовании приняли участие 43 учащихся старших классов, средний возраст 15,7 лет.

Результаты исследования

Анализ показал, что познавательные состояния составляют 54% от общего числа психических состояний, возникающих в процессе решения геометрических задач. В процессе решения задач ученического уровня выявлено 38% познавательных состояний, типового уровня – 40%, эвристического уровня – 12%, творческого – 9%.

Учащиеся, успешно справившиеся с задачами, переживали познавательные состояния *раздумья* (размышления), *сосредоточенности*, *заинтересованности*. Ключевым непознавательным состоянием являлось волевое состояние *спокойствия*. Данное состояние позволяет преодолевать страх, волнение, возбуждение, апатию, мобилизует ресурсы внимания и способствует контролю деятельности.

Учащиеся, не решившие задачи, наряду с позитивными познавательными состояниями имели выраженные переживания *сомнения*, *трудности*, *озадаченности*, *мечтательности*, *лени*, *усталости*, *задумчивости*, *скуки* и *апатии*. Эти состояния отвлекали внимание от процесса решения, мешали сосредоточиться, а при решении эвристической и творческой задач такие состояния, как *озадаченность*, *трудность* и *сомнение*, приводили к быстрой потере интереса к задачам и самому процессу исследования в целом.

Важно отметить, что на успешность решения задач влияют не только состояния, которые испытывают ученики в процессе решения задач. Большую роль играют способности школьников, а также мотивационный настрой на процесс решения задач.

Связь уровня интеллекта и рефлексивности с частотой актуализации познавательных состояний в процессе решения задач

Ученики с высоким интеллектуальным уровнем познавательные состояния переживали чаще, чем ученики со средним и низким уровнем интеллекта. Испытуемые с высоким интеллектом даже в состоянии *сонливости* и *апатии* правильно решили задачи ученического и типового уровня,

тогда как ученики с низким интеллектом, пребывая в данных состояниях, не могли решить эти же задачи. Отметим, что у испытуемых с высоким интеллектом более 50% переживаемых состояний во время решения задач составляли познавательные состояния, а у испытуемых с низким и средним интеллектом познавательные состояния составили 41% из всех переживаемых состояний.

Далее были вычислены корреляции между интеллектом, рефлексивностью, баллами и частотой встречаемости познавательных состояний.

В табл. 1 показаны значимые положительные корреляции между уровнем интеллекта и успешностью решения задач, а также между уровнем рефлексивности школьников и частотой переживаемых познавательных состояний, где большему уровню рефлексивности соответствует большая частота познавательных состояний. Это подтверждает наше предположение о том, что частота актуализации познавательных состояний связана с *рефлексивными (метакогнитивными) процессами*.

Кроме того, на уровне тенденции наблюдается связь между частотой переживания познавательных состояний и успешностью решения математических задач.

Таблица 1

Корреляционная связь между интеллектом, рефлексивностью, успешностью решения задач и частотой встречаемости познавательных состояний

Показатели	Корреляции	Успешность	Рефлексия	Интеллект	Частота
Успешность	Козф. коррел.	1,0	,168	,364	,301
	Значимость	.	,216	,040	,077
Рефлексия	Козф. коррел.	,168	1,0	,036	,440
	Значимость	,216	.	,433	,016
Интеллект	Козф. коррел.	,364	,036	1,0	,121
	Значимость	,040	,433	.	,286
Частота	Козф. коррел.	,301	,440	,121	1,0
	Значимость	,077	,016	,286	.

При помощи критерия Фишера (угловое преобразование Фишера) была проверена достоверность различий между процентными долями испытуемых, переживающих познавательные состояния с частотой более 50%, в группах с различными уровнями развития интеллекта. Сравнивались две группы – группа 1 с высокими показателями интеллекта и группа 2 со средними и низкими показателями (табл. 2).

Таблица 2

Взаимосвязь уровня интеллекта с частотой актуализации познавательных состояний в ходе решения задач

Группы	Частота познавательных состояний более 50%	Частота познавательных состояний менее 50%
	Количество испытуемых	Количество испытуемых
Группа 1	53,3%	46,7%
Группа 2	16%	84%

Полученное эмпирическое значение $\varphi^* = 2,492$, $p \leq 0,01$ находится в зоне статистической значимости, т.е. количество школьников, переживающих познавательные состояния с частотой более 50%, больше в группе с высоким интеллектом, чем во второй группе со средним и низким. Это позволяет сделать вывод, что ученики с высоким уровнем интеллекта чаще переживают познавательные состояния в процессе умственной деятельности.

Дискуссионные вопросы

В учебном процессе актуализация и интенсификация познавательных состояний, как правило, приводит к успешности обучения. Без систематического переживания этих состояний обучающиеся не могут усвоить все многообразие получаемых знаний, обобщить полученный в ходе обучения познавательный опыт, определить цели дальнейшего саморазвития. Частота актуализации и интенсивность познавательных состояний на занятиях являются важными факторами успешного усвоения знаний. Формирование познавательных умений и навыков опирается на создание и поддержание в учебном классе таких состояний, как познавательная активность (развивающее обучение), догадка, инсайт (проблемное обучение), рефлексирование (метакогнитивный класс) и др. Эти особенности познавательных состояний связаны с тем, что функции познавательных состояний, как показывают наши исследования, проявляются в актуализации познавательной активности, развитии познавательной сферы, метакогнитивной регуляции, а также связаны с изменением отношений субъекта к предметной деятельности и социуму в целом [9]. Проявления этих функций в психическом целом и жизнедеятельности субъекта, на наш взгляд, определяются ментальной регуляцией: влиянием смысловых структур сознания, рефлексией и другими характеристиками.

Дискуссионными вопросами являются регуляторные аспекты, связанные с актуализацией, феноменологией и влияниями познавательных состояний на успешность деятельности человека. Наши концептуальные представления о психологических механизмах познавательных состояний опираются на изучение роли ментальной организации человека, влияющей на познавательные состояния. Мы полагаем, что структуры сознания (смысловые, семантические, рефлексивные, репрезентативные и др.), а также интеллект определяют возникновение, динамику, интенсивность, длительность и другие характеристики познавательных состояний. Эти предположения и послужили основой проведенного исследования, в котором были получены результаты, подтверждающие наши представления.

Заключение

В учебной деятельности школьников наибольшей продуктивности в решении математических задач способствуют познавательные состояния *внимания, заинтересованности, размышления (раздумья), задумчивости*

в сочетании с волевым состоянием *спокойствия*. Включенность состояния спокойствия в структуру познавательных состояний позволяет преодолевать негативные состояния страха, сильного волнения, способствует собранности, готовности выполнить предложенные задачи.

Состояния *лени, апатии, скуки, волнения, трудности, усталости* препятствуют успешному решению задачи. *Трудность* и *сомнение* приводят к потере интереса к задаче, снижают познавательный настрой, стремление решить задачи.

Частота актуализации познавательных состояний в большей степени связана с уровнем рефлексивности, а не с интеллектом, который статистически значимо коррелирует лишь с успешностью решения задач. Чем выше уровень рефлексивности, тем чаще ученик переживает, осмысливает и актуализирует познавательные состояния, которые имеют тенденцию коррелировать с успешностью решения задач.

В процессе решения задач творческого и эвристического уровня частота актуализации познавательных состояний наименьшая. Эти задачи оказались слишком трудными для учеников.

Литература

1. Prokhorov A.O., Chernov A.V., Yusupov M.G. Influence of mental states on reflexive processes in academic activity // Mathematics Education. 2016. Vol. 11, is. 4. P. 705–713.
2. Вилькеев Д.В. Педагогическая психология. Казань : Изд-во ТГГПУ, 2007. 256 с.
3. Pekrun R., Goetz T., Titz W., Perry R.P. Academic emotions in students' self-regulated learning and achievement: A program of quantitative and qualitative research // Educational Psychologist. 2002. Vol. 37. P. 91–106. DOI: http://dx.doi.org/10.1207/S15326985EP3702_4.
4. Linnenbrink E.A. The role of affect in student learning: a multi-dimensional approach to considering the interaction of affect, motivation and engagement // Emotion in education / P.A. Schutz, R. Pekrun (eds.). Amsterdam : Elsevier. 2007. P. 107–124. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/B978-012372545-5/50008-3>.
5. Pekrun R., Frenzel A.C., Goetz T., Perry R.P. The control-value theory of achievement emotions: an integrative approach to emotions in education // Emotions in education / P.A. Schutz, R. Pekrun (eds.). San Diego, CA : Academic Press. 2007. P. 13–36. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/B978-012372545-5/50003-4>.
6. Zeidner M. Test Anxiety in Educational Contexts: Concepts, Findings, and Future Directions. // Emotion in Education / P.A. Schutz, R. Pekrun (eds.). Boston, MA : Elsevier Academic Press. 2007. P. 165–184. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/B978-012372545-5/50011-3>.
7. Прохоров А.О. Психические состояния и их проявления в учебном процессе. Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 1991. 167 с.
8. Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2004. 288 с.
9. Прохоров А.О., Юсупов М.Г. Рефлексивный слой познавательных состояний // Экспериментальная психология. 2017. Т. 10. № 2. С. 91–103. DOI: [doi:10.17759/exprpsy.2017100208](https://doi.org/10.17759/exprpsy.2017100208)
10. Психология подростка. Полное руководство / под ред. А.А. Реана. СПб. : Прайм-Еврознак, 2003. 432 с.

11. Фахрутдинова Л.Р. Структурно-динамическая организация переживания субъекта : автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.01 / Казан. (Приволж.) федер. ун-т. Казань, 2012. 41 с.
12. Атанасян Л.С. Геометрия: учебник для 7–9-х классов. М. : Просвещение, 2010. 384 с.
13. Погорелов А.В. Геометрия : учебник для 7–9-х классов. 2-е изд. М. : Просвещение, 2014. 240 с.
14. Беспалько В.П. Слагаемые педагогической технологии. М. : Педагогика, 1989. 192 с.

Поступила в редакцию 06.08.2018 г.; принята 24.09.2018 г.

Сведения об авторах:

ПРОХОРОВ Александр Октябрьнович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии Института психологии и образования Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия). E-mail: alprokhor1011@gmail.com

ЮСУПОВ Марк Геннадьевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии Института психологии и образования Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия). E-mail: yusmark@yandex.ru

MENTAL REGULATION OF COGNITIVE STATES IN THE INTELLECTUAL ACTIVITY OF ADOLESCENTS

Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology, 2018, 70, 6–16

DOI: 10.17223/17267080/70/1

Alexander O. Prokhorov, Mark G. Yusupov, Kazan (Volga region) Federal University, (Kazan, Russian Federation). E-mail: alprokhor1011@gmail.com; yusmark@yandex.ru

Keywords: intellectual activity; cognitive states; reflexivity; intelligence; learning success; adolescence.

The relevance of the study is due to the problem of searching mental mechanisms and logic in the regulation of human states. In the context of this problem, the aim of the study was to study the laws of the relationship between reflexivity and intelligence, on the one hand, and the cognitive states and the successful solving mathematical (geometric) problems by adolescents, on the other.

We carried out the experiments in real conditions of schoolchildren's educational activity. The study involved 43 pupils of the 10th grades at the age of 15-16. The study consisted of two stages. At the first stage, we analyzed literature with the purpose of selecting the tasks with different levels of complexity. We chose 8 tasks from textbooks on geometry for grades from 7 to 9. At the second stage, during three standard lessons the empirical study was conducted.

At the first lesson, we observed the reflexivity and the intelligence level of the students. At the second lesson, we offered the students to solve 4 mathematical tasks: a task of the students' level, two tasks of the standard level and a task of the heuristic level. We registered the cognitive states before solving the mathematical tasks and in the process of solving. At the third lesson, the students solved four tasks: two tasks of the students' level, a task of the standard level and a creative task. Students also noted their mental states in the process of solving each task.

We have found that the frequency of actualization of cognitive states is more related to the level of reflexivity, rather than to the intelligence. Students with the high level of reflexivity more often experience cognitive states. The frequency of cognitive states tends to correlate with the successfully solved tasks. In the process of solving the tasks of creative and heuristic levels, the frequency of cognitive states actualization is the least.

Teachers can use the results in the planning of training sessions, taking into account the individual characteristics of students.

References

1. Prokhorov, A.O., Chernov, A.V. & Yusupov, M.G. (2016) Influence of mental states on reflexive processes in academic activity. *Mathematics education*. 11(4). pp. 705–713.
2. Vilkeev, D.V. (2007) *Pedagogicheskaya psikhologiya* [Pedagogical psychology]. Kazan: Tatar State University of Humanities and Education.
3. Pekrun, R., Goetz, T., Titz, W. & Perry, R.P. (2002) Academic emotions in students' self-regulated learning and achievement: A program of quantitative and qualitative research. *Educational Psychologist*. 37. pp. 91–106. DOI: 10.1207/S15326985EP3702_4
4. Linnenbrink, E.A. (2007) The role of affect in student learning: A multi-dimensional approach to considering the interaction of affect, motivation and engagement. In: Schutz, P.A. & Pekrun, R. (eds) *Emotion in Education*. Amsterdam: Elsevier. pp. 107–124. DOI: 10.1016/B978-012372545-5/50008-3
5. Pekrun, R., Frenzel, A.C., Goetz, T. & Perry, R.P. (2007) The control-value theory of achievement emotions: An integrative approach to emotions in education. In: Schutz, P.A. & Pekrun, R. (eds) *Emotion in Education*. San Diego, CA: Academic Press. pp. 13–36. DOI: 10.1016/B978-012372545-5/50003-4
6. Zeidner, M. (2007) Test anxiety in educational contexts: Concepts, findings and future directions. In: Schutz, P.A. & Pekrun, R. (eds) *Emotion in Education*. San Diego, CA: Academic Press. pp. 165–184. DOI:10.1016/B978-012372545-5/50011-3
7. Prokhorov, A.O. (1991) *Psikhicheskie sostoyaniya i ikh proyavleniya v uchebnom protsesse* [Mental conditions and their manifestations in the learning process]. Kazan: Kazan State University.
8. Prokhorov, A.O. & Yusupov, M.G. (2017) Reflexive layer of cognitive states. *Ekspierimental'naya psikhologiya – Experimental Psychology*. 10(2). pp. 91–103. (In Russian). DOI: 10.17759/exppsy.2017100208
9. Davydov, V.V. (2004) *Problemy razvivayushchego obucheniya* [Problems of developmental learning: a textbook for students]. Moscow: Academia.
10. Rean, A.A. (2003) *Psikhologiya podrostka. Polnoe rukovodstvo* [Psychology of a teenager. Complete guide]. St. Petersburg: Praym-evroznak.
11. Fakhrutdinova, L.R. (2012) *Strukturno-dinamicheskaya organizatsiya perezhivaniya sub"ekta* [Structure-dynamic organization of the subject's experience]. Abstract of Psychology Dr. Diss. Kazan: Kazan Federal University.
12. Atanasyan, L.S. (2010) *Geometriya* [Geometry]. Moscow: Obrazovanie.
13. Pogorelov, A.V. (2014) *Geometriya* [Geometry]. Moscow: Prosveshcheniye.
14. Bespalko, V.P. (1989) *Slagaemye pedagogicheskoy tekhnologii* [Components of pedagogical technology]. Moscow: Pedagogika.

Received 06.08.2018;

Accepted 24.09.2018

УДК 159.9; 316.6

DOI: 10.17223/17267080/70/2

М.П. Шульмин

*Томский государственный университет систем управления
и радиоэлектроники (Томск, Россия)*

Психологические факторы переживания личностью социальной эксклюзии

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки РФ
в рамках госзадания, проект № 28.8279.2017/8.9.

Целью данного исследования является выявление психологических факторов переживания личностью социальной эксклюзии. Факторный анализ признаков переживания личностью социальной эксклюзии использовался для выявления основных компонент данных факторов. С его помощью определено четыре фактора переживания личностью социальной эксклюзии. Кроме того, результаты показали, что социальная эксклюзия приводит к возникновению сети симптомов уязвимости личности к стрессовым ситуациям и возможной повторной эксклюзии.

Ключевые слова: социальная эксклюзия; психологическая уязвимость личности; социальная группа; факторный анализ; потребность в принадлежности.

Введение

Исследование проблемы переживания личностью социальной эксклюзии имеет теоретическое и практическое значение для психопатологии, ставящей такие вопросы, как «Почему некоторые люди на протяжении всей своей жизни уязвимы к развитию психических нарушений, в то время как другие индивиды, проходя сквозь испытания и бедствия в жизни, остаются невредимыми?», «Почему исследователи не способны определить существенные признаки (психологические, неврологические или генетические) психических нарушений у личности?», «Что в первую очередь представляет из себя психическое нарушение?». Вопреки существовавшим в прошлом веке ожиданиям, в наше время, когда психопатологическое исследование стало соответствовать научным принципам, все еще не существует простых ответов на данные и другие вопросы о причинах психопатологии. Отдельные крупные методологические школы психопатологических исследований, которые пытались редуцировать психические нарушения к простым психическим, средовым и биологическим дисфункциям или предрасположенностям к заболеваниям, не смогли преодолеть строгую мультифакторную идеологию относительно психических нарушений.

Социальная эксклюзия представляет собой одну из экзистенциальных проблем существования человека в современном обществе, решение которой связано с сохранением его психического здоровья.

Большинство индивидов в контексте их жизни переживают чувство эксклюзии, или отвергнутости, со стороны значимых для них людей. Все без исключения последствия социальной эксклюзии являются негативными как для отдельных людей, так и для социальных групп. Это может объясняться через одну из основных потребностей человека в принадлежности к социальной группе. Известно, что после основных потребностей, связанных с выживанием, таких как потребность в пище или потребность в жилье, потребность в принадлежности является сильнейшей мотивацией поведения человека [1. Р. 508; 2. Р. 479]. Специалисты в области психического развития утверждают, что люди имеют потребность, чтобы другие были привязаны к ним, это обусловлено их желанием чувствовать безопасность [3]. Такие потребности имеют филогенетические основания в том, что люди, которые создают и сохраняют четкие границы совместно с другими, могут быть более подготовлены к выживанию в трудных жизненных обстоятельствах и репродукции, чем те, кто живут одни [4. Р. 17]. Вероятно, из этого следует, что люди будут часто посвящать себя, свое время и энергию формированию и сохранению социальной привязанности, а также будут подвергаться негативному воздействию в том случае, если привязанность отсутствует или разрушена [1. Р. 522; 5. Р. 225; 6]. В отечественных исследованиях социальной эксклюзии преимущественно раскрывается социологический аспект данного феномена [7. С. 6; 8. С. 5; 9. С. 5]. Незначительное количество именно психологических исследований последствий социальной эксклюзии в отечественной литературе отмечается и другими авторами [10. С. 30]. Таким образом, целью данного исследования стало выявление психологических факторов переживания личностью социальной эксклюзии в перспективе их последующей интерпретации с позиции современного сетевого подхода в психопатологии к структуре психических нарушений.

Социальная эксклюзия является сложным концептом, заключающим в себе множество взаимосвязанных процессов и проблем. Она создает далеко идущие последствия для отдельных индивидов и социальных групп, связана с формированием негативных осложнений, включая низкий уровень здоровья и благополучия, академическое отставание учащихся, анти-социальное и криминальное поведение, снижение доступности ресурсов, трудовой занятости, отсутствие социальной справедливости [11]. В последние годы в зарубежной литературе был отмечен существенный рост социально-психологических исследований причин и последствий социальной эксклюзии. Исследователи часто делали попытки обозначить значимые различия между разными типами переживания опыта эксклюзии [12. Р. 43], но эта сфера до сих пор остается неясной, так как результаты, полученные для отдельных индивидов и социальных групп, являются взаимосвязанными. Здесь, термин «социальная эксклюзия» будет использоваться

для обозначения последствий существования в эксклюзии, в состоянии отвержения или маргинализации от желаемых отношений или социальных групп, а также для обозначения социально-психологических процессов, через которые происходит социальная эксклюзия.

Обзор литературы

Обзор существующих исследований прояснил, что многие примеры социальной эксклюзии основываются на общих ценностях, убеждениях и мотивации социальных групп действовать друг против друга. Некоторые люди систематически обесцениваются и исключаются из определенной сферы просто потому, что они являются членами особенной социальной категории или социальной группы. Растет количество исследований, изучающих стратегии, которые используются людьми из данных социальных групп, для совладания с их обесцениванием, маргинализированным или исключенным статусом.

Многие исследования, проведенные на основании самоотчетов респондентов о психологической саморегуляции, психологическом благополучии и переживаемых чувствах, выявили реакции людей на социальную эксклюзию. Несколько исследований показало, что исключенные из желаемых отношений и социальных групп люди чувствуют ряд негативных эмоций, включая грусть, разочарование, ревность, гнев и стыд [5. Р. 224; 13. Р. 180; 14. Р. 379; 15. Р. 756]. Жизнь в эксклюзии делает людей более тревожными [13. Р. 172; 16. Р. 1045; 17. Р. 478] и снижает их удовлетворенность жизнью, восприятие значимости собственного существования и надежду на позитивное будущее [15. Р. 755; 18. Р. 1182; 19. Р. 295; 20; 21. Р. 565]. Эти эмоции появляются независимо от источников эксклюзии. Например, K. Gonsalkorale и K. Williams [18] выявили, что отвергнутые люди со стороны презирующих их членов внешней группы оценивают этот факт в качестве причины теперь уже их собственного отвращения к людям, отвергнутым членами собственной группы или членами внешней группы-соперника. Кроме этого, когда люди исключены из группы, они теряют все психологические и материальные выгоды от своего группового членства, т.е. включенность в социальную сеть, социальную и информационную поддержку, доступ к ресурсам и т.д. Неудивительно, что люди чувствуют снижение самооффективности вследствие социальной эксклюзии [22. Р. 128]. Снижение самооффективности может подорвать восприятие контроля, которое само по себе, как было показано, может коррелировать с рядом негативных эмоций, включая тревогу, фрустрацию и гнев [22. Р. 128; 23. Р. 60; 24. Р. 262; 25. Р. 269; 26. Р. 101].

Чувство жизни в эксклюзии также близко к ощущению физической боли [27. Р. 211]. Williams и Fitness (2004; цит. по: [28. Р. 440]) выявили тот факт, что когда людей просили вспомнить физически или социально болезненные события, текущий опыт переживания боли был сильнее при воспоминании социально болезненного опыта, особенно у тех, кто подвер-

гался социальным гонениям. Кроме того, N. Eisenberger, M. Lieberman и K. Williams [29. Р. 292] использовали магнитно-резонансный томограф (МРТ) для исследования нервных коррелятов социальной эксклюзии и выявили, что определенные отделы мозга, которые активируются во время переживания физической боли, активируются и во время переживания социальной эксклюзии.

Социальная эксклюзия также коррелирует со случаями совершения суицида и мыслями о нем. Е. Durkheim [30] утверждал, что утрата социальной интеграции была связана с уровнем суицидов в различных обществах. Он выявил людей, находящихся в значительном риске суицида. Это чрезмерно индивидуализированные, имеющие ограниченные связи с семьей и обществом, выглядящие как неприспособленные, отвергнутые и страдающие от ограниченных возможностей люди. Недавние исследования подтвердили эти результаты: чувство непринадлежности или разрыва связи с другими, восприятие изоляции, отвергнутости, покинутости, потери поддержки от социальных сетей показали корреляцию с уровнем суицидов в различных обществах [31. Р. 502; 32. Р. 717; 33. Р. 1882; 34. Р. 31; 35. Р. 75; 36; 37. Р. 64]. Похожие тенденции проявились в исследованиях самоповреждающего поведения [38. Р. 52; 39. Р. 200]. В контраст этому сильные семейные связи [40. Р. 180], религиозное членство [41. Р. 2306] и увлечение коллективным досугом [42. Р. 87] связаны с восприятием принадлежности и сплоченности, которые могут защищать от возникновения негативных мыслей и самоповреждающего поведения.

В результате анализа существующих на данный момент в психологии исследований социальной эксклюзии было выявлено наличие 61-го эмпирического признака переживания людьми данного явления в социальных отношениях. Перечень выявленных эмпирических признаков переживания людьми социальной эксклюзии включает в себя:

- 1) потребность в принадлежности к социальной группе;
- 2) потребность психологически привязать к себе людей для чувства собственной безопасности;
- 3) чувство грусти;
- 4) чувство разочарования;
- 5) чувство ревности;
- 6) чувство гнева;
- 7) чувство стыда;
- 8) тревога;
- 9) сниженная удовлетворенность жизнью;
- 10) сниженное восприятие значимости собственного существования;
- 11) сниженная надежда;
- 12) сниженная самооценочность;
- 13) подорванное восприятие контроля;
- 14) фрустрация;
- 15) депрессия;
- 16) низкая самооценка;

- 17) низкое психическое благополучие;
- 18) обостренная чувствительность к боли;
- 19) хроническое ожидание эксклюзии;
- 20) утрата доверия к людям;
- 21) утрата мотивации искать новые социальные отношения;
- 22) восприятие собственной ущербности;
- 23) неравенство в здоровье (чаще и раньше заболевают);
- 24) короткие жизненные ожидания;
- 25) наличие дискриминации;
- 26) ночные кошмары;
- 27) навязчивые мысли;
- 28) навязчивые образы;
- 29) курение;
- 30) злоупотребление алкоголем;
- 31) антисоциальное поведение;
- 32) агрессивное поведение;
- 33) самоповреждающее поведение;
- 34) просоциальное поведение;
- 35) примирительное поведение;
- 36) попытки мщения;
- 37) критика социальных групп, из которых были исключены;
- 38) нанесение вреда социальным группам;
- 39) отсутствие желания поддерживать других;
- 40) отсутствие желания кооперироваться с другими;
- 41) увлечение рискованными видами деятельности;
- 42) нездоровое поведение;
- 43) угроза контролю над базовыми потребностями;
- 44) дистанцирование от исключившей группы;
- 45) отказ от отношений с потенциальной эксклюзией;
- 46) мысли о суициде;
- 47) восприятие изоляции;
- 48) чувство разрыва связи с другими;
- 49) чувство непринадлежности;
- 50) восприятие отвергнутости;
- 51) восприятие покинутости;
- 52) чувство потери поддержки;
- 53) работа ради группы;
- 54) согласие с групповым мнением;
- 55) стремление вызвать к себе любовь;
- 56) стремление быть похожим на других;
- 57) отвержение других, непохожих на прототип члена своей группы;
- 58) дискриминация против внешней группы;
- 59) восприятие гомогенности своей группы;
- 60) враждебность к внешней группе;
- 61) демонстрация выполнения норм своей группы.

Метод исследования

На основании выявленных эмпирических признаков переживания людьми социальной эксклюзии был составлен бланк опросника в виде 61 утверждения с тремя вариантами ответов. К опроснику была составлена следующая инструкция: «Данный опросник предназначен для определения особенностей отношений человека с социальными группами. Вам предлагается выбрать степень согласия (1. Никогда. 2. Иногда. 3. Регулярно) с 61 утверждением. Оценивайте утверждения относительно вашего состояния за последние 6 месяцев. Ответы в виде выбранной цифры заносите в бланк ответов».

В исследовании принял участие 331 респондент: студенты гуманитарных и технических специальностей из Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР) и Томского государственного университета (ТГУ). Целесообразность формирования выборки из студенческой молодежи двух университетов, обучающихся по гуманитарным и техническим специальностям, объясняется актуальностью проблемы влияния социальной эксклюзии на психическое здоровье молодых людей и последующей задачей проведения сравнительного параметрического анализа отличий переживания социальной эксклюзии представителями разных университетов и специальностей. Освещение результатов решения задачи выявления межгрупповых различий требует отдельной научной публикации.

Для математической обработки полученных результатов опроса использовался факторный анализ методом главных компонент.

Результаты исследования

В результате факторного анализа была получена факторная модель, состоящая из четырех главных компонент. Данная факторная модель позволяет объяснить 29,099% дисперсии значений переменных:

$$\begin{aligned} &\text{Первая (15,668\%)} + \text{Вторая (5,59\%)} + \text{Третья (4,287\%)} + \\ &\quad + \text{Четвертая (3,554\%)} = 29,099\% \end{aligned}$$

Переменные, вошедшие в четыре компоненты, и их факторные нагрузки представлены в табл. 1–4.

Первая компонента была названа фактором личностной уязвимости. Здесь, с позиции сетевого подхода, под личностной уязвимостью понимается возникновение структурированной сети выраженных симптомов (эмпирических признаков), как следствия реагирования личности на травмирующее стрессовое событие переживания социальной эксклюзии. В дальнейшем, возникшая структурированная сеть симптомов будет влиять на состояние и поведение системы в целом, и личность с высокой вероятностью станет уязвимой к последующим стрессовым событиям в жизни, что без своевременного применения психотерапевтического воздействия может обуславливать повышение интенсивности развития патологических процессов на уровне функционирования организма и психики.

Таблица 1

Первая компонента

Названия переменных	Факторные нагрузки
Восприятие отвергнутости	0,650
Восприятие покинутости	0,604
Восприятие изоляции	0,595
Хроническое ожидание эксклюзии	0,580
Депрессия	0,580
Сниженная удовлетворенность жизнью	0,576
Сниженная самооффективность	0,572
Сниженное восприятие значимости существования	0,569
Восприятие собственной ущербности	0,559
Чувство разрыва связи с другими	0,554
Низкое психическое благополучие	0,551
Дистанцирование от исключившей группы	0,546
Сниженная надежда	0,494
Критика социальных групп, из которых были исключены	0,474
Неравенство в здоровье	0,474
Низкая самооценка	0,466
Навязчивые мысли	0,449
Чувство непринадлежности	0,429
Чувство потери поддержки	0,425
Тревога	0,424
Чувство грусти	0,421
Мысли о суициде	0,418
Наличие дискриминации	0,416
Отказ от отношений с потенциальной эксклюзией	0,410
Попытки мщения	0,407
Обостренная чувствительность к боли	0,403

Таблица 2

Вторая компонента

Название переменных	Факторные нагрузки
Стремление вызвать к себе любовь	0,628
Примирительное поведение	0,616
Согласие с групповым мнением	0,570
Демонстрация выполнения норм своей группы	0,542
Работа ради группы	0,536
Стремление быть похожим на других людей	0,507
Просоциальное поведение	0,489
Потребность в принадлежности к социальной группе	0,467

Вторая компонента была названа фактором конформизма. Конформизм здесь понимается как вариант психологической защиты, которая используется для совладания с переживанием социальной эксклюзии.

Личность, получившая опыт переживания социальной эксклюзии, выстраивает свое поведение в направлении приспособления, пассивного согласия с существующим порядком вещей, с мнениями и взглядами, существующими в конкретной социальной группе, в которую личность желает быть принятой. Личность безоговорочно следует определенным образцам, имеющим наибольшую силу группового давления, отказывается от собственной точки зрения по каким-либо вопросам. Может возрастать вероятность попадания человека под влияние со стороны деструктивных групп, например религиозных сект, криминальных или террористических организаций. Личность теряет аутентичность собственного существования, что может в дальнейшем стать причиной возникновения в жизни переживания экзистенциальных кризисов.

Таблица 3

Третья компонента

Названия переменных	Факторные нагрузки
Нанесение вреда социальным группам	0,474
Враждебность к внешней группе	0,463
Чувство разочарования	0,401

Третья компонента была названа фактором агрессии личности, направленной вовне. Личность, переживающая опыт социальной эксклюзии, чувствует разочарование в поведении со стороны членов социальных групп. Данное чувство может быть связано с когнитивным обесцениванием важности социальной группы для удовлетворения актуальных потребностей личности и желанием совершить по отношению к группе агрессивные действия. Такое поведение может быть социально опасным, что требует ранней диагностики данного фактора и своевременной психотерапии.

Таблица 4

Четвертая компонента

Названия переменных	Факторные нагрузки
Злоупотребление алкоголем	0,512
Курение	0,500
Самоповреждающее поведение	0,476

Четвертая компонента была названа фактором агрессии, направленной на себя. Личность, переживающая опыт социальной эксклюзии, может переносить деструктивную активность из внешнего плана взаимодействия с социальными группами во внутренний план отношения с самой собой. Формами проявления такой деструктивной активности могут выступать прерывание контакта со своими внутренними переживаниями через бегство в аддиктивное поведение (косвенная аутоагрессия) и самоповреждающее поведение (прямая аутоагрессия). Данный фактор через установление корреляционных связей с симптомами других психопатологических структур личности может поддерживать и усиливать общую психопатологическую динамику.

Обсуждение результатов исследования

Выявленные психологические факторы переживания личностью социальной эксклюзии методологически следует рассматривать как сложные психопатологические сети. Методологическое основание сетевого подхода является достаточно понятным [43. Р. 152; 44. Р. 48]. Вместо интерпретации симптомов переживания личностью социальной эксклюзии в качестве функции набора предполагаемых скрытых нарушений сетевой подход концептуализирует симптомы как взаимодействующие в целом, часто взаимоусиливающие друг друга элементы сложной сети. Таким образом, вместо интерпретации симптомов в качестве измеримых показателей скрытых нарушений в сетевом подходе симптомы рассматриваются как часть каузальной системы [45. Р. 1103]. По существу, отношения между симптомами переживания личностью социальной эксклюзии и психическими нарушениями в сетевом подходе к структуре психопатологии являются в большей степени разделом мерологии (отношение части и целого), чем сферы измерения (каузальные отношения между нарушением и симптомами) [46. Р. 42]. С перспективы сетевого подхода психопатологические симптомы не являются симптомами в прямом значении слова. Вместо пассивных получателей каузальных влияний медицинских причин симптомы являются каузально активными ингредиентами самого психического нарушения.

Необходимо отметить, что методологический переход от существования скрытых нарушений, связанных с переживанием личностью социальной эксклюзии, к сети каузально связанных симптомов является сам по себе достаточно обоснованным и перспективным. В частности, это не требует принятия какой-либо теории о психопатологии. Этот переход возникает из простого принятия двух несложных допущений: а) наличие эмпирически проявляющихся доказательств, необходимо предварительное заключение о том, что симптомы нарушения единообразно обусловлены простым психологическим, социальным или биологическим условием (или простой плеядой таких патологических условий); б) психопатологические симптомы каузально влияют друг на друга. Первая гипотеза просто результат научной дальновидности, отсутствие правдоподобного однопричинного объяснения, каким образом возникают психопатологические симптомы. Вторая гипотеза не может быть разумно отвергнута теми, кто знаком с симптомами, типично перечисленными в психологических диагностических системах.

Пренебрежение тем фактом, что некоторые ученые будут высказывать сопротивление данным гипотезам, оправдывается тем, что последствия их принятия будут потенциально радикальными. Первое и самое главное, если гипотеза обоснована и доказано, что прямое и обоюдное взаимодействие между симптомами существует, тогда становится непонятно, необходимо ли вообще нарушение само по себе как отдельная сущность для того, чтобы воспринимать эмпирически коррелируемую структуру симптомов. Не нужно нарушения в виде личностной уязвимости для того, что-

бы объяснить, почему симптомы личностной уязвимости поддерживают друг друга. Данные симптомы четко коррелируют потому, что они являются частью одной системы, т.е. они каузально влияют друг на друга. Например, восприятие отвергнутости и чувство разрыва связи с другими людьми имеют высокую корреляцию не потому, что они обусловлены одним нарушением, а потому, что они каузально связаны между собой: восприятие отвергнутости приводит к чувству разрыва связи с другими людьми. Во-вторых, если ученый принимает то, что симптомы и каузальные отношения между ними формируют нарушение, тогда термин «сопутствующая патология» предполагает другой смысл. Вскоре сопутствующая патология не сможет значимо объясняться как корреляция между двумя нарушениями либо как результат общей (нейробиологической) дисфункции или как «супернарушение» [47. Р. 219]. Вместо этого она будет объясняться как каузальное взаимодействие между симптомами, формирующее пути, которые могут связывать различные нарушения, например через мостовые симптомы (т.е. симптомы, которые являются общими для двух нарушений).

Как утверждали А. Cramer и соавт. [43. Р. 161], подобные множественные переходы от одного нарушения к другому могут существовать таким способом, который не является объективным, или «истинным», но в который вкрапляются сети симптомов с представленной общей частью, характерной для отдельных нарушений, например мысли о суициде из фактора личностной уязвимости и самоповреждающее действие из фактора агрессии, направленной на себя. Это означает, как было отмечено в одном из исследований [48. Р. 312], что границы между нарушениями являются нечеткими. Важно, что в сетевом подходе данные границы нечеткие не как результат методологических ограничений, а как результат внутренней структуры нарушений. Таким образом, с данной точки зрения невыраженность четких границ между нарушениями не является предметом необходимой договоренности между учеными, которая будет создана с появлением будущих методов измерения. Вместо этого смысл заключается в том, что невозможно найти истину, что граница просто не существует как истина. Несмотря на то, что в сетевом подходе ученый все еще может определять нарушение как набор более плотно связанных симптомов, что указывает на синхронное поведение (подобно косяку рыб или стае птиц), эти нарушения буквально переплетаются одно с другим и не могут быть четко разделены. Если ученый желает разрезать природу на ее отдельные части, то в психопатологии он должен принять факт, что составные части психических нарушений сами по себе нечеткие.

Последнее следствие интерпретации результатов проведенного исследования психологических факторов переживания личностью социальной эксклюзии с методологической перспективы сетевого подхода состоит в том, что с изменением фокуса научного внимания может измениться цель терапевтического воздействия. Вместо эфемерного «скрытого нарушения» терапевтическое воздействие будет нацеленным на симптомы и отношения между симптомами. Это существенное изменение в дальней-

шем имеет значение для современной медицины, которая сейчас нацелена на определение коренной причины. Например, если индивид имеет головную боль как результат опухоли, он может подавлять данный симптом аспирином. Однако это не удалит опухоль, которая является причиной головной боли. Таким образом, каузальное воздействие на уровне симптома не сможет передать данный эффект, чтобы вылечить опухоль. Единственный способ вылечить условие – это удалить коренную причину и освободить от опухоли.

Напротив, в психопатологии идея, что можно непосредственно обращаться с личностной уязвимостью, является полностью гипотетической, потому что нет доказательств, что обозначение личностной уязвимости ссылается на коренную причину или изначально существующее свойство, характерное тем индивидам, кто действительно находится в условиях социальной эксклюзии. Это означает, что если личностная уязвимость не существует как сущность, которая наличествует независимо от ее симптомов (подобно тому, как делает опухоль), попытка обращения с личностной уязвимостью по аналогии с медицинскими причинами (удаление опухоли) является попыткой оседлать единорога. Вместо этого то, с чем можно действительно работать в направлениях психологической или социальной терапии, – это проблемы социальной эксклюзии, которые в действительности имеют люди и которые в целом формируют личностную уязвимость (вместо их обусловленности личностной уязвимостью). Перефразируя другими словами, в сетевом подходе воздействия оптимально нацелены на сами симптомы или на каузальные отношения, которые связывают их. Данная точка зрения удовлетворяет многим, если даже не всем, терапевтическим воздействиям, используемым в настоящее время (например, когнитивно-бихевиоральной терапии).

Заключение

Подводя итоги данной работы, следует отметить, что социальная эксклюзия представляет обязательный и естественный продукт устойчивой сплоченности социальных групп. Однако это не всегда полезно в связи с возникновением патологических процессов у исключаящих и исключенных членов. Переживание социальной эксклюзии приводит к личностной уязвимости, комформизму, агрессии личности, направленной вовне, и агрессии, направленной на себя, как психопатологических факторов, являющихся результатом сетевого взаимодействия симптомов, каузально обусловленных переживанием социальной эксклюзии. Необходимо фокусироваться на социально-психологических процессах при работе с личностью, переживающей социальную эксклюзию. Анализ данных процессов важен для расширения фокуса на актуальном опыте переживания эксклюзии для индивидов и социальных групп, создающем и открывающем потенциальную магистраль для стратегических интервенций, нацеленных на продвижение социальной инклюзии. Это не означает, что работа с эксклюзией

может проводиться только на социально-психологическом уровне, однако в литературе по социальным наукам и социальной политике слабо рассматриваются механизмы работы с социальной эксклюзией, каким образом проводить интервенцию на индивидуальном и групповом уровнях. Существует надежда, что данная работа поможет в преодолении разрыва между сетевым подходом к структуре психопатологии и практикой оказания психической и социальной терапии личности, переживающей социальную эксклюзию, и будет полезным для исследователей и практиков, ищущих понимание проблем, связанных с социальной эксклюзией.

Литература

1. Baumeister, R.F., Leary, M.R. The Need to Belong: Desire for Interpersonal Attachments as a Fundamental Human Motivation // *Psychological Bulletin*. 1995. Vol. 117, № 3. P. 497–529.
2. Brewer M. The Social Self: On Being the Same and Different at the Same Time // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1991. № 17 (5). P. 475–482. DOI: 10.1177/0146167291175001.
3. Bowlby J. Attachment and Loss. New York : Basic Books, 1973. Vol. 2: Separation: Anxiety and Anger. 212 p.
4. Leary M.R. Towards a Conceptualization of Interpersonal Rejection // *Interpersonal Rejection* / ed. M.R. Leary. New York : Oxford University Press, 2001. P. 3–20. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780195130157.003.0001.
5. Leary M.R. Responses to Social Exclusion: Social Anxiety, Jealousy, Loneliness, Depression, and Low Self-Esteem // *Journal of Social and Clinical Psychology*. 1990. № 9. P. 221–229. DOI: 10.1521/jscp.1990.9.2.221.
6. Williams, K.D. Ostracism: The Power of Silence. New York : Guilford Press, 2002. 282 p.
7. Бородин Ф. Социальные эксклюзии // *Социологический журнал*. 2000. № 3-4. С. 5–17.
8. Ефлова М.Ю. Социальная эксклюзия социально депривированных групп населения (на примере наркопотребителей и ВИЧ-инфицированных). Казань : Казан ун-т, 2012. 164 с.
9. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М. : Наука, 2003. 161 с.
10. Суворова И.Ю. Социальная эксклюзия как социально-психологический феномен // *Социальная психология и общество*. 2014. Т. 5, № 4. С. 29–41.
11. Abrams D., Hogg M.A. & Marques J.M. The Social Psychology of Inclusion and Exclusion. New York : Psychology Press, 2005. 270 p.
12. Leary M.R. Varieties of Interpersonal Rejection // *The Social Outcast: Ostracism, Social Exclusion, Rejection, and Bullying* / eds. K.D. Williams, J.P. Forgas & B. von Hippel. New York : Cambridge University Press, 2005. P. 35–51.
13. Baumeister R.F. & Tice D.M. Anxiety and Social Exclusion // *Journal of Social and Clinical Psychology*. 1990. № 9. P. 165–195. DOI: 10.1521/jscp.1990.9.2.165.
14. Marcus D.K. & Askari N.H. Dysphoria and Interpersonal Rejection. A Social Relations Analysis // *Journal of Social and Clinical Psychology*. 1999. № 18. P. 370–384.
15. Williams K.D., Cheung C.K.T. & Choi W. Cyber Ostracism: Effects of Being Ignored over the Internet // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. № 79. P. 748–762.
16. Barden R.C., Garber J., Leiman B. et al. Factors Governing the Effective Remediation of Negative Affect and its Cognitive and Behavioral Consequences // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1985. № 49. P. 1040–1053.
17. Hoyle R.H. & Crawford A.M. Use of Individual-Level Data to Investigate Group Phenomena Issues and Strategies // *Small Group Research*. 1994. № 25. P. 464–485.

18. Gonsalkorale K. & Williams K.D. The KKK Won't Let Me Play: Ostracism even by Adespised Out-Group Hurts // *European Journal of Social Psychology*. 2007. № 37. P. 1176–1186. DOI:10.1002/ejsp.392.
19. Smith A. & Williams K.D. R U There? Effects of Ostracism by Cell Phone Messages // *Group Dynamics: Theory, Research and Practice*. 2004. № 8. P. 291–301.
20. Social Exclusion Unit. Preventing Social Exclusion : Report by the Social Exclusion Unit. 2001. URL: <https://www.cabinet-office.gov.uk/seu/index.htm> (accessed: 07.02.2018).
21. Zadro L., Williams K.D. & Richardson R. How Low Can You Go? Ostracism by a Computer Lowers Belonging, Control, Self-Esteem, and Meaningful Existence // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2004. № 40. P. 560–567. DOI: 10.1016/j.jesp.2003.11.006.
22. McLaughlin-Volpe T., Aron A., Wright S.C. & Lewandowski G.W., Jr. Exclusion of the Self by Close Others and by Groups: Implications of the Self-Expansion Model // *The Social Psychology of Inclusion and Exclusion* / eds. D. Abrams, M.A. Hogg & J.M. Marques. New York : Psychology Press, 2005. P. 113–134.
23. Abramson L.Y., Seligman M.E.P. & Teasdale J.D. Learned Helplessness in Humans: Critique and Reformulation // *Journal of Abnormal Psychology*. 1978. № 87. P. 49–74.
24. Deci E.L. & Ryan R.M. A Motivational Approach to Self: Integration in Personality // *Nebraska Symposium on Motivation* / ed. R. Dienstbier. Lincoln, NE : University of Nebraska Press, 1991. P. 237–288.
25. Dweck C.S. & Leggett E. A Social-Cognitive Approach to Motivation and Personality // *Psychological Review*. 1988. № 95. P. 256–273.
26. Skinner E.A. Perceived Control: Motivation, Coping, and Development // *Self-efficacy: Thought Control of Action* / ed. R. Schwarzer. London : Hemisphere Publishing Corporation, 1992. P. 91–106.
27. MacDonald G. & Leary M.R. Why Does Social Exclusion Hurt? The Relationship between Social and Physical Pain // *Psychological Bulletin*. 2005. № 131. P. 202–223. DOI: 10.1037/0033-2909.131.2.202.
28. Williams K.D. Ostracism // *Annual Review of Psychology*. 2007. № 58. P. 425–452.
29. Eisenberger N.I., Lieberman M.D. & Williams K.D. Does Rejection Hurt? An fMRI Study of Social Exclusion // *Science*. 2003. № 302. P. 290–292. DOI: 10.1126/science.1089134.
30. Durkheim E. Suicide: A Study in Sociology / trl. by J.A. Spaulding & G. Simpson. Glencoe, IL : Free Press, 1951. 376 p.
31. Baker F.M. Black Youth Suicide: Literature Review with a Focus on Prevention // *Journal of the National Medical Association*. 1990. № 82. P. 495–507.
32. Bateman C. Young, Black, Female and Miserable // *South African Medical Journal*. 2001. № 91. P. 716–717.
33. Blum R.W., Beuhring T., Shew M.L. et al. The Effects of Race / Ethnicity, Income, and Family Structure on Adolescent Risk Behaviors // *American Journal Public Health*. 2000. № 90. P. 1879–1884.
34. Boardman A.P., Grimbaldeston A.H., Handley C. et al. The North Staffordshire Suicide Study: a Case-Control Study of Suicide in One Health District // *Psychological Medicine*. 1999. № 29. P. 27–33.
35. Gibbs J.T. African-American Suicide: a Cultural Paradox // *Suicide and Life Threatening Behavior*. 1997. № 27. P. 68–79.
36. Joiner T. Why People Die by Suicide. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2005. 288 p.
37. Lewinsohn P.M., Rohde P. & Seeley J.R. Psychosocial Characteristics of Adolescents with a History of Suicide Attempt // *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*. 1993. № 32. P. 60–68.
38. Crighton D. & Towl G. Intentional Self-Injury // *Suicide in Prisons* / eds. G. Towl, L. Snow & M. McHugh. Leicester : British Psychological Society, 2002. P. 48–56.

39. Gratz K.L. Risk Factors for and Functions of Deliberate Self-Harm: an Empirical and Conceptual Review // *Clinical Psychology: Science and Practice*. 2003. № 10. P. 192–205.
40. Compton M.T., Thompson N.J. & Kaslow N.J. Social Environment Factors Associated with Suicide Attempt among Low-Income African Americans: the Protective Role of Family Relationships and Social Support // *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. 2005. № 40. P. 175–185.
41. Dervic K., Oquendo M.A., Grunebaum M.F. et al. Religious Affiliation and Suicide Attempt // *American Journal of Psychiatry*. 2004. № 161. P. 2303–2308.
42. Bailey M. & McLaren S. Physical Activity Alone and with Others as Predictors of Sense of Belonging and Mental Health in Retirees // *Aging & Mental Health*. 2005. № 9. P. 82–90.
43. Cramer A.O.J., Waldorp L.J., van der Maas H.L.J., Borsboom D. Comorbidity: a Network Perspective // *Behavioral and Brain Sciences*. 2010. № 33. P. 137–193.
44. Schmittmann V.D., Cramer A.O.J., Waldorp L.J., Epskamp S., Kievit R.A., Borsboom D. Deconstructing the Construct: a Network Perspective on Psychological Phenomena // *New Ideas Psychology*. 2013. № 31. P. 43–53.
45. Borsboom D. Psychometric Perspectives on Diagnostic Systems // *Journal of Clinical Psychology*. 2008a. № 64. P. 1089–1109. DOI: 10.1002/jclp.20503.
46. Reise S.P., Waller N.G. Item Response Theory and Clinical Measurement // *Annual Reviews Clinical Psychology*. 2009. № 5. P. 27–48. DOI: 10.1146/annurev.clinpsy.032408.153553.
47. Barlow D.H., Allen L.B., Choate M.L. Toward a Unified Treatment for Emotional Disorders // *Behavior Therapy*. 2004. № 35. P. 205–230. DOI: 10.1016/j.beth.2016.11.005.
48. Kendell R.E. The Concept of Disease and its Implications for Psychiatry // *British Journal of Psychiatry*. 1975. № 127. P. 305–315.

*Поступила в редакцию 22.03.2018 г.; повторно 06.11.2018 г.;
принята 13.11.2018 г.*

Сведения об авторе:

ШУЛЬМИН Максим Петрович, кандидат психологических наук, доцент кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: scoobi@inbox.ru

PSYCHOLOGICAL FACTORS OF SOCIAL EXCLUSION EXPERIENCE

Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology, 2018, 70, 17–33

DOI: 10.17223/17267080/70/2

Maksim P. Shul'min, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: scoobi@inbox.ru

Keywords: social exclusion; psychological vulnerability of person; social group; factor analysis; affiliation need.

The study is devoted to revealing the psychological factors of social exclusion experience. To bring to light the basic components we used the factor analysis. It educed four factors of social exclusion experience. Moreover, the research demonstrated that social exclusion led to a whole network of vulnerability to stress symptoms and to the probable second exclusion.

The first component was called a factor of person's vulnerability. In this article, from the point of view of system approach, the person's vulnerability is interpreted as a structured network of evident symptoms (e.g., empirical indications), as the effect of person's response to traumatic stress event of social exclusion experience. Hereafter, appeared structured symptom network will influence both the system state and its behavior on the whole, and, with high probability, a person will be vulnerable for the next stress events. It, without

suitable therapeutic intervention, may determinate the intensive development of pathological processes on the level of body and mental functioning.

The second component was called a conformism factor. In this article conformism is interpreted as a psychological protection that is used to cope with social exclusion experience. A person who has experienced the social exclusion behaves in ways to fit, to make passive institutionalization, agrees with opinions and views, which exist within the desirable social group. The person unconditionally follows the behavior patterns, which have the biggest bandwagon effect power, and he refuses his own viewpoint. The person loses his authenticity, and in future it may become a reason for existential crisis.

The third component was called the outside directed aggression factor. A person, who experiences social exclusion, feels disappointment about social group members' behavior. This feeling is probably correlated with cognitive depreciation of social group importance for satisfaction of person's actual needs, and it is correlated with a desire to make aggressive actions towards the social group.

The fourth component was called the inside directed aggression factor. One, who experiences the social exclusion, may transfer destructive activities from outside interaction with social groups into inside interaction with himself. Interrupted connections with one's own inner experiences through addicted behavior (indirect auto-aggression) and self-damaging behavior (direct auto-aggression) are the ways of realization of such destructive activity.

In conclusion, it is important to note that the social exclusion is the preconditioned and natural product of stable social group cohesion. It is not always useful, however, according to pathological processes within excluding and excluded social group members, but it is important to focus on psychological and social processes during the work with a person, who experiences the social exclusion. The analysis of such processes is important to pay attention to actual social exclusion experience for individuals and social groups. This experience makes and opens a potential highway for strategic interventions, directed on social inclusion advancement.

References

1. Baumeister, R.F. & Leary, M.R. (1995) The Need to Belong: Desire for Interpersonal Attachments as a Fundamental Human Motivation. *Psychological Bulletin*. 117(3). pp. 497–529. DOI: 10.1037/0033-2909.117.3.497
2. Brewer, M. (1991) The Social Self: On Being the Same and Different at the Same Time. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 17(5). pp. 475–482. DOI: 10.1177/0146167291175001
3. Bowlby, J. (1973) *Attachment and Loss*. Vol. 2. New York: Basic Book.
4. Leary, M.R. (2001) Towards a Conceptualization of Interpersonal Rejection. In: Leary, M.R. (ed.) *Interpersonal Rejection*. New York: Oxford University Press. pp. 3–20. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780195130157.003.0001
5. Leary, M.R. (1990) Responses to Social Exclusion: Social Anxiety, Jealousy, Loneliness, Depression, and Low Self-Esteem. *Journal of Social and Clinical Psychology*. 9. pp. 221–229. DOI: 10.1521/jsep.1990.9.2.221
6. Williams, K.D. (2002) *Ostracism: The Power of Silence*. New York: Guilford Press.
7. Borodkin, F. (2000) Sotsial'nye eksklyuzii [Social exclusions]. *Sotsiologicheskii zhurnal – Sociological Journal*. 3-4. pp. 5–17.
8. Eflova, M.Yu. (2012) Sotsial'naya eksklyuziya sotsial'no deprivirovannykh grupp naseleniya (na primere narkopotrebiteley i VICH-infitsirovannykh) [Social exclusion of socially deprived groups of the population (a case study of drug users and HIV-infected)]. Kazan: Kazan University.
9. Chuprov, V.I., Zubok, Yu.A. & Williams, K. (2003) *Molodezh' v obshchestve riska* [Young people in the risk society]. Moscow: Nauka.

10. Suvorova, I.Yu. (2014) Social Exclusion as a Social Psychological Phenomenon. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo – Social Psychology and Society*. 5(4). pp. 29–41. (In Russian).
11. Abrams, D., Hogg, M.A. & Marques, J.M. (2005) *The Social Psychology of Inclusion and Exclusion*. New York: Psychology Press.
12. Leary, M.R. (2005) Varieties of Interpersonal Rejection. In: Williams, K.D., Forgas, J.P. & Hippel, B. von (eds) *The Social Outcast: Ostracism, Social Exclusion, Rejection, and Bullying*. New York: Cambridge University Press. pp. 35–51.
13. Baumeister, R.F. & Tice, D.M. (1990) Anxiety and Social Exclusion. *Journal of Social and Clinical Psychology*. 9. pp. 165–195. DOI: 10.1521/jscp.1990.9.2.165
14. Marcus, D.K. & Askari, N.H. (1999) Dysphoria and Interpersonal Rejection. A Social Relations Analysis. *Journal of Social and Clinical Psychology*. 18. pp. 370–384. DOI: 10.1521/jscp.1999.18.3.370
15. Williams, K.D., Cheung, C.K.T. & Choi, W. (2000) Cyber Ostracism: Effects of Being Ignored over the Internet. *Journal of Personality and Social Psychology*. 79. pp. 748–762.
16. Barden, R.C., Garber, J., Leiman, B. et al. (1985) Factors Governing the Effective Remediation of Negative Affect and its Cognitive and Behavioral Consequences. *Journal of Personality and Social Psychology*. 49. pp. 1040–1053. DOI: 10.1037/0022-3514.49.4.1040
17. Hoyle, R.H. & Crawford, A.M. (1994) Use of Individual-Level Data to Investigate Group Phenomena Issues and Strategies. *Small Group Research*. 25. pp. 464–485. DOI: 10.1177/1046496494254003
18. Gonsalkorale, K. & Williams, K.D. (2007) The KKK Won't Let Me Play: Ostracism even by Adespised Out-Group Hurts. *European Journal of Social Psychology*. 37. pp. 1176–1186. DOI: 10.1002/ejsp.392
19. Smith, A. & Williams, K.D. (2004) R U There? Effects of Ostracism by Cell Phone Messages. *Group Dynamics: Theory, Research and Practice*. 8. pp. 291–301. DOI: 10.1037/1089-2699.8.4.291
20. Social Exclusion Unit. (2001) *Social Exclusion Unit. Preventing Social Exclusion: Report by the Social Exclusion Unit. 2001*. [Online] Available from: <https://www.cabinet-office.gov.uk/seu/index.htm>. (Accessed: 7th February 2018).
21. Zadro, L., Williams, K.D. & Richardson, R. (2004) How Low Can You Go? Ostracism by a Computer Lowers Belonging, Control, Self-Esteem, and Meaningful Existence. *Journal of Experimental Social Psychology*. 40. pp. 560–567. DOI: 10.1016/j.jesp.2003.11.006
22. McLaughlin-Volpe, T., Aron, A., Wright, S.C. & Lewandowski, G.W., Jr. (2005) Exclusion of the Self by Close Others and by Groups: Implications of the Self-Expansion Model. In: Abrams, D., Hogg, M.A. & Marques, J.M. (eds) *The Social Psychology of Inclusion and Exclusion*. New York: Psychology Press. pp. 113–134.
23. Abramson, L.Y., Seligman, M.E.P. & Teasdale, J.D. (1978) Learned Helplessness in Humans: Critique and Reformulation. *Journal of Abnormal Psychology*. 87. pp. 49–74. DOI: 10.1037/0021-843X.87.1.49
24. Deci, E.L. & Ryan, R.M. (1991) A Motivational Approach to Self: Integration in Personality. In: Dienstbier, R. (ed.) *Nebraska Symposium on Motivation*. Lincoln, NE: University of Nebraska Press. pp. 237–288.
25. Dweck, C.S. & Leggett, E. (1988) A Social-Cognitive Approach to Motivation and Personality. *Psychological Review*. 95. pp. 256–273. DOI: 10.1037/0033-295X.95.2.256
26. Skinner, E.A. (1992) Perceived Control: Motivation, Coping, and Development. In: Schwarzer, R. (ed.) *Self-efficacy: Thought Control of Action*. London: Hemisphere Publishing Corporation. P. 91–106.
27. MacDonald, G. & Leary, M.R. (2005) Why Does Social Exclusion Hurt? The Relationship between Social and Physical Pain. *Psychological Bulletin*. 131. pp. 202–223. DOI: 10.1037/0033-2909.131.2.202
28. Williams, K.D. (2007) Ostracism. *Annual Review of Psychology*. 58. pp. 425–452.

29. Eisenberger, N.I., Lieberman, M.D. & Williams, K.D. (2003) Does Rejection Hurt? An fMRI Study of Social Exclusion. *Science*. 302. pp. 290–292. DOI: 10.1126/science.1089134
30. Durkheim, E. (1951) *Suicide: A Study in Sociology*. Glencoe, IL: Free Press.
31. Baker, F.M. (1990) Black Youth Suicide: Literature Review with a Focus on Prevention. *Journal of the National Medical Association*. 82. pp. 495–507.
32. Bateman, C. (2001) Young, Black, Female and Miserable. *South African Medical Journal*. 91. pp. 716–717.
33. Blum, R.W., Beuhring, T., Shew, M.L. et al. (2000) The Effects of Race / Ethnicity, Income, and Family Structure on Adolescent Risk Behaviors. *American Journal Public Health*. 90. pp. 1879–1884.
34. Boardman, A.P., Grimaldeston, A.H., Handley, C. et al. (1999) The North Staffordshire Suicide Study: a Case-Control Study of Suicide in One Health District. *Psychological Medicine*. 29. pp. 27–33. DOI: 10.1017/S0033291798007430
35. Gibbs, J.T. (1997) African-American Suicide: a Cultural Paradox. *Suicide and Life Threatening Behavior*. 27. pp. 68–79. DOI: 10.1111/j.1943-278X.1997.tb00504.x
36. Joiner, T. (2005) *Why People Die by Suicide*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
37. Lewinsohn, P.M., Rohde, P. & Seeley, J.R. (1993) Psychosocial Characteristics of Adolescents with a History of Suicide Attempt. *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*. 32. pp. 60–68. DOI: 10.1097/00004583-199301000-00009
38. Crighton, D. & Towl, G. (2002) Intentional Self-Injury. In: Towl, G., Snow, L. & McHugh, M. (eds) *Suicide in Prisons*. Leicester: British Psychological Society. pp. 48–56.
39. Gratz, K.L. (2003) Risk Factors for and Functions of Deliberate Self-Harm: an Empirical and Conceptual Review. *Clinical Psychology: Science and Practice*. 10. pp. 192–205. DOI: 10.1093/clipsy/bpg022
40. Compton, M.T., Thompson, N.J. & Kaslow, N.J. (2005) Social Environment Factors Associated with Suicide Attempt among Low-Income African Americans: the Protective Role of Family Relationships and Social Support. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. 40. pp. 175–185.
41. Dervic, K., Oquendo, M.A., Grunebaum, M.F. et al. (2004) Religious Affiliation and Suicide Attempt. *American Journal of Psychiatry*. 161. pp. 2303–2308. DOI: 10.1176/appi.ajp.161.12.2303
42. Bailey, M. & McLaren, S. (2005) Physical Activity Alone and with Others as Predictors of Sense of Belonging and Mental Health in Retirees. *Aging & Mental Health*. 9. pp. 82–90. DOI: 10.1080/13607860512331334031
43. Cramer, A.O.J., Waldorp, L.J., van der Maas, H.L.J. & Borsboom, D. (2010) Comorbidity: a Network Perspective. *Behavioral and Brain Sciences*. 33. pp. 137–193. DOI: 10.1017/S0140525X09991567
44. Schmittmann, V.D., Cramer, A.O.J., Waldorp, L.J., Epskamp, S., Kievit, R.A. & Borsboom, D. (2013) Deconstructing the Construct: a Network Perspective on Psychological Phenomena. *New Ideas Psychology*. 31. pp. 43–53. DOI: 10.1016/j.newideapsych.2011.02.007
45. Borsboom, D. (2008) Psychometric Perspectives on Diagnostic Systems. *Journal of Clinical Psychology*. 64. pp. 1089–1109. DOI: 10.1002/jclp.20503
46. Reise, S.P. & Waller, N.G. (2009) Item Response Theory and Clinical Measurement. *Annual Reviews of Clinical Psychology*. 5. pp. 27–48. DOI: 10.1146/annurev.clinpsy.032408.153553
47. Barlow, D.H., Allen, L.B. & Choate, M.L. (2004) Toward a Unified Treatment for Emotional Disorders. *Behavior Therapy*. 35. pp. 205–230. DOI: 10.1016/j.beth.2016.11.005
48. Kendell, R.E. (1975) The Concept of Disease and its Implications for Psychiatry. *British Journal of Psychiatry*. 127. pp. 305–315. DOI: 10.1192/bjp.127.4.305

Received 22.03.2018;

Revised 06.11.2018;

Accepted 13.11.2018

УДК 159.9

DOI: 10.17223/17267080/70/3

С.В. Неклюдова, В.И. Кабрин

Томский государственный университет (Томск, Россия)

Пилотное исследование особенностей коммуникативного мира личности в условиях формирования нового типа ее мобильности

С помощью методов коммуникативной психологии проанализированы особенности коммуникативных миров, формирующихся и развивающихся в условиях роста мобильного сотрудничества и популяризации феномена виртуальных гостевых сетей, на примере проекта Couchsurfing. Представлены результаты исследования транскультуральной группы из 10 стран и 17 городов России.

Ключевые слова: *каучсерфинг; психология мобильности; доверие; коммуникативный мир личности; онлайн и офлайн миры.*

Введение в проблему

Существенные культурно-экономические изменения сегодня начинают захватывать самые различные сферы жизни общества, позволяя переосмыслить персональные и сетевые коммуникативные миры в новых условиях. Если еще несколько лет назад идея обменяться вещами с абсолютно незнакомым человеком, не зная толком ничего о нем и не передавая никаких денег из рук в руки, могла показаться безумием, то уже сегодня мы насчитываем более 10 крупных интернет-сообществ, объединяющих миллионы людей, которые готовы не только делиться вещами, но и разделить совместное проживание и быт на абсолютно безвозмездных началах.

При этом меняются и акценты понимания социально-психологических факторов личности в ее персональных и сетевых коммуникативных мирах. Введенный в научный оборот концепт «коммуникативный мир личности» в 1978 г. понимался как система интер- и трансперсональных коммуникативных отношений, формирующих оптимальную среду ее самореализации на основе таких качеств, как добровольность, избирательность, взаимность [1]. В дальнейших исследованиях акцент смещается к анализу полноценных партнерских отношений – в сторону «Мы» и «Взаимная со-реализация». Последние исследования ориентированы на анализ К¹-миров как миров сотворчества и ко-лидерства в контексте макросреды и организации [2].

¹ Здесь и далее К означает коммуникативный.

Путешественники всегда одними из первых тестируют новые коммуникационные технологии. В качестве яркого примера проявления глобального интернет-сообщества, ломающего наши представления о принципах доверия и взаимообмена, можно привести международную сеть гостеприимства Couchsurfing. На сегодняшний день Couchsurfing (каучсерфинг) является наиболее популярной виртуальной гостевой сетью и объединяет более 14 млн человек из 200 тыс. городов планеты, представляет собой веб-сайт, на котором зарегистрированы люди из разных стран мира, готовые бесплатно предоставить жилье и оказать помощь друг другу во время путешествия [3, 4].

Таким образом, феномен расцвета совместного потребления уже не является кратковременным трендом или поверхностной идеей; благодаря Интернету теперь мы все живем в глобальной деревне, позволяющей устанавливать связи, которые раньше происходили только «лицом к лицу», в таком масштабе, такими способами и с такой динамикой, которые прежде казались нам просто немыслимыми. Мы движемся от пассивных потребителей к создателям, от культуры «я» к культуре «мы», а Интернет убирает посредников в нашей коммуникации, коллективное пользование происходит в феноменальных масштабах [3].

Системы услуг, связанные с товарами, существовали годами. Подумайте о библиотеках или прачечных. Однако, как нам кажется, они входят в новую эпоху, поскольку технология позволяет сделать обмен беспрепятственным и забавным. Ближайшие пару лет такие выражения, как «совместная работа», «каучсерфинг» и «банки времени» станут частью нашей повседневной речи. Совместный стиль жизни означает намерение делиться такими ресурсами, как деньги, умения и время. Другими словами, мне не нужны вещи, меня интересуют потребности, которые они удовлетворяют, и опыт, который они создают. Это подпитывает огромный сдвиг от того, что использование подразумевает владение, размывается граница между тем, что мое, что твое, а что наше.

Мы прошли от традиционного владения автомобилем к каршеринговым компаниям, однако интересный момент состоит в том, что для функционирования всех этих систем требуется степень доверия, и ключевой момент в их работе – это репутация [5, 6]. В старой потребительской системе репутация не значила так много, потому что наша кредитная история была куда более важна, чем любой вид отзывов о поведении со стороны окружающих. Но теперь в Интернете мы оставляем след. С каждым помеченным спамером, с каждой опубликованной идеей, с каждым оставленным комментарием мы на самом деле показываем, насколько хорошо мы взаимодействуем и можно или нельзя нам доверять. Мы находимся на таком этапе, когда просыпаемся после невероятного похмелья пустоты и мусора и совершаем скачок к созданию более жизнеспособной системы, построенной, чтобы служить нашим природным нуждам, социальной (как сообществ) и личной идентичности. Мы находимся на пути к революции, когда общество перед лицом великих испытаний сделало ги-

гантский сдвиг от индивидуальной добычи и траты к новому открытию коллективного блага.

В этом контексте исследование феномена проекта Couchsurfing и коммуникативные миры его участников приобретают особое прогностическое и культурное значение [7, 8].

Гипотезы исследования

Феномен возникновения межличностных отношений в каучсерфинге интересен тем, что в нем происходит пересечение виртуального и реального миров. Этим определяются выдвигаемые гипотезы исследования на основании нашей работы, в которой был проведен теоретический анализ проблемы [9]:

- общность личных характеристик субъекта коммуникации и особенностей его партнеров – участников проекта Couchsurfing – будет выше, чем у контрольной группы;
- отношение каучсерферов к оценке своих переживаний как в отношении интересов, так и в отношении партнеров будет характеризоваться большей дифференцированностью;
- смыслоемкие показатели вербализации стресса и транса в интересах и партнерах у каучсерферов и контрольной группы могут быть разнонаправленными в связи с психологической спецификой участников проекта.

Материалы и методы исследования

Для полноценного исследования транскомуникативного потенциала личностного роста участников виртуальной гостевой сети, оказывающего существенное влияние на изменения коммуникативного мира современной личности, была выбрана проективная психосемантическая исследовательская техника «Метод моделирования коммуникативного мира» (ММКМ). ММКМ построен на достаточно универсальных принципах коммуникативного подхода, в котором межличностная и внутриличностная коммуникации рассматриваются как форма самореализации и саморазвития личности в смыслотворчестве. ММКМ сохраняет единство коммуникативного подхода, теории транскоммуникации и концепции коммуникативного мира как модели жизненного мира личности. Поэтому ММКМ реконструирует базовые координаты жизненного мира личности как особый хронотоп (в единстве коммуникативного пространства и времени). Коммуникативное пространство как смыслообразующее имеет интраперсональную («интересы, темы и проблемы» – И) и интерперсональную (партнеры, обозначенные их существенными характеристиками, – П) координаты в единстве с коммуникативным временем («ретроспектива», «актуальность», «перспектива»). Имеется в виду, что все смысловые линии (интересы – партнеры) рассматриваются в контексте прошлого, настоящей

го и будущего, а ретроспектива, актуальность и перспектива представлены в пространстве проблем и партнеров на основе биполярной (семибальной) шкалы семантического дифференциала (SD) потенциала встреч (–3 – очень неприятные переживания; +3 – очень приятные переживания), а также комбинаторных соотношений конкретных партнеров, участвующих в каждой теме, и наоборот [1].

В данном исследовании были задействованы, во-первых, невербальные количественные показатели: количество интересов в качестве тем общения (психосемантическое пространство К-мира личности); количество партнеров (социосемантическое пространство К-мира личности); оценочные (по SD) показатели значимости переживаний (ретроспективы – Р; актуальность – А; перспективы – П); по интересам (и), партнерам (п). Кроме того, проводился анализ по комплексным показателям – вектору роста (ВР) – сумма разностей модальных оценок между ретроспективой, актуальностью и перспективой; разнообразие шкальных типов (РТ) – количество разных комбинаций оценок во времени (Р, А, П) соотносено с общим количеством шкальных типов по интересам и партнерам.

Во-вторых, представлены вербальные показатели на основе контент-анализа *транса* и *стресса* (ВТ) и (ВС), стресс-транс-формации (СТФ) и транс-стресс-формации (ТСФ) по интересам, партнерам и в целом. Всего, таким образом, задействовано 23 показателя из ММКМ. Для статистической оценки достоверности различий применялся непараметрический U-критерий Манна–Уитни (расчет в программе SPSS Statistics 23).

В исследовании приняли участие 100 человек. Экспериментальную группу составили: 35 респондентов из 17 городов России, 4 респондента из Украины, 2 респондента из Казахстана, 1 респондент из Андорры, 1 респондент из Швейцарии, 1 респондент из США, 2 респондента из Латвии, 1 респондент из Турции, 2 – из Германии и 1 – из Хорватии. Выборку исследования составили 31 женщина в возрасте от 20 до 28 лет и 19 мужчин 21–40 лет. Всего 50 человек. Дата присоединения к проекту варьирует от 2009 до 2017 г., средняя продолжительность участия 3,7 года. Среднее количество положительных отзывов на 1 участника – 24,5. В среднем на одного человека приходится 7 отзывов от гостей, 8 отзывов от хозяев и 8 личных отзывов. Отрицательных отзывов среди профилей респондентов обнаружено не было, что подтверждает исходную гипотезу. В оценках друг друга пользователи наиболее часто отмечают, что их гость (или хозяин) дружелюбный ($\mu = 5,17$), веселый ($\mu = 3,91$), готов пойти навстречу ($\mu = 2,94$), тактичный ($\mu = 2,69$), ответственный ($\mu = 2,51$), хорошо информирован ($\mu = 1,91$), проявлял уважение ($\mu = 1,74$), много знает ($\mu = 1,49$). В среднем один респондент в той или иной степени владеет тремя языками и имеет 35 друзей в своем профиле.

Контрольную группу составили 50 человек – 29 женщин в возрасте от 19 до 35 лет и 21 мужчина в возрасте от 19 до 39 лет. Участники не зарегистрированы на сайте проекта, не слышали о нем и не пользовались его услугами.

Обсуждение результатов исследования

В анализе результатов исследования нами задействован достаточно широкий комплекс характеристик К-мира личности, чтобы дифференцировать общие, универсальные и специфические для каучсерферов черты в их социально-психологическом портрете. Анализ достоверности различий между контрольной и «квазиэкспериментальной»¹ группами показал, что почти половина – 10 из 23 – показателей К-мира личности оказались чувствительны к участию ее в каучсерфинге. Семь из них показали достоверные различия и еще три – на уровне правдоподобных статистических тенденций.

Из базовых наиболее объективированных показателей *достоверно выше* у каучсерферов оказались: три показателя разнообразия шкальных типов – по интересам (РТи), по партнерам (РТп) и в целом (РТ). Предыдущие исследования показали, что РТ достоверно связан с интеллектуальной продуктивностью, когнитивной сложностью и аналитической вовлеченностью [2]. Следовательно, здесь он может рассматриваться как характеристика коммуникативной компетентности и культуры, что соответствует исходным гипотезам исследования.

У каучсерферов обнаружено также достоверно большее количество личностно значимых партнеров (пЛ), личные характеристики которых схожи с личными характеристиками респондента (субъекта К-мира). Этот показатель характеризует потенциал близости и взаимности в К-отношениях. При этом есть тенденция и к общему увеличению круга партнеров в их К-мире, что вполне предсказуемо.

Из прямых интуитивно оценочных показателей (количество позитивных и негативных переживаний) достоверно менее выраженными оказались лишь негативные переживания (что не только правдоподобно, но и неизбежно для каучсерферов). Из дифференциально смыслоемких вербальных показателей (контент-анализа) достоверные и дифференцированные (разнонаправленные) различия показала группа первичных (более простых) показателей стресса и транса по интересам и партнерам. Так, вербализация эмоционально акцентированных характеристик транса (ВТи) и стресса (ВСи) оказалась у каучсерферов ниже, чем в контрольной группе. Это, в частности, может объясняться большей осторожностью к эмоциональным тратам в связи со спецификой их образа жизни.

В то же время проявления транса и стресса в восприятии *партнеров* оказались достоверно выше. В результате выглядит правдоподобным тот факт, что каучсерферам необходимы большая эмоциональная вовлеченность и внимание к индивидуальным особенностям новых партнеров в новых необычных обстоятельствах для успешности межличностной коммуникации.

¹ Здесь каучсерферов мы называем квазиэкспериментальной группой, поскольку само явление каучсерфинга можно отнести к типу квазиэкспериментов, поставленных социумом и природой.

Эта тенденция очень похожа на симптомокомплекс «опытного предпринимателя», который мы обозначили как *фактор децентрации* в направлении партнеров, что можно рассматривать как преодоление эгоцентризма с целью более эффективной и успешной межличностной коммуникации [2]. В таком контексте становится понятно, что партнерская децентрация может происходить в ущерб глубине и содержательной вовлеченности в обсуждение интересов и проблем. Это обнаружилось в описании предыдущей особенности участников проекта.

В таких обстоятельствах образа жизни и специфики К-мира каучсерфера становится понятным и объяснимым тот факт, что его особенности касаются базовых, простейших характеристик его К-мира и не затрагивают тонкости креативного поведения и переживаний, отраженных в вербальных показателях стресс-трансформации (СТФ) и ее антипода (ТСФ) как по интересам и партнерам, так и с целом (ВС, ВТ, ВСТ и ВТС).

Заключение

Результаты проведенного исследования подтверждают и конкретизируют проблематику, новые достоинства и специфические особенности нового типа личности, активно развивающегося и распространяющегося в транскультуральных процессах и в целом в социальной ойкумене начала XXI в. Каучсерферы проявляют себя как «вестники» или «сталкеры» существенных транскультуральных изменений все более глобализирующегося современного общества. Более комплексное и систематическое исследование данного социального движения позволит делать прогнозы развития в этом контексте еще более значимого транскультурального феномена – *образования трансфессионалов* на пересечении сетевых (on-line), интерперсональных (off-line) и трансперсональных коммуникативных миров ближайшего будущего [2, 9].

Литература

1. Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскомуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М. : Смысл, 2005. 248 с.
2. Кабрин В.И., Сметанова Ю.В., Звездина Е.А. Пилотное исследование транскультуральной психосемантики личностно значимых коммуникативных миров инновационно- и предпринимательски ориентированной молодежи // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 211–219.
3. Couchsurfing : официальный сайт проекта. URL: <https://www.couchsurfing.com/> (дата обращения: 28.01.2018).
4. Steylaerts V., O'Dubhghaill S. CouchSurfing and authenticity: notes towards an understanding of an emerging phenomenon // Hospitality & Society. 2012. Vol. 1 (3). P. 261–278.
5. Rosen D., Hendrickson B., Lafontaine P.R. CouchSurfing: Belonging and trust in a globally cooperative online social network // New Media & Society. 2011. Vol. 13 (6). P. 981–998.
6. Belk R. Sharing // The Journal of Consumer Research. 2010. Vol. 36, № 5. P. 715–734. DOI: 10.1086/612649 <https://www.jstor.org/stable/10.1086/612649>.

7. Луневич И. Феномен аутентичности в современном индивидуальном туризме на примере проекта «Couchsurfing» // Европа–2012: глобальное и локальное / под ред. Г.Я. Миненкова. Вильнюс : ЕГУ, 2013. С. 151–159.
8. Русакова О.Ф. Дискурс мобильности в современных коммуникациях // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2014. Т. 22, № 13. С. 245–252.
9. Неклюдова С.В., Кабрин В.И. Формирование нового типа мобильного образа жизни личности в транскультуральной коммуникации // Сибирский психологический журнал. 2017. № 65. С. 66–82. DOI: 10.17223/17267080/65/5

*Поступила в редакцию 15.02.2018 г.; повторно 24.09.2018 г.;
принята 13.11.2018 г.*

Сведения об авторах:

НЕКЛЮДОВА Снежана Владиславовна, аспирант факультета психологии Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: s.v.neklyudova@gmail.com

КАБРИН Валерий Иванович, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности Томского государственного университета. (Томск, Россия). E-mail: kabrin@list.ru

**PILOT STUDY OF INDIVIDUAL FEATURES OF COMMUNICATIVE WORLD
IN THE CONTEXT OF THE NEW TYPE OF MOBILITY FORMATION**

Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal – Siberian journal of psychology, 2018, 70, 34–41

DOI: 10.17223/17267080/70/3

Snezhana V. Neklyudova, Valerij I. Kabrin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: s.v.neklyudova@gmail.com; kabrin@list.ru

Keywords: couchsurfing; psychology of mobility; hospitality exchange networks; psychology of trust; online and offline worlds.

Significant cultural and economic changes are now beginning to capture the most diverse spheres of society, allowing rethinking of personal and network communication in the new world. If a few years ago the idea of sharing things with an absolutely unfamiliar person might seem insane, then today we have more than 10 huge Internet communities uniting millions of people who are ready not only to share things, but also to share cohabitation and everyday life on absolutely free basis. Thus, the dawn of the co-consumption phenomenon is no longer a short-term trend or a superficial idea, thanks to the Internet, we now all live in a global village, which allows us establishing communications that used to happen only "face to face" in such ways and with such dynamics that previously seemed to us simply unthinkable. We move from passive consumers to creators, from the "I" culture to the "we" culture, and the Internet removes intermediaries in our communication, collective use occurs on a phenomenal scale. At the same time, the emphasis of understanding the individual socio-psychological factors in its personal and networked communicative worlds is also shifted. The emphasis shifts to the analysis of full-fledged partnerships towards "We" and "Mutual co-realization".

As a clear example of the global Internet community manifestation, breaking our understanding of the trust principles and mutual exchange, we can cite the international hospitality network Couchsurfing. An interesting point is that the functioning of all these systems requires a degree of trust, and the key moment in their work is reputation. Now on the Internet we leave a trace, with every published idea, with every comment left, we actually show how well we interact and can or cannot be trusted. For a full study of the trans-communicative potential of personal growth of the virtual guest network participants, which has a significant impact on the changes in the communicative world of the modern person, a projective psychosemantic research technique "The Model of the Communicative World Modeling" was selected. The sample of the study was 100 people. The results of the research

confirm and specify the problems, new dignities and specific features of a new type of personality that is actively developing and spreading in transcultural processes and in general in the socially developed part of the world at the beginning of the 21st century. Couchsurfers manifest themselves as "messengers" or "stalkers" of significant transcultural changes in an increasingly globalized modern society.

References

1. Kabrin, V.I. (2005) *Kommunikativnyy mir i transkommunikativnyy potentsial zhizni lichnosti: teoriya, metody, issledovaniya* [Communicative world and trans-communicative potential of a person's life: theory, methods, research]. Moscow: Smysl.
2. Kabrin, V.I., Smetanova, Yu.V. & Zvezdina, Ye.A. (2015) Pilot research of transcultural psychosemantics of personally important communicative worlds of innovation- and entrepreneurship-oriented youth. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 394. pp. 211–219. (In Russian).
3. Couchsurfing.com. (n.d.) *Couchsurfing*. [Online] Available from: <https://www.couchsurfing.com/> (Accessed: 28th January 2018).
4. Steylaerts, V. & O'Dubhghaill, S. (2012) CouchSurfing and authenticity: notes towards an under-standing of an emerging phenomenon. *Hospitality & Society*. 1(3). pp. 261–278. DOI: 10.1386/hosp.1.3.261_1
5. Rosen, D., Hendrickson, B. & Lafontaine, P.R. (2011) CouchSurfing: Belonging and trust in a globally cooperative online social network. *New Media & Society*. 13(6). pp. 981–998. DOI: 10.1177/1461444810390341
6. Belk, R. (2010) Sharing. *The Journal of Consumer Research*. 36(5). pp. 715–734. DOI: 10.1086/612649
7. Lunevich, I. (2013) Fenomen autentichnosti v sovremennom individual'nom turizme na primere proekta "Couchsurfing" [The Phenomenon of Authenticity in Modern Individual Tourism by the Example of the Couchsurfing Project]. In: Minenkov, G.Ya. (ed.) *Evropa–2012: global'noe i lokal'noe* [Europe – 2012: Global and Local]. Vilnius: EGU. pp. 151–159.
8. Rusakova, O.F. (2014) Diskurs mobil'nosti v sovremennykh kommunikatsiyakh [The discourse of mobility in modern communications]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki – Scientific Bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences*. 22(13). pp. 245–252.
9. Neklyudova, S.V. & Kabrin, V.I. (2017) Formation of a new type of mobile personality lifestyle in transcultural communication. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 65. pp. 66–82. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/65/5

Received 15.02.2018;

Revised 24.09.2018;

Accepted 13.11.2018

УДК 159.9.072

DOI: 10.17223/17267080/70/4

А.А. Земскова, Н.А. Кравцова

*Тихоокеанский государственный медицинский университет (Владивосток, Россия)
Дальневосточная пожарно-спасательная академия – филиал Санкт-Петербургского
университета ГПС МЧС России (Владивосток, Россия)*

Программа повышения жизнестойкости и психологической устойчивости курсантов МЧС России к экстремальным факторам в условиях имитации профессиональной деятельности

Описаны результаты психологического полевого эксперимента, проводимого с целью определения эффективности программы повышения у курсантов жизнестойкости и психологической устойчивости к экстремальным факторам в условиях имитации профессиональной деятельности. Результаты исследования показали, что разработанная программа способствует повышению жизнестойкости и эмоциональной устойчивости, уточнению смысловых ориентаций. При этом повышаются показатели личностного адаптационного потенциала и регуляция поведения. Программа позволяет урегулировать стратегии совладающего поведения, а также на психологическом и психофизиологическом уровнях улучшает функции внимания и уровень работоспособности.

Ключевые слова: *жизнестойкость; смысловые ориентации; личностный адаптационный потенциал, стратегии совладающего поведения, внимание, экстремальные факторы, профессиональная деятельность.*

Экстремальные условия трудовой деятельности предъявляют специалистам высокие требования к их умению эффективно, быстро и точно выполнять поставленные задачи в кратчайшие сроки, своевременно правильно принимать решения. Согласно исследованиям Ю.С. Шойгу (2007), профессиональная деятельность сотрудников МЧС России сопряжена с длительным и интенсивным воздействием экстремальных факторов. Степень экстремальности ситуации определяется силой, продолжительностью, новизной, непривычностью проявления этих факторов [1]. Как убедительно показали исследования Р.С. Бакирова (2014), профессиональная деятельность сотрудников МЧС России часто сопровождается негативными эмоциями, физическим и психическим перенапряжением, 47–50% специалистов подвержены влиянию серьезных стрессогенных нагрузок, приводящих к нарушению психической адаптации [2]. По данным Е.Н. Ашаниной (2012), специалисты экстремального профиля больше всего подвержены воздействию факторов психологического стресса [3]. Дезадаптивные нервно-психические состояния, выражающиеся в повышенной раздражитель-

ности, утомляемости, снижении активности, скорости и точности психо-моторных реакций, нарушении функций памяти и внимания, отмечаются у 25% сотрудников ГПС МЧС России в повседневных условиях профессиональной деятельности и у 33% после участия в ликвидации крупномасштабных ЧС. М.В. Корехова (2013) выявила у более чем 30% специалистов экстремального профиля комплекс признаков психической дезадаптации, включающей в себя психофизиологическую, индивидуально-психологическую, социально-групповую и профессионально-деятельностную дезадаптацию [4]. Нами было показано, что в процессе обучения курсантов вузов МЧС России в условиях имитации профессиональной деятельности с воздействием экстремальных факторов у 31% респондентов возникают реакции с преобладанием симпатикотонии, выражающиеся в усилении напряженности, импульсивности, раздражительности, повышенной тревожности, появлении страха, и у 22% – ваготонии, что проявляется в апатичности, инертности и пассивности, безынициативности и бездеятельности, подавленности, снижении интереса и мотивации к выполняемой задаче, утрате перспективы на отличные результаты в деятельности, чувстве безнадежности [5. С. 40–52; 6. С. 87–92; 7; 8. С. 172–178]. Данные исследования требуют внимания к проблеме сохранения психологического здоровья будущих профессионалов для повышения их адаптивности и устойчивости к экстремальным факторам профессиональной деятельности, что обуславливает актуальность изучаемой темы.

Авторами в предыдущих публикациях была показана связь между вегетативными проявлениями реакций адаптации и психологическими показателями жизнестойкости и личностного адаптационного потенциала [5. С. 40–52; 6. С. 87–92]. В частности, выявлены связи между компонентом жизнестойкости «процесс в жизни» и показателем баланса симпатической и парасимпатической нервной системы («LF/HF»), а также между «целью в жизни», «процессом в жизни», «локусом контроля Я», «осмысленностью жизни», «контролем» и уровнем стабильности реакций, СКО реакций и максимальным временем в осуществлении зрительно-моторной реакции. Исследование показало различия психофизиологических показателей у курсантов с разным уровнем жизнестойкости и личностного потенциала. Было предположено, что психологическая работа с курсантами с низким уровнем жизнестойкости должна быть направлена на повышение осознанности ценностно-смысловой сферы личности и повышение мотивации к профессиональной деятельности, а с курсантами, имеющими высокий уровень жизнестойкости, необходимо проводить обучение приемам и методам психологической саморегуляции для управления своим психологическим состоянием в будущей профессиональной деятельности [5. С. 40–52]. На основании проведенных исследований была составлена и реализована программа повышения жизнестойкости и психологической устойчивости к экстремальным факторам в условиях имитации профессиональной деятельности.

Цель представленного исследования: определить эффективность программы повышения жизнестойкости и психологической устойчивости курсантов к экстремальным факторам в условиях имитации профессиональной деятельности.

Материалы и методы исследования

Исследование проводилось на базе Дальневосточной пожарно-спасательной академии – филиала Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России. Выборка представлена 52 курсантами факультета пожарной безопасности мужского пола в возрасте от 19 до 21 года. Тип исследования: психологический полевой эксперимент с использованием моделируемых условий профессиональной деятельности – теплодымокамеры. На этапе констатирующего эксперимента на всей выборке в 2016 г. проводились диагностические срезы по изучению психологических особенностей и физиологических реакций на стресс в условиях теплодымокамеры с целью определения мишеней психокоррекционного воздействия и разработки программы повышения жизнестойкости и психологической устойчивости к экстремальным факторам в условиях имитации профессиональной деятельности. На этапе формирующего эксперимента выборка методом случайных выборов была разделена на экспериментальную (ЭГ) и контрольную (КГ) группы. Курсанты ЭГ в количестве 30 человек участвовали в программе повышения психологической устойчивости. Курсанты КГ (22 человека) в программе не участвовали. На этапе контрольного эксперимента во всей выборке в 2017 г. провели повторное исследование психологических особенностей и физиологических реакций на стресс в условиях теплодымокамеры.

Методы психодиагностики: тест жизнестойкости Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой; тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева; многофакторный личностный опросник «Адаптивность» (МЛО), разработанный А.Г. Маклаковым и С.В. Чермяниным; копинг-тест Р. Лазаруса, методика определения акцентуаций характера К. Леонгарда, Г. Шмишека; восьмицветовой тест Люшера в модификации Л.Н. Собчик; методика «Структура мотивации трудовой деятельности», разработанная К. Замфир; методика изучения мотивации обучения в вузе Т.И. Ильиной; для изучения особенностей внимания использовались корректурные таблицы (кольца Ландольта), проба Мюнстерберга. Методы изучения психофизиологических параметров: «Анализ сердечного ритма» комплекса реабилитационного психофизиологического для тренинга с БОС «РЕАКОР»; оценка функционального состояния ЦНС на основе простой зрительной моторной реакции с помощью устройства психофизиологического тестирования УПФТ-1/30 – «Психофизиолог». Статистические методы: достоверность различий определяли с помощью непараметрического Т-критерия Вилкоксона, использовалась программа IBM SPSS Statistics 20.

Программа повышения жизнестойкости и психологической устойчивости курсантов к экстремальным факторам

Исследованиями взаимосвязи жизнестойкости и особенностей нервной системы занимались В.Н. Мясищев, С. Мадди, Б.Г. Ананьев, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Фомина, В.Э. Чудновский, В.Н. Логинова, М.Ю. Кузьмин и И.А. Конопак (2013) в своем исследовании выявили взаимосвязь жизнестойкости с самочувствием и уровнем активации нервной системы – высоким уровнем сенсомоторных реакций, быстрой реакции, низким числом ошибок [9. С. 53–59]. Количественный анализ компонентов жизнестойкости и параметров сложной зрительно-моторной реакции показал взаимосвязь «цели в жизни», «процесса в жизни», «локуса контроля Я», «осмысленности жизни», «контроля» с уровнем стабильности реакций (0,532 при $p \leq 0,01$), СКО реакций (–0,452 при $p \leq 0,05$) и максимальным временем (–0,433 при $p \leq 0,05$) [5. С. 40–52].

По мнению Т.И. Шевченко, С.А. Богомаза, Т.Г. Бохан (2013), высоким показателям осмысленности жизни у пожарных соответствуют сформированные конкретные жизненные цели, в то время как «ограниченность и абстрактный характер жизненных стремлений» свидетельствуют о низком уровне саморегуляции [10. С. 54–59]. А.Н. Фомина при изучении феномена жизнестойкости у подростков выявила прямую значимую связь между уровнем жизнестойкости и дивергентным мышлением [11].

Групповая форма психологической работы с курсантами является наиболее эффективной, ориентированной на проработку внутриличностных конфликтов, трудностей социального взаимодействия и профессиональной адаптации. Анализ литературы и результаты констатирующего эксперимента позволили определить мишени психологического воздействия, которые представлены в программе в 4 блоках групповой работы:

I блок представлен развитием когнитивных процессов: внимания, памяти и творческого мышления;

II блок – обучение саморегуляции психоэмоционального состояния. В данный раздел входит три блока занятий: тренировка дыхания, аутогенная тренировка (АТ), нервно-мышечная релаксация;

III блок – формирование осознанной мотивации к профессиональной деятельности и осознание личных и профессиональных ценностей и смыслов у курсантов;

IV блок – формирование продуктивных копинг-стратегий поведения курсантов в экстремальных ситуациях.

Для развития когнитивных процессов курсантов использовались кинезиотерапевтические техники – проба Н.И. Озерецкого на динамический праксис «Кулак. Ребро. Ладонь», «Лезгинка», «Зеркальное рисование», «Массаж ушных раковин», «Глазодвигательная гимнастика», разгадка ребусов, решение логических задач «Тактическое мышление». Обучение методам и приемам саморегуляции психоэмоционального состояния производилось при изучении дыхательных техник «Подсчет дыхания», «Глубо-

кое дыхание», «Ro. Re. Ba.», проведении аутогенной тренировки «В сказочном лесу», «Сила огня», прогрессивной нервно-мышечной релаксации по Джейкобсону, а также при освоении методов визуализации и самовнушения – «Создание зрительного образа», «Визуализация чувствами», «Формулы самовнушения».

Психологическая работа по повышению мотивации, формированию позитивного отношения к профессии и проработке ценностей и смыслов в профессиональной деятельности осуществлялась посредством логотерапевтических техник, разработанных В. Франклом.

Занятия начинали с упражнения «Позитивные мысли», направленное на развитие осознания сильных сторон личности курсанта (симпатия к себе, способность относиться к себе с юмором, выражение гордости собой как человеком). Дискуссии дают курсантам хороший повод для того, чтобы оценить свои способности и скрытые возможности. Упражнение «Курсантские дела» направлено на развитие позитивного отношения к курсантской жизни. Курсантов просили по очереди высказываться по поводу каких-либо конкретных фактов из их курсантской жизни с помощью вопросов: «Я бы хотела, чтобы ты рассказал о тех своих курсантских делах, которыми ты доволен. Пожалуйста, начни свой ответ так: “Я доволен тем, что...”». После того как были определены позитивные стороны служебной деятельности курсантов, развивали возможности анализировать и регулировать свою повседневную жизнь.

Необходимым условием для формирования Я-концепции является психологическая атмосфера коллектива. Поэтому необходимо было ознакомить курсантов с понятием самооценки, ее ролью в жизни человека, формированием адекватной самооценки. Самооценка тесно связана с уровнем притязаний и мотивацией достижения успеха в различных видах деятельности, оказывая определенное влияние на становление и общее развитие личности. С участниками группы обсуждался каждый из видов самооценки, их достоинства и недостатки. Упражнение «Первое впечатление» содержит задачу вспомнить первое впечатление о соседе слева и рассказать об этом на группе (по кругу). Далее проводилась групповая дискуссия: «Как мы поддерживаем или изменяем свою самооценку». Участникам предлагалось написать на листочках, как они поддерживают или изменяют свою самооценку.

Далее курсантам предлагалось нарисовать «график событий». На горизонтальной оси – «время» – указываются годы жизни, не только прошедшие и настоящие, но и будущие. На вертикальной – «события» – значимость событий жизни, которая отражается высотой разноцветных столбиков от 1 до 10. Синим цветом обозначаются события прошлого, красным – настоящего, зеленым – будущего. Оптимальным считалось примерно одинаковое количество красного, синего и зеленого цветов. На наличие проблем с постановкой жизненных целей указывает отсутствие или малое количество зеленого цвета.

Работа с актуальной проблемой. Если выявлялась проблема, и курсант был не против обсудить ее, использовали прием осознание значения: «Что значит для вас эта проблема?». При определении цели выясняли, что цель значит для курсанта, в чем ее ценность. Благодаря вопросам смысла беседа становилась более углубленной, и курсанты начинали больше говорить о своей жизни и меньше – о проблемах. На этой стадии уместно употреблять приемы «отражение смысла», «осознание значения».

Следующим заданием курсантам было упражнение «Я в будущем», что нужно было нарисовать на альбомном листе при помощи красок, карандашей, мелков (на выбор курсанта). Затем каждый из участников показывал «свое будущее» и рассказывал о нем, остальные могли задавать уточняющие вопросы.

Преобразование жизненных смыслов позволило курсантам осмыслить собственную жизнь, осознать процесс жизни, важность профессиональной самореализации, научиться контролировать жизненные процессы.

Для формирования положительного отношения к своей профессии, самостоятельности в своих решениях с курсантами проводилось упражнение «Должен или выбираю», где формируются утверждения, предполагающие собственный выбор, а не «долженствование».

Следующее задание актуализировало позитивное отношение курсантов к своей жизни. Для этого курсантам необходимо было составить список того, за что они могут быть благодарны судьбе в настоящий момент. Например, красота, любовь, мир, собственное здоровье, здоровье членов семьи, жилье, пища, солнечный свет, сбережения (даже если сумма не очень велика). При обсуждении выяснялось, с какими трудностями при выполнении задания столкнулись курсанты. По завершении задания предлагалось прочитать притчу «В чем смысл?». Следующая притча доводит до курсантов мысль об ответственности за собственные изменения – «Притча про ношу».

На заключительном занятии психологу необходимо было дать задание курсантам на самостоятельную работу. Предлагалось составить список ценных качеств в себе, закончив предложение: «Я забочусь... Я люблю... Я помогаю... Я признаю... Я талантлив... Я умею хорошо делать... Я сержусь... Я обижаюсь... Я расстраиваюсь, когда... Мне нравится... Я благодарен себе».

Целью четвертого блока заданий являлось формирование адаптивных стратегий совладающего поведения для повышения эффективности в профессиональной деятельности.

При помощи методов групповой дискуссии и ролевых игр:

- формировали адекватную самооценку у курсантов, повышали коммуникативный потенциал;
- определяли типичные профессионально трудные ситуации будущей профессиональной деятельности;
- обучали курсантов действовать в условиях стресса, не теряя способности к концентрации внимания;

- вырабатывали стратегии эффективного поведения в типичных или часто повторяющихся профессионально трудных ситуациях;
- тренировали способность наблюдения своего эмоционального состояния в ситуациях профессионального стресса;
- отработывали навыки взаимодействия с товарищами и пострадавшими,
- вырабатывали умение планировать деятельность и брать на себя ответственность за принятое решение;
- повышали эмоционально-волевую устойчивость, быстроту и правильность ориентировки, уверенность, чувство пространства и времени.

На первом занятии курсантам предлагалось обсудить типичные профессионально трудные ситуации своей профессиональной деятельности и составить собственную классификацию. Курсантам давалось задание на карточках, на которых были зафиксированы различные экстремальные ситуации, являющиеся стрессорами для пожарных. Задача – обнаружить ситуации, являющиеся для участников тренинга стрессогенными, осознать субъективность в оценивании уровня стрессогенности различных ситуаций. Выполнение следующего задания было направлено на обучение действовать в условиях стресса, не теряя способности к концентрации внимания (упражнение «Два на два, или Новый Юлий Цезарь», М.Ш. Кипнис, 2004) [12].

Курсантам предлагалась мини-лекция «Копинг-стратегии и их роль в преодолении стресса», в которой были даны определение понятия «копинг», основные стратегии преодолевающего поведения по классификации Р. Лазаруса и С. Фолкман, приводились примеры адаптивного и неадаптивного копинга из профессиональной сферы.

Для формирования стратегии эффективного поведения в типичных или часто повторяющихся трудных профессиональных ситуациях проводили ролевую игру «Найди выход из проблемной ситуации», которая заключается в практической отработке задачи (кейса) по решению профессиональных проблем, соответствующих реальным. Следующее задание было направлено на изучение ориентации курсанта во времени (упражнение «Минута», В.А. Ананьев, 2007) и изучение актуального эмоционального состояния [13]. Проанализировать существующие временные помехи и выявить стратегии эффективной деятельности позволяло задание «Поглотители времени», выполняя которое курсанты анализируют ловушки времени, наиболее часто мешающие им в работе, в жизни, затем ранжируют их, определяют ресурсы преодоления каждой конкретной трудности и эффективную стратегию ее преодоления [14]. В конце занятия курсанты составляют «Портрет стрессоустойчивого пожарного», в котором каждый курсант записывает два личностных качества, помогающих ему справляться со стрессом. Обязательное условие: в списке личностных качеств, составленном группой, должно быть по два качества от каждого ее участника. После составления списка качеств группой формировался мини-доклад «Самый успешный и стрессоустойчивый пожарный года».

Завершающий блок занятий был направлен на повышение адаптационных способностей курсантов к будущей профессионально напряженной деятельности в экстремальных ситуациях. Целью данного блока являлось сплочение, обучение курсантов работе в команде, отработка навыков взаимодействия с товарищами и пострадавшими в условиях имитации экстремальной ситуации, выработка умения планировать деятельность и брать на себя ответственность за принятое решение, повышение эмоционально-волевой устойчивости, быстроты и правильности ориентировки, уверенности, чувства пространства и времени. Данный блок включал упражнения на сплочение – «Работа в команде», «Веселый волейбол», профессиональные задания – «Движение по завалу», «Вытаскивание пострадавшего из завала», «Тоннель», «Лабиринт», «Сбор ПТВ», «Тушение очага пожара на 3-м этаже», «Эвакуация пострадавших».

Таким образом, работа с мотивацией, ценностями и смыслами, формированием адаптивных копинг-стратегий является неотъемлемой частью программы, так как эти показатели являются одними из приоритетных в профессиональной деятельности сотрудников экстремального профиля.

У курсантов с исходным низким уровнем жизнестойкости отмечались снижение напряженности, ваготония, выраженная инертность и пассивность. Психофизиологические показатели у курсантов с высоким уровнем жизнестойкости отражали симпатикотонию. Эта разница вегетативных показателей учитывалась при проведении психологической работы. Несмотря на то, что все курсанты ЭГ участвовали в одной программе, в подгруппе курсантов с низким уровнем жизнестойкости акцентировалась работа с ценностно-смысловой и мотивационной сферами. В процессе психологической работы с курсантами, имеющими высокий уровень жизнестойкости, большое внимание уделялось обучению приемам и методам психологической саморегуляции для управления своим психологическим состоянием в экстремальной деятельности.

Результаты исследования, обсуждение

Анализ результатов измерения уровня жизнестойкости курсантов до и после воздействия программы показал увеличение в ЭГ показателей жизнестойкости и ее компонентов – контроля и принятия риска. Для изучения различий уровня жизнестойкости в ЭГ и КГ до и после воздействия использовался непараметрический Т-критерий Вилкоксона (табл. 1).

Математический анализ показал различия в показателях уровня жизнестойкости у курсантов ЭГ до и после прохождения коррекционной программы по компонентам: контроль (асимптотическая значимость 0,004*), принятие риска (асимптотическая значимость 0,088*), жизнестойкость (асимптотическая значимость 0,006*). Результаты позволяют предположить, что у курсантов ЭГ появилась убежденность в том, что они способны контролировать свою жизнь, усилилась уверенность в себе и в том, что они могут справиться с трудными целями и задачами. Также наблюдается повышение готовности к риску как одного из главных про-

фессионально важных качеств специалиста экстремального профиля. Курсанты демонстрируют готовность действовать в экстремальных, полных неожиданностей условиях, несмотря на отсутствие четких гарантий на успех.

Таблица 1

**Изменение уровня жизнестойкости курсантов
экспериментальной и контрольной группы**

Группа	ЭГ	30	N	Вовлеченность		p	Контроль		p	Принятие риска		p	Жизнестойкость		p
				M ± m			M ± m			M ± m			M ± m		
				до	после		до	после		до	после		до	после	
				40,2 ±6	41,8 ±6	0,385	33,7 ±6,5	36,1 ±5	0,01**	17,7 ±3,4	19,7 ±3,7	0,011*	91,5 ±14	97,04 ±13,5	0,003**
КГ	22			40,7 ±8,7	41,7 ±6,5	0,175	35,1 ±7,3	35,7 ±5,5	0,139	19,4 ±4,8	19,9 ±3,2	0,083	95,3 ±18,7	97,4 ±14,1	0,223

* уровень значимости не превышает 0,05.

** уровень значимости не превышает 0,01.

Таким образом, анализ результатов обследования курсантов ЭГ показал, что психологическая работа по осознанию ценностей и смыслов способствует увеличению уровня жизнестойкости, способности личности преодолевать стрессовые ситуации при поддержании физического и психологического здоровья, оптимистичности, самоэффективности, а также удовлетворенности своей жизнью.

У курсантов ЭГ также выявлены изменения на личностном, профессиональном, психологическом, психофизиологическом и поведенческом уровнях ресурса жизнестойкости. Результаты анализа изменений показателей осмысленности жизни и ее компонентов – цели, процесса, результата жизни, локуса контроля Я и локуса контроля у курсантов ЭГ и КГ представлены в табл. 2.

Можно предполагать, что наблюдаемое снижение мотивации ко второму курсу обучения у курсантов выборки происходит за счет усложняющихся условий обучения и особенностей служебной деятельности.

В представленных в табл. 2 показателях осмысленности жизни у курсантов ЭГ выявлены значимые различия в распределении показателей цели, процесса и результата жизни, а также локуса контроля. Выявленные позитивные изменения изучаемых показателей позволяют говорить, что в результате проработки ценностей и смыслов профессиональной деятельности, формирования позитивного отношения к профессии у курсантов ЭГ повышаются интерес, эмоциональная насыщенность и удовлетворенность жизнедеятельностью в процессе службы, появляются новые цели, планы на будущее, переоцениваются достижения и формируются убеждения в способности контролировать свою жизнь.

Таблица 2

Изменение показателей осмысленности жизни курсантов
экспериментальной и контрольной группы до и после коррекции

Группа	N		ЦЖ			ПЖ			РЖ			ЛКЯ			ЛК			ОЖ		
			M ± m		p	M ± m		p	M ± m		p	M ± m		p	M ± m		p	M ± m		p
			до	после		до	после		до	после		до	после		до	после		до	после	
ЭГ	30		33,8 ± 6	36,3 ± 5	0,026*	32 ± 7,4	33,7 ± 4,1	0,041*	26,15 ± 7,6	29,7 ± 3	0,031*	22,9 ± 5,1	24,2 ± 2,7	0,237	32,8 ± 6,8	35,4 ± 3,6	0,043*	109 ± 21,5	116,9 ± 10,3	0,059
КГ	22		36,6 ± 3,8	35,6 ± 5	0,413	34,9 ± 3,9	33,8 ± 5	0,431	29,5 ± 4	29,6 ± 3,9	0,373	24,6 ± 2,5	24,4 ± 2,5	0,335	36,4 ± 4,4	35,4 ± 4,4	0,821	117,8 ± 12,3	115,8 ± 14	0,501

Примечание. ЦЖ – цель жизни, ПЖ – процесс жизни, РЖ – результат жизни, ЛКЯ – локус контроля Я, ЛК – локус контроля.

Анализ различий уровня личностного адаптационного потенциала курсантов ЭГ и КГ до и после воздействия психологической коррекции и профилактики с вычислением непараметрического Т-критерия Вилкоксона для связанных групп также показал положительную динамику (табл. 3).

Таблица 3

Личностный адаптационный потенциал ЭГ и КГ до и после коррекции

Группа	N		ПР			КП			МН			ЛАП		
			M ± m		p	M ± m		p	M ± m		p	M ± m		p
			до	после		до	после		до	после		до	после	
ЭГ	30		13 ± 13	9,6 ± 8,4	0,047*	9,6 ± 4	9,1 ± 3,8	0,9	8 ± 3	7,8 ± 3,3	0,9	31,3 ± 18	26 ± 12	0,05*
КГ	22		10 ± 8,5	10 ± 6,5	0,4	8,5 ± 4,3	8 ± 4,4	0,3	8,2 ± 3,3	8 ± 3,1	0,8	26,7 ± 13,6	26,5 ± 12,2	0,7

Примечание. ПР – поведенческая регуляция, КП – коммуникативный потенциал, МН – моральная нормативность, ЛАП – личностный адаптационный потенциал.

Как видно из представленных данных, повышение поведенческой регуляции и уровня личностного адаптационного потенциала наблюдается у курсантов ЭГ, в отличие от КГ, в которой динамика отсутствует. Психологическая работа с курсантами ЭГ позволила сформировать адекватный уровень самооценки, повысить коммуникативный потенциал и эмоционально-волевую устойчивость, развить уверенность в себе и навыки адаптивного взаимодействия в социуме.

Анализ изменения доминирующих стратегий совладающего поведения у курсантов до и после воздействия программы повышения жизнестойкости и психологической устойчивости курсантов МЧС России выявил увеличение использования курсантами ЭГ таких стратегий, как «поиск социальной поддержки», «планирование решения проблемы» и «положительная переоценка» (табл. 4).

Таблица 4

Стратегии совладающего поведения курсантов ЭГ и КГ

Группа	N	К			Д			С			ПСП			ПО			Б-И			ПРП			ПП		
		M ± m		p	M ± m		p	M ± m		p	M ± m		p	M ± m		p	M ± m		p	M ± m		p	M ± m		p
		до	после		до	после		до	после		до	после		до	после		до	после		до	после		до	после	
ЭГ	30	43,7±13,3	45,6±13	0,2	40,4±15,9	36,3±13,8	0,2	52,3±15,7	52±10	0,4	51±16,2	60,7±13,6	0,005**	44,7±13,5	50,6±18,8	0,2	32,9±15	32,9±14,5	0,9	69,9±16	80±14,5	0,028*	50,6±16	56,8±12,7	0,04*
КГ	22	42,1±11	41,6±14,5	0,8	45,7±11,3	41,9±11,3	0,4	53,8±15,4	53,7±12,3	0,6	56,9±17,3	57,3±19,6	0,9	50,5±11,2	52,6±14,4	0,3	38,7±12,7	33,9±14,5	0,4	69,05±16,2	71,4±19,5	0,6	52±17	57±16	0,3

Примечание. К – конфронтация, Д – дистанцирование, С – самоконтроль, ПСП – поиск социальной поддержки, ПО – принятие ответственности, Б-И – бегство избегание, ПРП – планирование решения проблемы, ПП – положительная переоценка.

Формирование адаптивных стратегий совладающего поведения в профессионально трудных ситуациях, навыков взаимодействия с коллегами и пострадавшими, умения планировать свою деятельность и способность брать на себя ответственность у курсантов ЭГ в процессе психологического сопровождения позволило выработать доминирующие стратегии совладания, направленные на стремление получить больше опыта и познания о профессиональной деятельности у старших офицеров (социальный ресурс), аналитически подходить к решению проблемной ситуации, планировать и тщательно продумывать свои действия при спасании пострадавших, а также работать над своими ошибками, переосмысливать свои действия.

Анализ вегетативных показателей курсантов вследствие влияния условий тренировки в теплодымокамере до и после воздействия на них программы повышения жизнестойкости и психологической устойчивости курсантов МЧС России показал снижение частоты сердцебиения, индекса напряжения по Баевскому и вегетативного равновесия у курсантов ЭГ. Это позволяет говорить о повышении психовегетативной устойчивости курсантов ЭГ, что расценено нами как следствие обучения методам саморегуляции (табл. 5).

Анализ показателей внимания у курсантов ЭГ и КГ в условиях имитации профессиональной деятельности до и после воздействия программы показал значимые различия функций внимания у курсантов обеих групп.

Показатели скорости и продуктивности внимания 22 курсантов ЭГ и 13 курсантов КГ увеличились после прохождения испытания в теплодымо-камере (табл. 6).

Таблица 5

Динамика параметров сердечного ритма ЭГ и КГ до и после воздействия программы повышения жизнестойкости и психологической устойчивости курсантов МЧС России

Группа	N	ЧСС			ИН			ИВР			LF/HF		
		M ± m		p	M ± m		p	M ± m		p	M ± m		p
		до	после		до	после		до	после		до	после	
ЭГ	30	91,6 ± 14,3	81,5 ± 14	0,004**	173,9 ± 144,5	167,8 ± 72,8	0,021*	206,4 ± 177	89,3 ± 55,6	0,003**	1,9 ± 1,2	2 ± 1,8	0,770
КГ	22	99,2 ± 13	95 ± 10	0,2	239,1 ± 190	230,2 ± 169,2	0,9	265,9 ± 197,2	292,1 ± 195,2	0,311	2,7 ± 2,6	2,8 ± 2	0,426

Примечание. ЧСС – частота сердечных сокращений, ИН – индекс напряжения, ИВР – индекс вегетативного равновесия, LF/HF – вагосимпатический баланс.

Таблица 6

Функции внимания курсантов ЭГ и КГ

Группа	N	Функции внимания									
		Скорость		р	Точность		р	Продуктивность		р	
		M ± m			M ± m			M ± m			
		до	после		до	после		до	после		
ЭГ	30	30,1 ±4,4	33,6 ±6,4	0,001**	0,9 ±0,1	0,9 ±0,09	0,674	214,6 ±30,6	234,3 ±43,7	0,007**	
КГ	22	29,9 ±3,2	32,1 ±3	0,007**	0,85 ±0,1	0,9 ±0,05	0,044*	217,7 ±19,9	232,3 ±21,5	0,003**	

Анализ изменения избирательности и концентрации внимания у курсантов после коррекционных мероприятий по методике Мюнстерберга также показал изменения в показателях – увеличение избирательности внимания у 20 курсантов ЭГ и 12 курсантов КГ. Математический анализ избирательности и концентрации внимания показал значимые различия в ЭГ (асимптоматическая значимость – 0,003**).

Улучшение внимательности курсантов в ЭГ и КГ после тренировки в теплотымокамере произошло, с одной стороны, за счет того, что обследуемые проходили данную методику не первый раз и выработали навык, что сказалось на результате. С другой стороны, возможно, занятия по программе повышения жизнестойкости и психологической устойчивости, направленные на улучшение функций внимания, оказали положительное влияние на курсантов ЭГ. Кроме того, улучшение показателей внимания в обеих группах произошло и вследствие обучения курсантов по учебному плану.

Анализ изменений параметров сложной зрительно-моторной реакции (СЗМР) – оценки уровня сенсомоторной реакции, оценки быстродействия и стабильности, а также среднего времени реакции – показал значимые различия у курсантов ЭГ в уровне быстродействия, а у курсантов КГ – в уровне сенсомоторных реакций (табл. 7).

Таблица 7

Зрительно-моторная реакция курсантов ЭГ и КГ

Группа	N	Оценка уровня сенсомоторной реакции			Оценка быстродействия			Оценка стабильности реакции			Среднее время реакции		
		M ± m		p	M ± m		p	M ± m		p	M ± m		p
		до	после		до	после		до	после		до	после	
ЭГ	30	0,57 ±0,3	0,60 ±0,3	0,4	4,6 ±0,5	4,8 ±0,2*	0,049*	4 ±1	4 ±1	0,9	371,9 ±42,4	365,1 ±42,9	0,4
КГ	22	0,64 ±0,1	0,52 ±0,2*	0,037*	4,4 ±0,6	4,3 ±0,7	0,8	4,04 ±1,1	3,7 ±1,2	0,4	376,8 ±48,5	387,4	0,4

Увеличение быстродействия курсантов ЭГ совместно улучшением сенсомоторной реакции и уменьшением среднего времени выполнения задания говорит о повышении концентрации внимания на деятельности, быстрой вработываемости, оптимальном и продуктивном уровне работоспособности.

Выводы

Таким образом, разработанная авторами программа повышения жизнестойкости и психологической устойчивости курсантов МЧС России позволяет повысить психологическую готовность и адаптивность к экстремальной деятельности за счет формирования у курсантов осознанной мотивации, раскрытия профессиональных ценностей и смыслов, развития способностей контролировать и управлять психоэмоциональным состоянием в ситуации стресса, освоения эффективных моделей поведения, способствующих благоприятной адаптации.

Разработанная программа способствует:

- 1) повышению жизнестойкости курсантов МЧС России: повышению готовности к риску в экстремальной деятельности, формированию уверенности в себе и в своих возможностях и силах справляться с трудными ситуациями, развитию оптимистичности и самоэффективности;
- 2) уточнению смысложизненных ориентаций за счет повышения интереса и удовлетворенности жизнедеятельностью в процессе службы, осознания целей, планов на будущее, формирования убежденности в способности контролировать свою жизнь;
- 3) урегулированию стратегий совладающего поведения за счет формирования умения аналитически разрешать проблемные ситуации, планировать и продумывать свои действия при выполнении профессиональных задач, переосмысливать результаты проделанной работы, а также стремления получать знания от опытных специалистов;
- 4) улучшению функции внимания, повышению психовегетативной устойчивости курсантов вследствие обучения методам и приемам саморегуляции психоэмоционального состояния, повышению концентрации внимания на выполняемой деятельности, быстрой вработываемости, оптимальной и продуктивной работоспособности.

Литература

1. Шойгу Ю.С. Психология экстремальных ситуаций для спасателей и пожарных / под общ. ред. Ю.С. Шойгу. М. : Смысл, 2007. 319 с.
2. Бакиров Р.С. Динамика эмоционально-мотивационных характеристик сотрудников государственных спасательной и пожарной служб в период реабилитации : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05. Казань, 2014. 189 с.
3. Ашанина Е.Н. Психология копинг поведения сотрудников Государственной противопожарной службы МЧС России: концепция, модель, технологии : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2011. 38 с.
4. Корехова М.В. Факторы психической дезадаптации специалистов экстремального профиля деятельности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2013. 25 с.
5. Земскова А.А., Кравцова Н.А. Взаимосвязь жизнестойкости с психофизиологическими свойствами курсантов в тренировочных условиях // Сибирский психологический журнал. 2017. № 65. С. 40–52. DOI: 10.17223/17267080/65/3.
6. Земскова А.А., Кравцова Н.А. Взаимосвязь психофизиологических адаптационных реакций с личностными особенностями курсантов в условиях тренировочной ситуации // Тихоокеанский медицинский журнал. 2017. № 2 (68). С. 87–92.
7. Земскова А.А. Психокоррекция дезадаптивных реакций, возникающих при тренировках в условиях имитаций чрезвычайных ситуаций у курсантов ВУЗов МЧС России // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности : сб. науч. статей 6-й Межрегион. науч.-практ. конференции с междунар. участием / под ред. Р.В. Кадырова. Владивосток : ТГМУ, 2016.
8. Земскова А.А., Кравцова Н.А., Лукьянова Е.Л. Психофизиологические реакции и копинг-стратегии курсантов в условиях моделирования профессиональной деятельности // Проблемы управления рисками в техносфере : науч.-аналит. журнал. 2017. № 2 (42), С. 172–178.
9. Кузьмин М.Ю., Конопак И.А. Влияние самочувствия испытуемого и особенностей психодиагностической процедуры на уровень регистрируемой жизнестойкости

- личности // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Психология. 2013. Т. 2, № 1. С. 53–59. URL: http://isu.ru/publication/izvestia/article.html?article=_223e13f8f33f490fbf8ac25ed1bb5005&journal=_5000dc7eb38946b6a96ccf664c4e8c34 (дата обращения: 30.10.2016).
10. Шевченко Т.И., Богомаз С.А., Бохан Т.Г. Жизненные смыслы и жизнестойкость как детерминанты устойчивости специалистов ФПС МЧС России в условиях профессиональной деятельности // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2013. № 6. С. 54–59.
 11. Фоминова А.Н. Жизнестойкость личности. М. : Прометей, 2012. 152 с. URL: <http://www.iprbookshop.ru/18567.html>
 12. Кипнис М.И. Тренируем умение вести за собой, быть лидером, мотором и вдохновителем. М. : АСТ, 2009. 256 с.
 13. Моница Г.Б., Раннала Н.В. Тренинг «Ресурсы стрессоустойчивости». СПб. : Речь, 2009. 250 с.
 14. Фопель К. Энергия паузы. Психологические игры и упражнения. М. : Генезис, 2011. 240 с.

*Поступила в редакцию 17.10.2018 г.; повторно 29.10.2018 г.;
принята 15.11.2018 г.*

Сведения об авторах:

ЗЕМСКОВА Анна Андреевна, доцент кафедры тактики и аварийно-спасательных работ Дальневосточной пожарно-спасательной академии – филиала Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России (Владивосток, Россия). E-mail: anet_8888@bk.ru

КРАВЦОВА Наталья Александровна, доктор психологических наук, заведующая кафедрой клинической психологии Тихоокеанского государственного медицинского университета (Владивосток, Россия). E-mail: kranatali@yandex.ru

PROGRAM TO IMPROVE THE RESILIENCE AND PSYCHOLOGICAL STABILITY OF CADETS OF EMERCOM OF RUSSIA TO EXTREME FACTORS IN THE CONDITIONS OF IMITATION OF THEIR PROFESSIONAL ACTIVITY

Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology, 2018, 70, 42–58

DOI: 10.17223/17267080/70/4

Anna A. Zemskova, Far East of Fire and Rescue Academy – Branch of St. Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: anet_8888@bk.ru

Natalia A. Kravtsova, Pacific State Medical University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: kranatali@yandex.ru

Keywords: resilience; life-purpose orientations; personal adaptation potential; coping strategies; attention; extreme factors; professional activity; psychological support.

The article describes the results of a psychological field experiment conducted to determine the effectiveness of the program on improving students' resilience and psychological resistance to extreme factors in the simulation of professional activity.

The study was conducted in the Far East Fire and Rescue Academy. The sample is represented by 52 cadets of the faculty of fire safety from 19 to 21 years of age. Type of the research: psychological field experiment with the use of smoke and heat simulation training facilities. At the stage of ascertaining experiment in 2016 diagnostic sections were carried out on the entire sample to study the psychological characteristics and physiological reactions to stress in the smoke and heat training chambers. Targets for psychological exposure were identified. At the stage of the formative experiment, the random sampling was divided into

experimental and control groups. Cadets of the experimental groups (30 participants) participated in the program to improve resilience and psychological stability. Cadets of the control group (22 participants) did not participate in the psychological program. At the stage of the control experiment with the participation of the entire sample in 2017 a repeated study of psychological characteristics and physiological responses to stress in smoke and heat training chambers was conducted.

Methods of psychological diagnostics: test of viability by D.A. Leontiev and E.I. Rasskazova; Life-purpose Orientations test by D.A. Leontiev; Multifactor Personality Questionnaire "Adaptability"; coping test by R. Lazarus, method of determining the accentuations of character by K. Leonhard and G. Shmisek; Lüscher-Test modified by L.N. Sobchik; the Structure of motivation of labor activity" C. Zamfir, the method of studying motivation in university studies by T.I. Ilyina; correction tables (Landolt rings). Methods of studying the psycho-physiological parameters: "Heart rate variability analysis" of the rehabilitation psycho-physiological complex "Reakor"; assessment of the functional state of the central nervous system based on a simple visual motor reaction using a psycho-physiological testing device "Psychophysicologist". Statistical methods: nonparametric Wilcoxon T-test, IBM SPSS Statistics 20.

The results of the study showed that the program of psychological support for cadets: contributes to the improvement of vitality and emotional stability, and clarifies the life-purpose orientations. In addition, the indicators of personal adaptive potential and regulation of behavior increase. The program allows to regulate coping behavior strategies, as well as at the psychological and psycho-physiological levels it helps to improve the attention functions and the level of performance.

References

1. Shoygu, Yu.S. (2007) *Psikhologiya ekstremal'nykh situatsiy dlya spasateley i pozharnykh* [Psychology of extreme situations for rescuers and firefighters]. Moscow: Smysl.
2. Bakirov, R.S. (2014) *Dinamika emotsional'no-motivatsionnykh kharakteristik sotrudnikov gosudarstvennykh spasatel'noy i pozharnoy sluzhb v period reabilitatsii* [Dynamics of emotional and motivational characteristics of employees of state rescue and fire services during the rehabilitation period]. Psychology Cand. Diss. Kazan.
3. Ashanina, E.N. (2011) *Psikhologiya koping povedeniya sotrudnikov Gosudarstvennoy protivopozharnoy sluzhby MCHS Rossii: kontseptsiya, model', tekhnologii* [Psychology of coping behavior of employees of the State Fire and Emergency Service of the Emercom of Russia: concept, model, technology]. Abstract of Psychology Dr. Diss. St. Petersburg.
4. Korekhova, M.V. (2013) *Faktory psikhicheskoy dezadaptatsii spetsialistov ekstremal'nogo profilya deyatelnosti* [Factors of mental maladjustment of specialists of extreme profile of activity]. Abstract of Psychology Cand. Diss. St. Petersburg.
5. Zemskova, A.A. & Kravtsova, N.A. (2017) The relationship of resilience and physiological properties of cadets in training conditions. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 65. (In Russian). pp. 40–52. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/65/3.
6. Zemskova, A.A. & Kravtsova, N.A. (2017) Interrelation of psychophysiological adaptive responses with military students' personality at training conditions. *Tikhookeanskiy meditsinskiy zhurnal – Pacific Medical Journal*. 2(68). pp. 87–92. (In Russian).
7. Zemskova, A.A. (2016) *Psikhokorreksiya dezadaptivnykh reaktsiy, voznikayushchikh pri trenirovках v usloviyakh imitatsiy chrezvychaynykh situatsiy u kursantov VUZov MCHS Rossii* [Psychocorrection of maladaptive reactions that occur during training under the conditions of imitations of emergency situations in cadets of universities of the Ministry of Emergency Situations of Russia]. In: Kadyrov, R.V. (ed.) *Lichnost' v ekstremal'nykh usloviyakh i krizisnykh situatsiyakh zhiznedeyatel'nosti* [Personality in extreme

- conditions and crisis situations of life activity]. Vladivostok: Pacific State Medical University.
8. Zemskova, A.A., Kravtsova, N.A. & Lukyanova, E.L. (2017) Psikhofiziologicheskie reaktsii i koping-strategii kursantov v usloviyakh modelirovaniya professional'noy deyatel'nosti [Psychophysiological reactions and coping strategies of cadets in terms of modeling professional activity]. *Problemy upravleniya riskami v tekhnosfere*. 2(42). pp. 172–178.
 9. Kuzmin, M.Yu. & Konopak, I.A. (2013) Vliyanie samochuvstviya ispytuyemogo i osobennostey psikhodiagnosticheskoy protsedury na uroven' registriruemykh zhiznestoykosti lichnosti [The influence of the test person's well-being and the characteristics of the psychodiagnostic procedure on the level of the registered viability of the person]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Psikhologiya – The Bulletin of Irkutsk State University. Psychology*. 2(1). pp. 53–59. [Online] Available from: http://isu.ru/ru/publication/izvestia/article.html?article=_223e13f8f33f490fbf8ac25ed1bb5005&journal=_5000dc7eb38946b6a96ccf664c4e8c34 (Accessed: 30th October 2016).
 10. Shevchenko, T.I., Bogomaz, S.A. & Bokhan, T.G. (2013) Zhiznennyye smysly i zhiznestoykost' kak determinanty ustoychivosti spetsialistov FPS MCHS Rossii v usloviyakh professional'noy deyatel'nosti [Vital meanings and viability as determinants of sustainability of specialists of the Federal Migration Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia in the context of professional activity]. *Sibirskiy vestnik psikiatrii i narkologii*. 6. pp. 54–59.
 11. Fominova, A.N. (2012) *Zhiznestoykost' lichnosti* [Personality Resilience]. Moscow: Prometey.
 12. Kipnis, M.I. (2009) *Treniruem umenie vesti za soboy, byt' liderom, motorom i vdokhnovitelem* [We train the ability to lead, to be a leader, a engine and an encourager]. Moscow: AST.
 13. Monina, G.B. & Rannala, N.V. (2011) *Trening "Resursy stressoustoychivosti"* [Workshop "Stress tolerance resources"]. St. Petersburg: Rech'.
 14. Vopel, K. (2011) *Energiya pauzy. Psikhologicheskie igry i uprazhneniya* [Energy of a pause. Psychological games and exercises]. Translated from German by L. Alekseevskaya. Moscow: Genezis.

Received 17.10.2018;

Revised 29.10.2018;

Accepted 15.11.2018

УДК 159.9

DOI: 10.17223/17267080/70/5

В.Н. Петрова, Н.В. Козлова

Томский государственный университет (Томск, Россия)

Профессиональное развитие в меняющемся мире: стратегия жизнеосуществления

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00480 «Субъективные индикаторы и психологические предикторы качества жизни».

Анализируется специфика профессионального развития в современных социокультурных условиях. Приводятся результаты эмпирического исследования профессионального развития современного специалиста с учетом характеристик его личностного и профессионального потенциала. Результаты статистического анализа эмпирических данных позволяют констатировать наличие двух типов профессионального развития: как построения традиционной карьеры и как жизнеосуществления и саморазвития.

Ключевые слова: профессиональное развитие; жизнеосуществление; образ будущего; образ профессионального будущего; качество жизни; критерии успешности; потенциал достижений; профессиональный потенциал.

Введение

Проблема профессионального и личностного развития приобретает особую актуальность в современных социокультурных условиях. В эпоху информационной культуры, социальной мобильности и поливариантности векторов саморазвития перед будущими и действующими профессионалами встают проблемы осознанного построения профессиональной траектории, которое должно соответствовать личностным ценностям, придавать жизни смысл и равновесие в условиях постоянно меняющегося мира.

Российская психологическая школа традиционно рассматривает любое развитие человека, в том числе и личностное, и профессиональное, в рамках культурно-исторической концепции Л.С. Выготского, согласно которой изначально ребенок не является субъектом этого развития, он становится им через усвоение социальных «знаковых средств» [1. С. 100]. Основой этих процессов является развитие высших психических функций, которое подчиняется нескольким базовым принципам:

– принцип интериоризации предполагает, что психические функции развиваются из внешних процессов, которые изначально были распределены между людьми;

– принцип опосредования гласит, что структура человеческой деятельности опосредуется инструментами (материальные или психические средства), которые разрывают связь между стимулом и реакцией и делают возможным управление собственным поведением и психическими процессами;

– в результате мы можем говорить о принципе саморегуляции высших психических функций и деятельности в целом. Для Выготского ключевой характеристикой личности служит овладение собственными психическими процессами, или саморегуляция. Опосредованность по структуре – вторая отличительная черта высших психических функций. Это помогает объяснить механизм произвольной регуляции высших психических функций [1. С. 101].

К числу наиболее важных проявлений опосредованного поведения мы можем отнести самосознание, рефлексию, целеполагание.

Еще одна важная для понимания процессов личностного и профессионального развития концепция – теория диалогической природы сознания М.М. Бахтина, которую в современных исследованиях иногда называют аутокоммуникацией [Там же. С. 104]. В рамках данной парадигмы рассматриваются различные формы внутреннего диалога. Внутренний диалог предполагает наличие двух или более смысловых центров, или интенций. Данный вид коммуникации закладывает онтологический базис для самосознания, в первую очередь для его когнитивной составляющей. В своих работах М.М. Бахтин говорит о многоголосии человеческого сознания, гетерархической (демократической или анархической) полифонии «внутренних ораторов», возможности иерархического, «вертикального» взгляда на проблему самоотношения [Там же. С.104].

Возможно выделить два основных подхода к пониманию детерминант личностного и профессионального развития.

1. В отечественной психологической школе наибольшее распространение получила следующая точка зрения: основой развития является раскрытие личностных особенностей вопреки трудным жизненным обстоятельствам. То есть пусковым механизмом для любого этапа развития является возникновение кризисной ситуации вследствие накопившихся противоречий. Будучи связанными с культурным контекстом, одни и те же особенности личности могут становиться как признаком психического здоровья, так и формой сверхкомпенсации того или иного дефицита. Как отмечает Д.А. Леонтьев, «такая ситуация “не столько формирует ограничения возможностям развития, сколько требует вложения дополнительных усилий и затраты больших ресурсов, чем в ситуации обычного, незатрудненного развития”» [Там же. С. 105].

2. Последние десятилетия все более популярным становится представление о позитивных процессах развития как о ключе к целостности личности и реализации потенциала достижений [2]. Современная позитивная психология исследует не только позитивные эмоции и черты характера, но и процессы саморегуляции и психологической устойчивости.

Д.А. Леонтьев рассматривает неклассическую позитивную психологию как психологию возрастающего овладения собой, собственными произвольными процессами, собственной психикой [3].

Материалы, методы и методики исследования

С целью выявления особенностей профессионального развития современного специалиста и выделения типов этого развития нами было проведено исследование, состоявшее из двух этапов. На первом этапе был осуществлен историко-психологический анализ понятия «профессиональное развитие», выявлены основные подходы к его изучению, описана типология профессионального развития. На втором этапе было проведено эмпирическое исследование особенностей профессионального развития современного специалиста. По результатам теоретического анализа были выделены зависимая и независимые переменные.

Для оценки показателей нами использованы следующие диагностические методики: опросник карьерных ориентаций Э. Шейна (перевод и адаптация В.А. Чикер, В.Э. Винокурова); методика исследования ценностей Г. Хофстеде; опросник временной перспективы Ф. Зимбардо; модифицированный опросник ценностей Р. Инглхарта (адаптация Р.К. Хабибулина).

В исследовании приняли участие 194 сотрудника организаций г. Томска: 47,9% участвующих составили мужчины, 52,1% – женщины. Возраст сотрудников варьировал от 20 до 59 лет, 41,5% составили сотрудники в возрасте 25–29 лет. Одно высшее образование имеют 70,2% сотрудников.

Обработка эмпирических данных проводилась статистическими методами с использованием пакета программ IBM SPSS Statistics 23.

Мы полагаем, что в современных условиях профессиональное развитие представляют собой смысл, к реализации которого стремится человек при выборе и осуществлении своей профессиональной деятельности; это индивидуальное сочетание и последовательность реализации профессиональных замыслов и целей, связанных с опытом и активностью в сфере работы на протяжении всей жизни. Данное предположение является гипотезой нашего исследования.

Историко-психологический анализ понятия «профессиональное развитие»

Для начала стоит определиться в том, что именно мы будем понимать под профессиональным и личностным развитием.

Классические модели профессионального и личностного развития человека делают акцент на прогрессивности – созревании, формировании принципиально новых функций, достижении определенных стадий, совершенствовании выполняемых действий [4]. В этом случае развитие имеет начало, период интенсивного прироста, стабилизацию, постепенное угасание и завершение. В данном контексте профессиональное развитие

включает в себя профессиональный выбор (выбор профессии), стратегию построения карьеры, особенности профессионального поведения, наличие профессиональных достижений, удовлетворенность от процесса и результатов труда, эффективность образовательного поведения личности, смену или стабильность рабочего места и ряд других характеристик.

К числу классических моделей следует отнести концепцию «карьерной зрелости» Д. Сьюпера, в которой выделяется ряд стадий и этапов профессионального развития, имеющих самостоятельные задачи: «пробуждение»; «исследование»; «сохранение»; «снижение». Данные стадии сопоставляются с этапами жизненного пути, т.е. с возрастом человека, в качестве основного механизма профессионального развития рассматривается развитие Я-концепции, предполагающее соотнесение опыта собственных достижений и личностных проявлений с требованиями социальной ситуации, идентификацию со значимыми другими, проигрывание различных социальных ролей [5].

Еще одна популярная классическая концепция – типологическая теория Дж. Холланда, предполагающая определение индивидом собственного личностного типа, которому соответствуют определенная сфера профессиональной деятельности и профессиональная среда (реалистическая, исследовательская, социальная, конвенциональная, предпринимательская или артистичная). Важными в этом случае становятся наличие у конкретного человека ярко выраженного профессионально-личностного типа и гармоничность сочетания данного типа с профессиональным окружением (профессиональной средой).

Е.А. Климов распространяет профессиональное развитие на все периоды онтогенеза и выделяет следующие его стадии: стадия «оптации» (от 11–12 до 14–18 лет), или выбора профессии; стадия адепта, когда происходит основной этап профессионального обучения; стадия адаптанта, предполагающая «вхождение» в новый вид деятельности; стадия интернала, характеризующаяся способностью самостоятельно выполнять работу со средним (нормативным) уровнем качества; стадия мастера, предполагающая формирование индивидуального стиля трудовой деятельности; стадия авторитета, когда в трудовой деятельности наряду с профессиональным мастерством возникает менеджерская функция; наконец, стадия наставника, когда в трудовых функциях деятельность в качестве специалиста постепенно угасает и все большую роль приобретает передача собственного профессионального опыта ученикам [6].

Более поздние теории делают акцент на неисчерпаемости профессионального развития. Л.И. Анцыферова под развитием понимает «основной способ существования личности: психическое и социальное становление личности не ограничено какими-то определенными отрезками времени. Оно осуществляется на всех этапах жизненного пути человека. Период зрелости не может рассматриваться как конечное состояние, к которому направлено развитие и которым оно завершается. Наоборот, чем более зрелой в социальном и психологическом смысле становится личность, тем

более возрастает ее способность к дальнейшему развитию» [7]. В данном контексте речь уже идет о становлении, которое предполагает непрерывность и преемственность профессионального и личностного развития.

Л.М. Митина в своей концепции профессионального развития рассматривает модели адаптивного поведения и профессионального развития личности. Принципиальным для автора является отсутствие связи между возрастом человека и его профессиональным развитием, а также выделение двух вариантов профессионального развития:

- адаптивного профессионального развития, при котором в самосознании человека доминирует тенденция к подчинению профессионального труда внешним обстоятельствам в виде выполнения предписаний, алгоритмов решения профессиональных задач, правил, норм;
- модели профессионального развития, характеризующейся способностью личности выйти за пределы сложившейся практики, превратить свою деятельность в предмет практического преобразования и тем самым преодолеть пределы своих профессиональных возможностей [8].

Э.Ф. Зеер выделяет стадии профессионального становления личности с учетом социальной ситуации развития и уровня реализации в профессии. Начальные периоды профессионального развития определяются хронологическим возрастом человека, более поздние – особенностями индивидуальной профессиональной деятельности. Всего он выделяет семь стадий профессионального развития: аморфная оптация, когда формируются профессиональные интересы; собственно оптация, предполагающая формирование профессиональных намерений; стадия профессиональной подготовки, на которой происходит формирование готовности к самостоятельной трудовой деятельности; на стадии профессиональной адаптации формируются профессиональные компетенции; первичная профессионализация предполагает формирование индивидуального стиля трудовой деятельности; задачей вторичной профессионализации становится формирование профессиональной идентичности и профессионального менталитета; наконец, стадия профессионального мастерства формирует подвижные интегративные психологические новообразования, которые служат основой профессиональной мобильности и самопроектирования карьеры [4].

Все чаще профессиональное развитие рассматривается с двух позиций: с одной стороны, как профессиональное продвижение от выбора к овладению профессией, достижение успехов в рамках конкретной профессиональной деятельности, а с другой – как процесс профессионального самоопределения, профессиональное и социальное становление человека [9]. При этом карьерный рост понимается не как цепь подъемов по вертикали, перемещений от низшей к высшей должности, а как этапы совершенствования знаний и умений, подъем по ступеням профессионализма (горизонтальное развитие карьеры).

Мы имеем дело с акмеологическим подходом к пониманию профессионального развития как личностно-профессионального становления в условиях реальной жизнедеятельности человека. Оно проявляется в конструи-

ровании профессионального образа мира, определяемом решением задач на смысл и ценность выполняемой деятельности, в постепенном преобразовании мышления человека (со свойственными ему индивидуальными особенностями) в профессиональное мышление, которое, оставаясь формой познания, участвует в обеспечении целостности и системности складывающейся профессиональной картины мира и саморазвитии собственной личности [10].

В рамках данного подхода под профессиональным развитием понимаются изменения психических функций и свойств человека, которые возникают при взаимодействии с профессией, в процессе профессионального обучения и профессиональной деятельности. Иными словами, под профессиональным развитием можно понимать развитие человека как субъекта профессиональной деятельности. В этом случае на передний план выступают вопросы планирования человеком собственного профессионального пути как процесса формирования профессиональной самоконцепции и самоопределения в терминах собственных способностей, талантов, мотивов, потребностей, отношений и ценностей [11].

Анализ современных образовательных и профессиональных институтов позволяет выделить следующие характеристики образовательного и профессионального развития специалиста:

- перманентное реформирование образования;
- дисбаланс институализированных и стихийных процессов профессионализации в сторону примата факторов неопределенности;
- значимые изменения способов и ритмов жизни, форм мышления современного профессионала;
- трансформация пространств жизнедеятельности человека;
- широкий доступ к различной информации и трудности дифференциации транслируемых норм профессионализации;
- сложности построения адекватных поведенческих планов и программ развития, соответствующих будущим (прогнозируемым или нет) социально-экономическим условиям, и ряд других факторов [12–17].

Таким образом, существующая социально-экономическая ситуация свидетельствует о том, что процесс профессионализации усложняется под влиянием как объективных, так и субъективных факторов на фоне стабильной нестабильности в обществе. Адаптационные процессы начинают работать вхолостую, так как сложно определить то, к чему необходимо адаптироваться. За этим нарушаются процессы присвоения традиций, норм и ценностей, так как часть существующих норм быстро теряет свою актуальность, а новые вырабатываются медленнее, чем условия их реализации. Применение традиционных адаптационных моделей в современной ситуации профессионального развития приводит к возникновению упрощенного восприятия реальности, когда собственно развитие прекращается и на передний план выступают стратегии обеспечения стабильности и безопасности в трудовой деятельности.

Все это требует применения новых объяснительных принципов. Современная историко-эволюционная парадигма рассматривает деятельность (в том числе и трудовую) как существование [18]. Целенаправленная деятельность рассматривается как универсальная форма существования жизни. Таким образом, любая деятельность, и развитие в том числе, рассматриваются именно с точки зрения понимания ее целей. Сама деятельность исследуется в рамках коммуникативного дискурса, а цель деятельности – в контексте двух значений: intersубъективном и интрасубъективном. Это предполагает выделение нескольких уровней ее анализа:

1. Мотивационный уровень анализа деятельности, предполагающий выделение смыслов активности человека.

2. Интенционально-целевой уровень, базирующийся на выделении конкретных целей деятельности.

3. Операционально-технологический уровень определяет способы достижения поставленных целей.

4. Наконец, ресурсно-энергетический уровень объясняет, за счет каких ресурсов человека происходят достижение жизненно важных целей и реализация смыслов деятельности.

В рамках данного подхода анализ адаптивных ресурсов работника становится менее важным. На передний план выступает выявление так называемых «преадаптивных» ресурсов человека, способности адаптации к возможному [19]. Именно они отвечают за умение принимать решения в сложной непредсказуемой ситуации с множеством возможных вариантов развития событий, когда традиционные рациональные схемы не работают [20]. Преодоление конфликта, «решение проблемы», перестает быть двигателем любого развития, в том числе и профессионального. К. Шваб говорит о так называемой «дизруптивной инновации» как форме конструктивных разрушений, позволяющих вырваться из плена прошлого опыта, возникающей в результате четвертой промышленной революции [21. С. 8]. Все эти модели поведения не укладываются в рациональные объяснительные схемы, они предполагают, что в актуальном поведении человека всегда существуют формы, модели будущего, которые и определяют готовность к изменениям и принятию решений.

В данном случае эффективное и целенаправленное профессиональное развитие, на наш взгляд, определяется особенностями проявления жизнетворчества (как «творение» жизни) и жизнеосуществления личности. Ресурсным полем такого проявления выступают особенности построения и реализации образа профессионального будущего с учетом характеристик личностного потенциала человека. Формирование ресурсного поля как потенциала профессионализации человека связано именно со сформированностью образа будущего и наличием стремления к его построению [22].

В практике анализа особенностей профессионального развития современного специалиста активное применение находит концепция карьерных ориентаций (career anchor) Э. Шейна. Согласно этой теории на начальных этапах профессионализации у будущего специалиста формиру-

ются «карьерные ориентации», отражающие его жизненные ценности, интересы и социальные установки и побуждающие его к профессиональной активности. Всего возможно выделить восемь типов карьерных ориентаций: профессиональная компетентность, менеджмент, автономия (независимость), стабильность работы, стабильность места жительства, служение, вызов, интеграция стилей жизни, предпринимательство [23]. Именно соотношение данных типов ориентации определяет специфику профессионального развития (направленность, предпочитаемые стратегии осуществления, общую эффективность) современного специалиста.

В результате в настоящее время прослеживается тенденция приоритета изучения позитивных аспектов человеческой жизни над негативными, долгое время преобладавшими в психологической науке. Наблюдается отказ от изучения негативных причин, которые приводят к появлению проблем, в пользу исследования качеств личности, факторов, условий и собственной активности человека, приводящих к достижению высокого качества жизни, которое принято рассматривать как многофакторный конструкт, представляющий собой сложную взаимосвязь различных факторов: социальных, психологических, физических, культурных, экономических и духовных [3]. В этом случае изменения и непрерывность профессионального развития становятся нормой жизни.

Применение данного подхода к рассмотрению вопросов профессионального развития современного специалиста позволяет более глубоко понять и интерпретировать его контексты. В рамках данного конструкта все большее внимание уделяется субъективным индикаторам качества жизни, которые определяются как широкая категория феноменов, включающая эмоциональные реакции людей, их удовлетворенность отдельными сферами жизни, а также суждения о качестве жизни в целом. В настоящей работе акцент делается именно на изучении понятия удовлетворенности жизнью, поскольку оно характеризуется стабильностью, устойчивостью и системностью, а также содержит в своей структуре оценочный компонент. Данное понятие мы определяем как сложное, динамичное социально-психологическое образование, которое основано на интеграции когнитивных и эмоционально-волевых процессов, характеризуется субъективным эмоционально-оценочным отношением и обладает побудительной силой, которая способствует действию, поиску, управлению внутренними и внешними объектами.

Эмпирическое исследование особенностей профессионального развития современного специалиста

Проведенное нами эмпирическое исследование было посвящено выявлению типов профессионального развития современного специалиста. На основе теоретического анализа выделено два типа профессионального развития: традиционный тип (построение карьеры) и жизнеосуществление. Сравнительные характеристики типов профессионального развития приведены в табл. 1.

Таблица 1

Сравнительные характеристики типов профессионального развития

Параметры сравнения	Традиционное профессиональное развитие (1-й тип)	Профессиональное развитие как жизнеосуществление (2-й тип)
Ответственный за развитие	Социальная среда, в том числе организация	Субъект
Основные цели	Карьерное продвижение	Саморазвитие и жизнеосуществление
Уровень изменчивости	Ориентация на стабильность	Профессиональная мобильность
Критерии успеха	Позиция в организации, уровень заработной платы	Качество жизни, удовлетворенность работой и субъективное благополучие
Ключевые установки	Организационная приверженность, следование социальным нормам	Ориентация на критерии качества жизни и приверженность собственному жизненному пути

Исходя из приведенных характеристик в качестве зависимой переменной был взят тип профессионального развития, в качестве независимых переменных:

- принятие / избегание неопределенности;
- краткосрочность / долгосрочность временной перспективы;
- предпочитаемый тип ценностей (традиционные / секулярные, рациональные);
- выраженность ценностей самовыражения;
- дистанция по отношению к власти (доверие / недоверие к власти);
- индивидуализм / коллективизма;
- автономность;
- склонность к предпринимательству и инновационным видам деятельности;
- профессиональная мобильность / профессиональная стабильность.

На основе анализа результатов, полученных по методикам Э. Шейна и Г. Хофстеде, все респонденты выборки были сгруппированы в две группы в зависимости от типа профессионального развития: 107 человек – 1-й тип и 87 человек – 2-й тип (см. табл. 1). Данное распределение было выполнено с целью проведения сравнительного анализа. В табл. 2 приведены результаты расчетов описательных статистик групп испытуемых.

Сравнительный анализ испытуемых с различным типом профессионального развития проводился с помощью Т-критерия Стьюдента. Возможность его применения проверялась с использованием критерия Ливиня, предназначенного для проверки гипотезы, что все распределения зависимой переменной для сравниваемых выборок имеют одинаковые дисперсии, при этом значимость критерия Ливиня составляет более 0,05. По результатам анализа был сделан вывод о том, что для параметров «Дистанция к власти», «Стабильность работы», «Ориентация на будущее» применение Т-критерия Стьюдента некорректно ввиду того, что критерий Ливиня < 0,05,

что говорит об отсутствии равных дисперсий. Для данных параметров был применен непараметрический критерий для независимых выборок Манна–Уитни.

Таблица 2

Результаты расчетов описательных статистик групп испытуемых

Наименование шкалы	Среднее		Среднее квадратическое отклонение		Средняя квадратическая ошибка	
	1-й тип	2-й тип	1-й тип	2-й тип	1-й тип	2-й тип
Методика исследования ценностей Г. Хофстеде						
Шкала «Дистанция к власти»	11,544	11,676	1,9737	2,4614	0,2614	0,4047
Шкала «Индивидуализм / коллективизм»	14,860	14,216	2,6487	2,8688	0,3508	0,4716
Шкала «Маскулинность / феминность»	15,018	14,432	2,4964	2,9301	0,3307	0,4817
Шкала «Избегание неопределенности»	12,719	13,000	1,9526	1,5986	0,2586	0,2628
Шкала «Долгосрочная / краткосрочная ориентация»	12,000	11,703	1,7928	2,0394	0,2375	0,3353
Шкала «Потворство / сдерживание потребностей»	13,333	13,108	1,7355	1,6122	0,2299	0,2650
Опросник карьерных ориентаций Э. Шейна						
Шкала «Автономность»	28,158	30,351	7,6737	9,4962	1,0164	1,5612
Шкала «Вызов»	28,263	24,568	8,6881	10,1995	1,1508	1,6768
Шкала «Предпринимательство»	21,982	26,784	9,8552	10,7086	1,3054	1,7605
Шкала «Интеграция стилей жизни»	35,877	32,432	6,5767	8,5230	0,8711	1,4012
Шкала «Стабильность работы»	26,474	21,541	3,7612	5,9189	0,4982	0,9731
Шкала «Служение»	33,667	30,351	8,1270	7,5727	1,0764	1,2449
Шкала «Стабильность места жительства»	15,982	10,486	7,5887	5,9611	1,0052	0,9800
Шкала «Профессиональная компетентность»	28,456	21,324	8,3625	7,6850	1,1076	1,2634
Шкала «Менеджмент»	26,842	24,459	10,0938	10,5451	1,3370	1,7336
Опросник временной перспективы Ф. Зимбардо						
Шкала «Негативное прошлое»	28,404	23,486	7,7156	6,7273	1,0220	1,1060
Шкала «Гедонистическое настоящее»	47,877	47,784	7,1366	8,0868	0,9453	1,3295
Шкала «Будущее»	47,316	53,838	6,6040	4,4753	0,8747	0,7357
Шкала «Позитивное прошлое»	33,491	33,703	4,8885	4,5391	0,6475	0,7462
Шкала «Фаталистическое настоящее»	20,404	20,486	4,8176	4,6704	0,6381	0,7678
Модифицированный опросник ценностей Р. Инглхарта						
Шкала «Традиционные – рационально / секулярные ценности»	32,456	29,838	5,4970	5,1882	0,7281	0,8529
Шкала «Ценности выживания / ценности самовыражения»	28,825	28,432	3,9916	5,1990	0,5287	0,8547

Также было проверено предположение о наличии взаимосвязи между социальными характеристиками респондентов (пол, возраст и сложность выполняемой работы) и принадлежностью к одному из типов профессионального развития. В результате анализа результатов, полученных с использованием таблиц сопряженности V-критерия Крамера, было установлено, что указанные признаки не оказывают влияния на выбор типа профессионального развития. Следовательно, он определяется индивидуальными (личными) особенностями и не зависит от социальных параметров.

Обсуждение результатов

Результаты анализа показали наличие статистически значимых различий по следующим шкалам методик: «Предпринимательство», «Интеграция стилей жизни», «Стабильность работы», «Служение», «Стабильность места жительства», «Профессиональная компетентность» (опросник карьерных ориентаций Э. Шейна); «Негативное прошлое», «Будущее» (опросник временной перспективы Ф. Зимбардо), «Традиционные – рационально / секулярные ценности» (опросник ценностей Р. Инглхарта);

Сотрудники с традиционным типом профессионального развития стремятся иметь хорошие отношения с руководителями, для них важно совместно с руководством принимать решения, находиться с ним в тесном контакте. Они во многом консервативны и пассивны в принятии решений относительно построения своей карьеры. Их привлекает стабильность в работе, наблюдаются высокая потребность в безопасности и прогнозировании предстоящих событий, ориентация на общественное мнение. Данные специалисты являются приверженцами выбранного стиля жизни, развитие карьеры их привлекает только в том случае, если она не влечет за собой изменений привычного стиля жизни, окружения. Для них характерно негативное отношение к собственному прошлому, в отношении к собственному будущему они ориентированы на развитие своих способностей и навыков в области, связанной непосредственно с их специальностью.

Сотрудники с ориентацией на профессиональное развитие как жизнеосуществление предпочитают дистанцироваться от официальной власти. Они в большей степени склонны к новаторству, инициативны, самостоятельны и ответственны за результат своей деятельности. Можно говорить о достаточной мобильности в принятии решений, ориентации скорее на личные предпочтения, чем на общественное мнение и принятые обществом каноны. Сотрудники данной категории в меньшей степени являются приверженцами выбранной единожды специальности и готовы поменять специализацию в случае необходимости. Их отличают высокая мобильность и позитивное отношение к собственному будущему.

Заключение

Таким образом результаты теоретического анализа и собственных эмпирических исследований позволяют нам говорить о существовании принципиально разных способов профессионального развития современного специалиста: ориентированного на реализацию традиционного типа вертикальной карьеры и ориентированного на жизнеосуществление и саморазвитие.

Выбор типа профессионального развития не зависит от объективных социальных характеристик (пол, возраст, образование, занимаемая должность и пр.), а в большей степени определяется индивидуальными ценностями, карьерными ориентациями, отношением к собственному прошлому и будущему, ориентацией на профессиональную мобильность / стабильность.

Полученные результаты позволяют рассматривать ориентацию на саморазвитие и жизнеосуществление как факультативный вариант профессионального развития, характерный для современной ситуации трудовой деятельности.

Литература

1. Леонтьев Д.А., Лебедева А.А., Костенко В.Ю. Траектории личностного развития: реконструкция взглядов Л.С. Выготского // Вопросы образования. 2017. № 2. С. 98–112. DOI: 10.17323/1814-9545-2017-2-98-112.
2. Seligman M.E.P. Authentic Happiness: Using the New Positive Psychology to Realize Your Potential for Lasting Fulfillment. New York : Free Press. 2002. 215 p.
3. Леонтьев Д.А. Позитивная психология – повестка для нового столетия // Психология: журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9, № 4. С. 36–58.
4. Зеер Э.Ф. Психология профессионального развития: методология, теория, практика. Екатеринбург : РГППУ, 2011. 158 с.
5. Пряжников Н.С. Профориентология : учебник и практикум для академического бакалавриата. М. : Юрайт, 2017. 405 с.
6. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. М. : Академия, 2010. 304 с.
7. Анцыферова Л.И. Методологические проблемы формирования и развития личности. К психологии личности как развивающейся системе // Психология формирования и развития личности. М. : Наука, 1981. 365 с.
8. Митина Л.М. Личностное и профессиональное развитие детей, молодежи, взрослых: проблемы и решения / под ред. Л.М. Митиной. М. : Перо, 2017. 308 с.
9. Пряжников Н.С. Статусы «акме» в карьерном самоопределении: приглашение к дискуссии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2017. Т. 6, № 3. С. 214–220.
10. Козлова Н.В. Личностно-профессиональное становление студентов как форма проявления самоорганизации человека // Психология обучения. 2009. № 4. С. 28–40.
11. Профессиональное развитие личности: начало пути (эмпирическое исследование) / Л.А. Головей, М.В. Данилова, Л.В. Рыкман, М.Д. Петраш, В.Р. Манукян, М.Ю. Леонтьева, Н.А. Александрова. СПб. : Нестор-История, 2015. 336 с.

12. Andre L., van Vianen A.E.M., Peetsma T.T.D. Adolescents' and parents' regulatory focus as determinants of future time perspective on school and professional career // *Learning and individual differences*. 2017. Vol. 59. P. 34–42. DOI: 10.1016/j.lindif.2017.08.010
13. Carr S.C. The psychology of global mobility. New York : Springer. 2010. P. 88–100. DOI: 10.1007/978-1-4419-6208-9.
14. Ensher E.A., Nielson T.R., Kading W. Causes of Career-Defining Moments: Development of a Typology // *Journal of Career Development*. 2017. Vol. 44, is. 2. P. 110–126. DOI: 10.1177/0894845316635820.
15. Kochoian N., Raemdonck I., Frenay M., Zacher H., The Role of Age and Occupational Future Time Perspective in Workers' Motivation to Learn // *Vocations and Learning*. 2017. Vol. 10. P. 27–45. DOI: 10.1007/s12186-016-9160-9.
16. McDonald P.K. How «flexible» are careers in the anticipated life course of young people? // *Human relations*. 2018. Vol. 71. P. 23–46. DOI: 10.1177/0018726717699053.
17. Docherty S.L., Kayle M., Maslow G.R., Santacroce S.J. The Adolescent and Young Adult with Cancer: a Developmental Life Course Perspective // *Seminars in Oncology Nursing*. 2015. Vol. 31 (3). P. 186–196. DOI: 10.1016/j.soncn.2015.05.006/ URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0749208115000480>
18. Асмолов А.Г. Историко-эволюционная парадигма конструирования разнообразия миров: деятельность как существование // *Вопросы психологии*. 2008. № 5. С. 3–11.
19. Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М. Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // *Вопросы психологии*. 2017. № 4. С. 3–26.
20. Кунин Е.В. Логика случая. О природе и происхождении биологической эволюции. М. : Центрполиграф, 2014. 524 с.
21. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2016. 138 с.
22. Федорова Е.П. Жизненные цели как показатели процесса жизненного осуществления на этапе профессионального становления // *Вестник Московского института государственного управления и права*. 2017. № 1 (17). С. 154–157.
23. Асташова Н.А., Малькина О.В. Ценности педагогической деятельности и карьерные ориентации современного учителя // *Известия Смоленского государственного университета*. 2015. № 2 (30). С. 315–326.

*Поступила в редакцию 25.06.2018 г.; повторно 22.09.2018. г.;
принята 17.10.2018 г.*

Сведения об авторах:

ПЕТРОВА Валерия Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры организационной психологии Томского государственного университета (Томск, Россия).

E-mail: valerpsy@yahoo.com

КОЗЛОВА Наталья Викторовна, доктор психологических наук, зав. кафедрой генетической и клинической психологии Томского государственного университета (Томск, Россия).

E-mail: akme_2003@mail.ru

PROFESSIONAL DEVELOPMENT IN CHANGING WORLD: STRATEGY OF LIFE IMPLEMENTATION

Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology, 2018, 70, 59–74

DOI: 10.17223/17267080/70/5

Valeria N. Petrova, Natalia V. Kozlova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: valerpsy@yahoo.com; rector@tsu.ru; akme_2003@mail.ru

Keywords: Professional development; life implementation; orientation to the future; vision for career; quality of life; the success criteria; potential for achievement; well-being.

The article is devoted to the specifics of professional development in contemporary socio-cultural conditions. The authors give a comparative description of classical and modern versions of professional development, such as traditional career path, self-development and life implementation.

The results of the empirical research of contemporary professional development are given. We used the following methods to collect the data: career anchors test by E. Schein; F. Zimbardo Time Perspective Inventory (ZTPI); Values Survey Module, G. Hofstede (VSM). Sample: 194 employees, aged from 25 to 29 years.

We made the type of professional development a dependent variable. The following characteristics were considered as predictors: adoption/avoidance of uncertainty; short-term/long-term orientation; traditional/secular rational values; importance of self-expression; distance in relation to the authorities (trust/distrust to authority); individualism/collectivism; autonomy; propensity to entrepreneurship and innovative activities; professional mobility / professional stability.

The results of the statistical analysis make it possible to state that there are two types of professional development. One is traditional career path and another is life and self-development implementation. Also significant differences between two types of professional development exist in parameters: Trust/Distrust of authority, Entrepreneurship, Integration of life styles, Stability of work and residence, Service, Professional Competence, traditional / secular rational values, Past-Negative, Future depending on the type of professional development.

The authors describe the content characteristics of each type of professional development. The traditional variant of professional development presupposes career advancement, orientation to stability in the organization and the level of wages, the value of past achievements, and adherence to social norms. Professional development as an implementation of the life and self-development is focused on standards of quality of life, job satisfaction and subjective well-being and involves professional mobility, orientation to the future and commitment to one's own life path.

References

1. Leontiev, D.A., Lebedeva, A.A. & Kostenko, V.Yu. (2017) Pathways of Personality Development: Following Lev Vygotsky's Guidelines. *Voprosy obrazovaniya – Educational Studies*. 2. pp. 98–112. (In Russian). DOI: 10.17323/1814-9545-2017-2-98-112
2. Seligman, M.E.P. (2002) *Authentic Happiness: Using the New Positive Psychology to Realize Your Potential for Lasting Fulfillment*. New York: Free Press.
3. Leontiev, D.A. (2012) Positive Psychology: An Agenda for the New Century. *Psikhologiya: zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 9(4). pp. 36–58. (In Russian).
4. Zeyer, E.F (2011) *Psikhologiya professional'nogo razvitiya: metodologiya, teoriya, praktika* [Psychology of professional development: methodology, theory, practice]. Ekaterinburg: RGPPU.
5. Pryazhnikov, N.S. (2017) *Proforientologiya* [Proforientology]. Moscow: Yurayt.
6. Klimov, E.A. (2010) *Psikhologiya professional'nogo samoopredeleniya* [Psychology of professional self-determination]. Moscow: Akademiya.

7. Antsyferova, L.I. (1981) *Psikhologiya formirovaniya i razvitiya lichnosti* [Psychology of personality formation and development]. Moscow: Nauka.
8. Mitina, L.M. (2017) *Lichnostnoe i professional'noe razvitie detey, molodezhi, vzroslykh: problemy i resheniya* [Personal and professional development of children, youth, adults: problems and solutions]. Moscow: Pero.
9. Pryazhnikov, N.S. (2017) Statuses of “Acme” in Career Self-Determination: an Invitation to Discuss. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Educational Acmeology. Developmental Psychology*. 6(3). pp. 214–220. (In Russian). DOI: 10.18500/2304-9790-2017-6-3-214-220
10. Kozlova, N.V. (2009) Lichnostno-professional'noe stanovlenie studentov kak forma proyavleniya samoorganizatsii cheloveka [Personal and professional formation of students as a form of manifestation of human self-organization]. *Psikhologiya obucheniya – Psychology of Education*. 4. pp. 28–40.
11. Golovey, L.A., Danilova, M.V., Rykman, L.V., Petrash, M.D., Manukyan, V.R., Leontieva, M.Yu. & Aleksandrova, N.A. (2015) *Professional'noe razvitie lichnosti: nachalo puti (empiricheskoye issledovanie)* [Professional development of a person: the beginning of the path (an empirical study)]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
12. Andre, L., van Vianen, A.E.M. & Peetsma, T.T.D. (2017) Adolescents' and parents' regulatory focus as determinants of future time perspective on school and professional career. Learning and individual differences. 59. pp. 34–42. DOI: 10.1016/j.lindif.2017.08.010
13. Carr, S.C. (2010) *The psychology of global mobility*. New York: Springer. pp. 88–100. DOI: 10.1007/978-1-4419-6208-9.
14. Ensher, E.A., Nielson, T.R. & Kading, W. (2017) Causes of Career-Defining Moments: Development of a Typology. *Journal of Career Development*. 44(2). pp. 110–126. DOI: 10.1177/0894845316635820
15. Kochoian, N., Raemdonck, I., Frenay, M. & Zacher, H. (2017) The Role of Age and Occupational Future Time Perspective in Workers' Motivation to Learn. *Vocations and Learning*. 10. pp. 27–45. DOI: 10.1007/s12186-016-9160-9
16. McDonald, P.K. (2018) How “flexible” are careers in the anticipated life course of young people? *Human Relations*. 71. pp. 23–46. DOI: 10.1177/0018726717699053
17. Docherty, S.L., Kayle, M., Maslow, G.R. & Santacroce, S.J. (2015) The Adolescent and Young Adult with Cancer: a Developmental Life Course Perspective. *Seminars in Oncology Nursing*. 31(3). pp. 186–196. DOI: 10.1016/j.soncn.2015.05.006/
18. Asmolov, A.G. (2008) Istoriko-evolyutsionnaya paradigma konstruirovaniya raznoobraziya mirov: deyatelnost' kak sushchestvovanie [Historical and evolutionary paradigm of constructing the diversity of worlds: activity as an existence]. *Voprosy psikhologii*. 5. pp. 3–11.
19. Asmolov, A.G., Shekhter, E.D. & Chernorizov, A.M. (2017) Predaptatsiya k neopredelennosti kak strategiya navigatsii razvivayushchikhsya sistem: marshruty evolyutsii [Predation of uncertainty as a strategy for navigating developing systems: routes of evolution]. *Voprosy psikhologii*. 4. pp. 3–26.
20. Kunin, E.V. (2014) *Logika sluchaya. O prirode i proiskhozhdenii biologicheskoy evolyutsii* [The logic of the case. On the nature and origin of biological evolution]. Moscow: Tsentrpoligraf.
21. Schwab, K. (2016) *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The Fourth Industrial Revolution]. Translated from German. Moscow: Eksmo.
22. Fedorova, E.P. (2017) Zhiznennyye tseli kak pokazateli protsessa zhiznennogo osushchestvleniya na etape professional'nogo stanovleniya [Life goals as indicators of the process of life implementation at the stage of professional development]. *Vestnik Moskovskogo instituta gosudarstvennogo upravleniya i prava – Bulletin of Academy of Law and Management*. 1(17). pp. 154–157.

23. Astashova, N.A. & Malkina, O.V. (2015) The Value of Pedagogical Work and Career Orientations of Contemporary Teacher. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2(30). pp. 315–326. (In Russian).

Received 25.06.2018;

Revised 22.09.2018;

Accepted 17.10.2018

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

УДК 159.97

DOI: 10.17223/17267080/70/6

О.А. Сагалакова¹, Д.В. Труевцев¹, И.Я. Стоянова^{2,3}

¹ *Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)*

² *Научно-исследовательский институт психического здоровья (Томск, Россия)*

³ *Томский государственный университет (Томск, Россия)*

Синдромно-факторный метод в историческом и современном контексте: возможности исследования социально-тревожного расстройства

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (17-29-02420).

Для настоящего времени постнеклассического уровня научного знания в клинической психологии характерны тенденции переосмысления ценности культурно-деятельностного подхода. Синдромно-факторный метод анализа в отечественной клинической психологии позволяет рассматривать психическую деятельность как открытую, самоорганизующуюся и саморазвивающуюся систему, исследовать системно-динамические составляющие психики. Исходя из логики синдромного анализа, становится возможным прогнозировать вероятностные траектории развития системы, создавать программы восстановления психики. Обобщение опыта применения синдромно-факторного метода в клинко-психологических исследованиях направлено на эмпирическую верификацию положений культурно-деятельностного подхода, раскрытие прогностической значимости метода. В современных условиях существует необходимость дальнейшего осмысления, концептуализации и систематизации специфических патопсихологических синдромов в клинической психологии. В контексте настоящего исследования данный метод применялся для исследования синдрома социальной тревоги и социального тревожного расстройства.

Ключевые слова: *постнеклассическая наука; культурно-деятельностный подход; синдромно-факторный метод; сложные системы; патопсихология; нейропсихология; психология телесности; психическая деятельность.*

Синдромно-факторный метод в рамках культурно-деятельностного подхода

В отечественной клинической психологии наблюдаются тенденции переосмысления базовой методологии культурно-деятельностного подхода в концептуализации и решении новых задач, диктуемых современной

наукой и практикой. В разделах клинической психологии, разработанных на основе данного подхода, получены значительные результаты применения данной методологии, однако до сих пор остаются противоречия в определении и квалификации синдромов, систематике психологических нарушений в рамках синдромного анализа и самих синдромов, определении ведущих нарушений в структуре психической деятельности. Обобщение данных, полученных с помощью метода синдромного анализа, позволит наглядно продемонстрировать масштаб решаемых с его помощью задач, определить пути его дальнейшего осмысления и развития.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы проанализировать методологическую и эмпирическую значимость данного подхода и разработанного на его основе синдромно-факторного метода в исследовании закономерностей синдроменеза нарушений психической деятельности и личности, обобщить опыт применения, проанализировать современные тенденции развития данного метода в отечественной клинической психологии, представить обобщение применения метода в исследовании социальной тревоги / социального тревожного расстройства (далее – СТ / СТР).

В настоящее время предпринимаются аналитические исследования, посвященные культурно-деятельностному подходу в целом (Асмолов, 2014; Зинченко, Первичко, 2016 [1]), а также основанному на данной методологии синдромному анализу в медицинской психологии (патопсихология, нейропсихология, психосоматика и психология телесности) (Соколова; Николаева, 2003 [2]; Николаева и др., 2014 [3]; Зинченко, Первичко, 2012, 2014 [4–6]; Микадзе, Скворцов, 2014 [7] и др.).

Культурно-деятельностный подход выступает эвристичной моделью научного знания и соответствует базовым принципам постнеклассического уровня науки, обеспечивающим единство методологии, метода, методики и приемов психологической коррекции в современной клинической психологии (Николаева и др., 2014 [3]; Зинченко, Первичко, 2012, 2014, 2016 [1, 5, 6]). Данный подход позволяет выявлять собственно психологические механизмы нарушений и закономерностей психических проявлений в неблагоприятных условиях болезни, возможности адаптации пациентов.

Постнеклассическая модель рациональности направляет вектор современной науки на исследование сложных исторически развивающихся открытых систем, требующих изучения в развитии. На основе теории сложных систем (синергетика), общей теории систем, зародившихся на естественно-научной почве, возникает перенос этих идей на социальные и психологические процессы (Анохин, 1978). Формулируются законы о самоорганизации систем, вводится понятие диссипативной системы (структуры) как неравновесной открытой системы, поддерживающей взаимобмен со средой, и др. Историчность системы комплексного объекта и динамика, вариативность его поведения предполагают особые способы описания и предсказания динамических состояний как линий развития системы в «точках бифуркации» (статус фазовых переходов от одного состояния к другому) (Зинченко, Первичко, 2014).

Становление метода синдромного анализа в психологии, клинической психологии берет свои истоки в работах Л.С. Выготского, представления о динамических функциональных системах – в трудах П.К. Анохина (1978), а основные положения и базовые принципы синдромного анализа развивали и продолжают развивать ведущие специалисты в области общей психологии, патопсихологии, нейропсихологии, психосоматики (Лурия, 2006; Зейгарник, 1976 [8], 1981 [9]; Рубинштейн, 1977; Леонтьев, 1991; Николаева, 2003 [2]; Соколова, 2011; Критская и др., 1991 [10]; Коченов, Николаева, 1978 [11]; Тхостов, 2002 [12]; Зинченко, Первичко, 2016 [1]; Братусь, Павленко, 1986 [13] и др.).

Возникновение и развитие этого подхода в начале XX в. связано с накопленными в науке противоречиями, связанными с разочарованием классического и неклассического представления о психике человека, которые нельзя было игнорировать. Попытка изучения феноменов, изолированных внешне наблюдаемых детерминант вне системного видения открытой сложноорганизованной, внутренне взаимосвязанной структуры приводили к накоплению, с одной стороны, массы разрозненных фактов без их адекватного осмысления, а с другой стороны, – к противоречивым и неверным выводам относительно психики и личности человека. В такой логике появлялись методологически ошибочные представления о галлюцинациях как «ложных восприятиях», об обратном пропорциональном количественном «уменьшении» интеллекта при деменциях по аналогии с обратным ходом развития, о разных механизмах функционирования психики в норме и патологии, о болезни как негативе развития, о противопоставлении «аффективного» и «когнитивного» мышления. Исходя из постнеклассической модели рационального научного знания, требуется особая форма применения экспериментального метода к изучению психических, психологических феноменов, связанная с необходимостью изучения психического действия в реальной практической ситуации (Зейгарник, 1981 [9]). Этот тип научного дискурса выстроен с пониманием исследуемых феноменов как самоорганизующихся, саморазвивающихся систем, имеющих динамику накопления противоречий, развития. Ведущими учеными-психологами в методологических и экспериментальных исследованиях доказано, что культурно-деятельностный подход Л.С. Выготского, А.Р. Лурии, А.Н. Леонтьева, а также теория функциональных систем П.К. Анохина отвечают критериям неклассического (Леонтьев, 2005) и постнеклассического типа научного дискурса (Зинченко, Первичко, 2012 [5]). Эти концепции могут быть эффективно применены в современных исследованиях психической деятельности человека в норме и патологии.

Синдромно-факторный метод исследования в клинической психологии

Ссылаясь на значительное развитие синдромного подхода в нейропсихологии, Ю.П. Зинченко, Е.И. Первичко отмечают, что понятия «син-

дром» и «фактор» являются «метапонятиями» современной клинической психологии, которые продолжают развиваться и осмысляются на новом уровне [6. С. 18]. Эти понятия выступают «продуктом научного анализа», предполагающего соблюдение алгоритма аналитических действий в отношении наблюдаемой клинической картины. Они требуют дальнейшего изучения в разных сферах клинической психологии.

Синдромообразующий фактор выступает многоуровневым образованием, необходима его качественная характеристика при разных формах нарушений психической деятельности [Там же. С. 15]. Психологический синдром определен как открытая саморазвивающаяся система [Там же. С. 17]. Методологически и эмпирически подтверждено, что синдром обладает свойствами саморазвития (возникновение первичных нарушений влечет нарушения производные все более высокого ранга, возникают явления развития синдрома в условиях компенсаторных стратегий, трансформации смысловой регуляции деятельности). Ю.П. Зинченко, Е.И. Первичко подчеркивают, что синдром как «исследовательское орудие» обладает «диалектическими свойствами» [Там же], он полипричинен, носит вероятностный характер.

Важнейшим следствием применения методологии постнеклассической модели научного знания является возможность диагностики не симптомов, а динамики формирования симптомокомплекса и основных закономерностей его развития в единстве с решением теоретических и практических задач клинической психологии. В рамках подхода соблюдается единство методологии, метода и методики. Так, А.Р. Лурия, опираясь на идеи Л.С. Выготского, П.К. Анохина, разработал нейропсихологическое учение о высших психических функциях (ВПФ) и их нарушениях при локальных поражениях головного мозга. Под ВПФ он понимал сложные функциональные системы, не имеющие узкой локализации в головном мозге, но организованные системно-динамически. Они охватывают системы совместно функционирующих зон, в результате можно наблюдать сложные клинические картины, формы компенсации и перестроек ВПФ при локальных поражениях головного мозга.

С опорой на синдромно-факторный анализ определены взаимодействующие блоки головного мозга и нейропсихологические синдромы нарушений ВПФ, разработаны принципы восстановительного обучения. Использование принципов системного анализа позволило преодолеть логику упрощенных детерминаций в анализе психики, вывести восстановление ВПФ на научно обоснованный уровень (Леонтьев, 1991).

Современные исследователи продолжают развивать синдромный анализ, разработанный в трудах А.Р. Лурии. В работах Ю.В. Микадзе, А.А. Скворцова показано, что выделение факторов и синдромов в классической теории проводилось «...на основе выделения общих признаков, а не общих механизмов ряда симптомов...», что требует дальнейшего исследования методологии и «...раскрытия более дробных факторов и синдромов» [7. С. 69].

Принципы диагностики психики как деятельности и в процессе деятельности активного субъекта нашли свою реализацию в нейро- и патопсихологии, психологии телесности и психосоматике. А.Ш. Тхостовым (2002) [12], В.В. Николаевой, Г.А. Ариной (2003) [2] культурно-деятельностный подход как современная парадигма в клинической психологии применен в синдромном анализе нарушений психической деятельности при психических расстройствах и изучении опыта телесности в норме и патологии (Зейгарник, 1981 [9]; Братусь, Павленко, 1986 [13]; Рубинштейн, 1977; Соколова, 2011; Коченов, Николаева, 1978 [11]; Николаева и др., 2014 [3]). Данный подход использован при анализе развития личности в норме и при ограниченных возможностях здоровья (Леонтьев, 2014) [14]. Анализ смысловых образований и развития личности в норме и патологии, аномалий онтогенетического развития психики в детском возрасте, феномена аутизма также осуществлялся на базе синдромно-факторного анализа (Братусь, Павленко, 1986 [13]; Зейгарник, 1981 [8, 9]; Зверева, Рощина, 2012 [15]; Лебединская, Никольская, 1991 [16]).

Применяя культурно-деятельностный подход, В.В. Николаева и Г.А. Арина исследуют опосредованное влияние хронической болезни на психику. По результатам исследований показано, что болезнь, несмотря на ее биологическую природу, ставит личность в особые «жизненные обстоятельства» – в новую социальную ситуацию развития [2]. Д.А. Леонтьев (2014), описывая компенсирующую роль личностных ресурсов человека, подчеркивает, что есть как негативные, так и позитивные аспекты изменения личности в условиях ограниченных возможностей здоровья [14]. Развитие личности и психической деятельности в целом в условиях болезни порождает ряд противоречий реальной деятельности субъекта, которые служат основой развития личности, обеспечивают возможность внутрисистемных перестроек.

Отечественные исследователи установили, что телесность имеет культурно-историческую основу, а психосоматические феномены обладают свойствами высших психических функций (социальность происхождения, опосредованность строения, произвольность контроля) (Тхостов, 2002 [12]; Николаева, Арина, 2003 [2]; Николаева и др., 2014 [3]).

Культурно-деятельностный подход успешно применялся в исследовании психосоматических феноменов в клинической психологии (Зинченко, Первичко, 2012, 2014 [5, 6]). Исследователями рассмотрены психосоматические синдромы при заболеваниях пролапс митрального клапана, стресс-индуцированная гипертония. В лонгитюдном эксперименте удалось обнаружить закономерно устойчивые (радикалы) и изменчивые компоненты синдрома (производные нарушения). Обнаружены факторы, образующие синдромогенез, определен прогноз нарушений у пациентов на основе внутрисистемного и межсистемного анализа динамики синдрома. При этом структура и динамика синдрома определяются действием нескольких факторов разного уровня психики – психологического, психофизиологического.

В анализе системных нарушений психики при шизофрении, осуществленном В.П. Критской, Т.К. Мелешко, Ю.Ф. Поляковым (1991), применена синдромно-факторная парадигма [10]. Целью синдромного анализа явились «раскрытие и квалификация психологического синдрома как структурированного системного образования, позволяющего вскрыть внутренние взаимосвязи между основными психопатологическими характеристиками ...» [Там же. С. 4]. Подчеркивая структурированность синдрома, отмечается важность изучения системных перестроек – обратимых и необратимых изменений личности, адаптационно-компенсаторных возможностей психики, закономерностей строения и протекания психической деятельности и свойств личности при психической патологии.

При исследовании шизофрении выявлена ключевая роль нарушений в иерархии и строении мотивов личности, перестроек мотивационной основы личности, снижающих продуктивность деятельности. В качестве главных нарушений выступают снижение социальной направленности личности, сложности принятия мотивов совместной деятельности, сбой в усвоении и использовании шаблонов социального опыта, а также нарушение социальной саморегуляции и особый когнитивный стиль (снижение избирательности) [Там же]. Основой нарушения выступают ослабление потребности в общении, меньшая подверженность социальному подкреплению, снижение роли социальных оценок и др. [Там же]. Нарушения избирательности в практических задачах оказались стабильным свойством (ослаблена опора на прошлый опыт, расширен круг анализируемых свойств) [11]. Отмечаемый «внешний» симптом снижения психической активности выступает вторичным изменением, связанным с нарушением в мотивационно-потребностной сфере. Ведущее нарушение – дефект в мотивационной сфере. Характерно нарушение формирования ведущего мотива деятельности (актуализация разнонаправленных побуждений). Пациентам свойственна мотивационная разноплановость как первичный дефект. Постепенное обеднение личности производно, связано с нарушениями иерархии и функций мотивов. Наблюдается отсутствие условий продуктивной деятельности – «осознания образа-модели будущего результата в качестве цели деятельности» [Там же. С. 54].

А.Б. Холмогоровой продемонстрированы закономерные нарушения рефлексированной регуляции познавательной деятельности при шизофрении, обнаружена устойчивая особенность притязаний при выборе уровня сложности задачи – патологическая ригидность, характерная в особенности для ситуаций успеха (снижение вероятности смены притязаний). Исследования не утратили своей актуальности, продолжаясь в изучении феномена дефицита когнитивных способностей и социальных навыков, социального познания при шизофрении (Рычкова, Холмогорова, 2014 [17]). При анализе проблемы нарушения социального познания авторы опираются на компонентный анализ психической деятельности. Комплексная модель нарушений социального познания включает операциональный, мотивационный, регуляторный и поведенческий компоненты. Эксперимен-

тально доказана «...роль мотивационного компонента в форме социальной ангедонии в нарушениях социального познания при шизофрении» [17. С. 30].

Согласно логике культурно-деятельностного подхода, рассматривающего психику как динамическую систему, синдромно-факторный метод анализа позволяет четко определять ведущие и вторичные / третичные нарушения, условия актуализации ведущего (стабильного) фактора. Благодаря уникальной экспериментальной процедуре (демонстрация звуков с разной степенью четкости узнавания), разработанной С.Я. Рубинштейн (1977), удалось исследовать механизм галлюцинаций. Восприятие в видоизмененных условиях теряет подконтрольность, но это не «ложные восприятия». Образ без наличия внешнего объекта возникнуть не может, представлений «вне рефлекторного акта» не существует. С.Я. Рубинштейн указывает, что связь между галлюцинацией и объектом нельзя выявить, но это не значит, что ее нет, поскольку раздражители запускают реагирование через целую систему ассоциаций [8]. Выход за пределы каузальной логики «видимых» симптомов позволил показать, что неверно считать галлюцинации «ложными восприятиями». К нарушенной психике должны применяться те же законы развития системы, что и в норме [Там же]. Методические приемы требуют своего развития при исследовании разных феноменов нарушений психики на современном этапе развития пато- и нейропсихологии.

При «видимых» нарушениях зрительного восприятия в процессе предъявления сюжетных картин пациентам с деменцией можно остановиться на анализе этого сегмента как изолированного феномена, придя к неверным выводам. Применяя принцип системного культурно-деятельностного подхода, можно рассмотреть динамику нарушения восприятия и заключить, что за неустойчивыми и «бросающимися в глаза» нарушениями стоит первичное снижение осмысленности восприятия. Б.В. Зейгарник пишет, что при «деменции по органическому типу» восприятие пациентов носило недифференцированный характер. Пациенты улавливали часть рисунка, остальное не узнавали: «Восприятие, освобожденное от организующей роли мышления, становится диффузным, легко возникает структурный распад, несущественные элементы рисунка становятся центром внимания...» [Там же. С. 38].

К.С. Лебединская, О.С. Никольская (1991) применили синдромно-факторный анализ к определению первичных, вторичных и третичных компонент нарушения психики при раннем детском аутизме (РДА). Оценивая динамику нарушений при РДА, определено, что первичными нарушениями выступают «специфическая недостаточность общего... психического тонуса» (низкая психическая активность с пресыщаемостью, фрагментарность восприятия, затруднения охвата целого, фиксации внимания, нарушения произвольности и целенаправленности) и «общая сенсорная и эмоциональная гиперестезия» (страдает эмоциональный контакт, характерны диффузные страхи) [16. С. 18]. Вторичные нарушения в виде изоляции, сензитивности и страхов – это производный результат патологической слабости психического тонуса и хронического аффективного дискомфорта [Там же. С. 17].

Производные нарушения носят характер «приспособления» личности в неблагоприятных биологических и социальных условиях при РДА.

При применении экспериментально-патопсихологического метода к исследованию других клинических групп (неврозы, расстройства личности (психопатии), зависимые расстройства, расстройства пищевого поведения) Б.В. Зейгарник (1976) [8], Б.С. Братусем, В.Н. Павленко (1986) [13] получены важные результаты, связанные с обнаружением закономерных синдромообразующих признаков, специфичных для нозологической принадлежности. Так, «...ядерными... у больных психопатией являются нарушения целеобразования... тогда как у больных неврозом на первый план выступают нарушения в структуре их самооценки» [13. С. 154].

Синдромно-факторный метод в исследовании социального тревожного расстройства и социальной тревоги

Обобщение достижений и принципов синдромного подхода в медицинской психологии позволило разработать и экспериментально подтвердить патопсихологическую модель социальной тревоги и социального тревожного расстройства. Ведущие нарушения при этой нозологии проявляются в искажении произвольной регуляции психической деятельности в условиях «воспринимаемой угрозы». Это связано с нарушением в организационно-целевой структуре деятельности в ситуациях оценивания (утрата целевого приоритета / многозадачность, мониторинг «ошибки», негативно-го оценивания другими), а также с вторичными мотивационными изменениями личности и дальнейшими нарушениями избирательности внимания в условиях оценивания [18, 19, 20].

Согласно логике развития синдрома способами справиться с нарастающей социальной дезадаптацией, напряжением в системе мотивов деятельности и дисрегуляции тревоги при оценивании становятся все более деструктивные формы декомпенсации. Наряду с дистанцированием усиливаются злоупотребление психоактивными веществами, антивитальные переживания, чувство безнадежности, суицидальное или конформное поведение с отказом от своих потребностей, изоляция от общества, выученная беспомощность. Так, показано, что в подростковом и юношеском возрасте социальная тревога взаимосвязана с риском антивитального поведения (в том числе суицидального, самоповреждающего). Взаимосвязь объясняется через механизм «петли обратной связи» в структуре циклического накопления («аккумуляции») динамического напряжения на фоне нарушения произвольной регуляции в условиях социально опосредованного воспринимаемого стресса (отвержение, критика, осмеяние) [18].

СТ и ее клинический вариант – СТР – осмыслены через механизмы нарушения целевой регуляции и опосредствования тревоги оценивания (мнимого или реального), дезорганизующих деятельность в условиях самопрезентации. Мониторинг потенциальных угроз порождает «квазицелевые» приоритеты. Это сопровождается многозадачностью при распределе-

нии ресурсов психики и их быстрым истощением, потерей целевого приоритета. При нарушении регуляции выраженной тревоги в условиях оценивания деятельности содержательно-целевая и второстепенная информация слабо иерархизирована. Субъект действует в «многоцелевом» модусе, что приводит к нарушению целенаправленной активности и фиксации на неуспехе. Нарушения в регуляции и организации деятельности как первичный дефект вызывают вторичные изменения в мотивационном компоненте («сдвиг мотива на цель», «сдвиг цели на средства») [18].

Полученные результаты свидетельствуют о единой системе формирования и поддержания синдрома. Преобладание мотива избегания неудачи в поведении при СТ / СТР сопровождается напряженным, но фрустрированным мотивом достижения успеха. Такие субъекты выстраивают поведение в ситуациях оценивания в дисгармоничной системе мотивационных координат, что аккумулирует мотивационное и эмоционально-когнитивное напряжение и не дает регуляционной системе деятельности необходимых свойств гибкости и переключаемости.

Результаты деятельности с высокой вероятностью осмысляются как неуспех, который циклически воспроизводится в пост-ситуативных размышлениях, несмотря на объективное завершение ситуации. Это не позволяет прервать связанную с задачей временную регуляционную систему, переключиться на другой тип активности. Рост напряжения провоцирует стремление к его снятию, однако при несформированности конструктивных стратегий регуляции деятельности и совладания повышается вероятность использования доступных, но часто саморазрушительных стратегий (это особенно характерно для молодого возраста) [20].

Нарушение в мотивационном компоненте психической деятельности при СТ вторично, как и закрепление в опыте дисфункциональных паттернов регуляции деятельности, совладания с тревогой, что свидетельствует уже о более выраженных симптомах (переходе СТ в СТР), часто осложненных вторичными нарушениями психики и поведения.

Действительно, важной особенностью при СТ / СТР выступает мотивационное рассогласование между страхом оценочных ситуаций с тенденцией к их избеганию и желанием участвовать при уверенности в успехе (противоречие между бдительностью к стимулам, которые угрожают престижу, – обнаружение «ошибки», и тенденцией к их избеганию). При СТР механизм «сдвига мотива на цель» заключается в том, что изначально адекватный мотив деятельности в социальных ситуациях становится целью, отодвигая ее смысловую основу на второй план. С течением расстройства уже не стремление к достижению успеха побуждает и придает смысл, а желание не испытывать тревогу и избегать оценивания. Социально значимые мотив и цель оказываются смещенными в отношении отдельных аспектов социального поведения. Проведенные исследования показали значимые взаимосвязи СТ и амплитуды уровня притязаний в моделируемых условиях чередования успеха / неуспеха при выполнении задания на решение «познавательных задач» [19]. Отмечается высокое «целевое от-

клонение» в ситуации неуспеха, связанное с резким понижением уровня притязаний, при этом реакция на успех – неоднозначная и связана не только с выраженностью СТ, но и с иными когнитивно-эмоциональными особенностями личности испытуемого.

Таким образом, взаимосвязь между целью и смыслом деятельности (мотивационная структура) при СТ / СТР претерпевает изменения. В структуре социального поведения наблюдаются сдвиги в системе целей и мотивов деятельности (технически-исполнительские компоненты социального поведения выступают как фокус внимания наряду с целевыми и нарушают целенаправленный характер деятельности, а ситуативная цель замещает первоначальный смысл). Например, часто значимый смысл приобретает мотив «не демонстрировать в поведении признаки волнения», поскольку в отношении тревоги формируется устойчивое метакогнитивное убеждение о тревоге как неприемлемой (признак некомпетентности, безумия), проявления которой вызывают у окружающих критическое отношение. Как итог длительного психического напряжения, дисрегуляции деятельности и снижения опосредствования тревоги в условиях оценивания наряду с мотивом достижения вторично формируется и постепенно закрепляется в опыте как стратегия совладания (с последствиями декомпенсации социальной активности) мотив избегания неудачи, постепенно становящийся либо основным, либо конфликтующим с социальным мотивом одобрения (дисгармоничная система мотивов). Избегание как ситуативный способ снизить тревогу быстро закрепляется в опыте, но не приносит облегчения в отдаленной перспективе (выступает отрицательной обратной связью – маркером несоответствия, неуспеха). Наблюдается патологический круг тревоги, когда в системе смыслов деятельности – напряженная борьба мотивов, а выбранные способы совладать с тревогой оказываются отрицательной обратной связью, укрепляющей тревожное реагирование, дисфункциональные убеждения о своих возможностях и соответствующие стратегии поведения.

При определении *нейропсихологического профиля* СТ / СТР анализу подвергаются особенности межполушарной асимметрии при разных типах социальной тревоги. Так, определена типология социальной тревоги, связанная с функциональной асимметрией головного мозга (особенности характерны как для субклинически выраженной СТ, так и для СТР). Показано, что при выраженном правополушарном индивидуальном профиле латерализации молодым испытуемым (в возрасте от 18 до 25 лет) с симптомами выраженной СТ / СТР значимо более характерен наглядно-образный характер восприятия самопредъявления на публике, а метакогнитивная стратегия самофокусировки внимания связана больше с самоанализом внешних (в том числе морфофизиологических) проявлений на публике (воспринимаемый «образ себя глазами других»), при этом страх осмеяния (гелотофобия) у них оказывается более выражен, чем при левополушарном профиле латерализации. Испытуемым с левосторонним индивидуальным профилем латерализации при выраженной СТ / СТР более характерны вы-

раженный мониторинг угрозы негативного оценивания другими, пост-ситуативные и до-ситуативные руминации (длительное обдумывание деталей самопредъявления на публике с анализом ошибок и попытками мысленной коррекции, продумыванием последствий исхода ситуаций, планированием дальнейших действий). При исследовании рисков поведения в условиях нарушения адаптации в связи с социальной тревогой и блокировкой социальной активности (фрустрация значимых социальных мотивов) при правополушарном профиле более характерно импульсивное антивита-льное поведение (самоповреждения, модификация тела), при левостороннем – постепенное накопление напряжения и последующий срыв деятельности (суицидальное и парасуицидальное поведение). Общей для обоих типов СТ / СТР (эти особенности обнаружены как при выраженной СТ, так и при симптомах СТР) является фокусировка на ошибке в широком смысле как несоответствии зачастую завышенным стандартам самопредъявления [18, 20].

При рассмотрении СТ / СТР в современных нейрокогнитивных исследованиях изучаются особенности мониторинга «несоответствия», фокусировки на ошибке (с помощью анализа электрической активности головного мозга исследуется феномен ERN ((error-related negativity) – связанная с ошибкой отрицательность или потенциал, связанный с обработкой ошибки) при СТ и социальном тревожном расстройстве – нейронный маркер тревоги). Современные исследования показывают, что ERN – устойчивый нейropsychологический коррелят СТ и СТР [21–24], возможно, представляющий эндофенотипическую особенность СТР, стабильную к терапии симптомов (как психологической, так и фармакологической), выступающую центральным синдромообразующим нейropsychологическим механизмом СТР. ERN – это резкий отрицательный пик волновой активности в лобно-центральной области головного мозга, который представляет результат ошибки в работе. Его активность направлена на коррекцию поведения для повышения эффективности деятельности. Ученые предлагают рассматривать ERN как маркер повышенной чувствительности к внутренним источникам угрозы (страх совершить ошибку) и интерпретации ошибок как катастрофических [21]. ERN локализуется в дорзальной лобно-центральной части головного мозга или задней поясной извилине коры. Данные фМРТ испытуемых от 8 до 27 лет продемонстрировали, что активность ERN в дорзальной лобно-центральной части увеличивалась с возрастом. ERN сенситивен к мотивационной значимости ошибки, поэтому его уровень можно модулировать с помощью варьирования последствий ошибки (ошибка приводила к наказанию, оцениванию, серьезным последствиям). ERN выступает показателем чувствительности к негативным последствиям результатов собственного поведения; есть свидетельство повышенного ERN у взрослых с СТР или повышенными симптомами социальной тревоги [21, 22]. Более высокий показатель ERN свидетельствует о повышенном контроле своего поведения и большей сенситивности к совершаемым ошибкам, в том числе предполагаемым «ошибкам» несоответ-

ствия в широком смысле [18, 23]. Самофокусировка внимания рассматривается как поведенческий маркер склонности к фиксации на возможном совершении ошибки и особый тип искажения внимания [24].

Обсуждение результатов и выводы

Таким образом, синдромно-факторный метод исследования, разработанный в рамках культурно-деятельностного подхода, является эффективным для исследований в сфере медицинской психологии. Он позволяет выходить за пределы «линейной» логики «очевидных» симптомов, переходя к логике системно-динамического анализа психической деятельности активного субъекта. Метод позволяет вскрывать динамику синдромагенеза, выявлять механизмы системных перестроек психики. Данный метод использован в серии фундаментальных исследований патопсихологических нарушений при расстройствах психической деятельности у пациентов с разными формами нарушений психического здоровья. Для каждого нарушения выявлены психологические синдромообразующие факторы, отражающие специфику нозологической принадлежности.

Наряду с методологической общностью представленных исследований, с опорой на идентичные методологические положения обнаруживаются противоречия в определении центральных нарушений психики. Вопрос о единой систематике патопсихологических синдромов неоднократно поднимался ведущими клиническими психологами (Николаева, 2003; Николаева, Арина, 2013), однако он до сих пор остается открытым. Б.В. Зейгарник (1976), а также ее ученики обозначили базовые компоненты структуры и динамики синдрома в патопсихологии.

В рамках данного подхода авторами проанализированы феномены социальной тревоги, социального тревожного расстройства, антивитального и суицидального поведения личности. Показаны ведущие механизмы нарушений при данных расстройствах, первичные и вторичные симптомы нарушений психической деятельности.

Применение синдромно-факторного метода к исследованию СТ / СТР позволило выявить ведущие первичные и производные нарушения расстройства, в том числе психологические признаки перехода тревоги в СТР, а также проанализировать нейropsychологический профиль социальной тревоги. Пристрастность внимания в отношении к потенциальной «угрозе» в виде возможности совершить ошибку, самой ошибки является ключевой особенностью при СТР, обуславливающей вторично руминационный цикл специфической пост-ситуативной обработки информации (избыточная фокусировка на ошибке / несоответствии). Основные нейropsychологические маркеры СТР остаются неизменными даже после ремиссии симптомов (фокусировка на ошибке, руминации), что также указывает на первичность данного нарушения в структуре синдрома СТ / СТР, следовательно, их выявление полезно для целенаправленной медико-психологической помощи.

Применение осмысленного в современной реальности синдромно-факторного метода анализа психической деятельности как самоорганизующейся, саморазвивающейся, открытой системы является перспективным направлением в изучении психопатологических явлений.

Литература

1. Зинченко Ю.П., Первичко Е.И. Клинико-психологическое исследование регуляции эмоций: культурно-деятельностный подход // Вопросы психологии. 2016. № 3. С. 41–57.
2. Николаева В.В., Арина Г.А. Клинико-психологические проблемы психологии телесности // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 1. С. 119–126.
3. Николаева В.В., Арина Г.А., Печникова Л.С. Культурно-деятельностная парадигма в клинической психологии // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика : электронный научный журнал. 2014. № 4 (6). URL: <http://medpsy.ru/climp> (дата обращения: 15.10.2015).
4. Зинченко Ю.П., Первичко Е.И. Методология синдромного анализа Л.С. Выготского – А.Р. Лурии и постнеклассическая рациональность // Наследие А.Р. Лурии в современном научном и культурно-историческом контексте : к 110-летию со дня рождения А.Р. Лурии / сост. Н.К. Корсакова, Ю.В. Микадзе. М. : Фак-т психол. Моск. гос. ун-та, 2012. С. 37–69.
5. Зинченко Ю.П., Первичко Е.И. Постнеклассическая методология в клинической психологии: научная школа Л.С. Выготского – А.Р. Лурии // Национальный психологический журнал. 2012. № 2 (8). С. 32–45.
6. Зинченко Ю.П., Первичко Е.И. Эвристическая ценность постнеклассических моделей в психосоматике (на примере синдромного подхода Л.С. Выготского – А.Р. Лурии) // Вопросы психологии. 2014. № 1. С. 14–27.
7. Микадзе Ю.В., Скворцов А.А. Содержание понятий «нейропсихологический фактор» и «синдром» в контексте метода синдромного анализа А.Р. Лурии // Вопросы психологии. 2014. № 4. С. 60–71.
8. Зейгарник Б.В. Патопсихология. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1976. 240 с.
9. Зейгарник Б.В. Перспективы патопсихологических исследований в свете учения Л.С. Выготского // Научное творчество Л.С. Выготского и современная психология. М., 1981. С. 63–64.
10. Критская В.П., Т.К. Мелешко, Поляков Ю.Ф. Патология психической деятельности при шизофрении: мотивация, общение, познание. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1991. 256 с.
11. Коченов М.М., Николаева В.В. Мотивация при шизофрении. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1978. 88 с.
12. Тхостов А.Ш. Психология телесности. М. : Смысл, 2002. 287 с.
13. Братусь Б.С., Павленко В.Н. Соотношение структуры самооценки и целевой регуляции деятельности в норме и при аномальном развитии // Вопросы психологии. 1986. № 4. С. 146–155.
14. Леонтьев Д.А. Развитие личности в норме и в затрудненных условиях // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10, № 3. С. 97–106.
15. Зверева Н.В., Рощина И.Ф. Развитие идей А.Р. Лурии в концепции психологии ди-зонтотгенеза // Культурно-историческая психология. 2012. № 2. С. 45–51.
16. Лебединская К.С., Никольская О.С. Диагностика раннего детского аутизма. М. : Просвещение, 1991. 53 с.
17. Рычкова О.В., Холмогорова А.Б. Основные теоретические подходы к исследованию нарушений социального познания при шизофрении: современный статус и перспек-

- тивы развития // Консультативная психология и психотерапия. 2014. Т. 22, № 4. С. 30–43.
18. Сагалакова О.А., Труевцев Д.В. Патопсихология социальной тревоги и социального тревожного расстройства. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 140 с.
19. Сагалакова О.А., Труевцев Д.В., Стоянова И.Я. Синдром социальной фобии и его психологическое содержание // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2017. № 117 (4). С. 15–22. DOI: 10.17116/jnevro20171174115-22.
20. Сагалакова О.А., Подолкина Е.А., Труевцев Д.В. Самофокусировка внимания и постситуативные руминации при социальном тревожном расстройстве // Вестник психологии и педагогики Алтайского государственного университета. 2018. № 2. С. 65–75. URL: <http://journal.asu.ru/index.php/vfp/article/view/4229>
21. Harrewijn A., Schmidt L.A., Westenberg P.M., Tang A., van der Molen M.J.W. Electro-cortical measures of information processing biases in social anxiety disorder : a review // Biological Psychology. 2017. Vol. 129. P. 324–348. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.biopsycho.2017.09.013>
22. Kujawa A., Weinberg A., Bunford N., Fitzgerald K.D., Hanna G.L., Monk C.S., Kennedy A.E., Klumpp H., Hajcak G., Phan K.L. Error-related brain activity in youth and young adults before and after treatment for generalized or social anxiety disorder // Progress in Neuro-Psychopharmacology & Biological Psychiatry. 2016. Vol. 71. P. 162–168. DOI: 10.1016/j.pnpbp.2016.07.010.
23. Judah M.R., Grant DeM.M., Frosio K.E., White E.J., Taylor D.L., Mills A.C. Electro-cortical Evidence of Enhanced Performance Monitoring in Social Anxiety // Behavior Therapy. 2016. Vol. 47. P. 274–285. DOI: 10.1016/j.beth.2015.12.002.
24. Vriends N., Meral Y., Bargas-Avila J.A., Stadler C., Bogels S.M. How do I look? Self-focused attention during a video chat of women with social anxiety (disorder) // Behaviour Research and Therapy. 2017. Vol. 92. P. 77–86. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.brat.2017.02.008>

*Поступила в редакцию 27.08.2018 г.; повторно 15.10.2018 г.;
принята 14.11.2018 г.*

Сведения об авторах:

САГАЛАКОВА Ольга Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической психологии Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: olgasagalakova@mail.ru

ТРУЕВЦЕВ Дмитрий Владимирович, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой клинической психологии Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: truevtsev@gmail.com

СТОЯНОВА Ирина Яковлевна, доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института психического здоровья ТНИМЦ; профессор кафедры психотерапии и психологического консультирования Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ithka1948@mail.ru

SYNDROME-FACTOR METHOD IN HISTORICAL AND MODERN CONTEXT: POSSIBILITIES OF STUDYING SOCIAL ANXIETY DISORDER

Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology, 2018, 70, 75–91
DOI: 10.17223/17267080/70/6

Olga A. Sagalakova, Dmitry V. Truevtsev, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: olgasagalakova@mail.ru; truevtsev@gmail.com

Irina Ya. Stoyanova, Mental Health Research Institute of Tomsk National Research Medical Center (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ithka1948@mail.ru

Keywords: post-nonclassical science; cultural-activity approach; syndrome factor method; complex systems; pathopsychology; neuropsychology; psychology of corporeality; mental activity.

The aims of this article are: to analyze the methodological and empirical significance of this approach and the syndrome-factor method developed on its basis in the study of the patterns of syndromogenesis of disorders of mental activity and personality; to summarize the experience of using the method; to analyze the current trends in the development of this method in Russian clinical psychology; to provide a summary of the application of the method in the study of social anxiety / social anxiety disorder (hereinafter SA / SAD).

The formation of this approach at the beginning of the 20th century is associated with the contradictions which are accumulated in science related to the disappointment of the classical and nonclassical idea about the human psyche, which could not be ignored. Currently the post-non-classical level of the scientific knowledge in clinical psychology is characterized by trends in reviewing the value of the cultural-activity approach. The syndrome factor method of the analysis in Russian clinical psychology allows us to consider the mental activity as an open, self-organizing and self-developing system, and to investigate system-dynamic components of the psyche. Based on the logic of syndrome analysis, it becomes possible to predict probabilistic trajectories of the development of the system, to create programs for the mental recovery. The most important consequence of applying the methodology of the post-non-classical model of scientific knowledge is the possibility of diagnosing not the symptoms, but the dynamics of the formation of the symptom complex and the basic laws of its development in unity with the solution of the theoretical and practical tasks of clinical psychology. According to the logic of the cultural-activity approach, which treats the psyche as a dynamic system, the syndrome-factor analysis method allows to define the leading and secondary / tertiary disorders, the conditions for occurring the leading (stable) factor.

The generalization of the achievements and principles of the syndrome approach in medical psychology has made it possible to develop and experimentally confirm the pathopsychological model of social anxiety (SA) and social anxiety disorder (SAD). The leading disorders in this nosology are manifested in the distortion of the arbitrary regulation of mental activity in the context of 'the perceived threat'. It is connected with the disorders in the organizational and target structure of the activity in the situations of evaluations (loss of target priority / multitasking, monitoring 'mistakes', negative evaluations by others); it also includes secondary motivational changes of the personality and distortions of attention. In the study of SAD in modern neurocognitive studies the peculiarities of monitoring 'inconsistencies' are studied, focusing on error (by analyzing the electrical activity of the brain ERN phenomenon (error-related negativity) is studied -- the negativity associated with an error or the potential associated with the processing of an error). In case of SAD a neural marker of anxiety is studied. Modern studies show that ERN is a stable neuropsychological correlate of SAD, and possibly representing endophenotypical features of SAD, resistant to therapy of symptoms, and acting as the central syndrome forming neuropsychological mechanism of SAD. ERN is a sharp negative peak of the wave activity in the frontal and central parts of the brain, and represents the result of an error in the activity. Its activity is aimed at the correction of behavior to improve the efficiency of activities. ERN acts as an indicator of sensitivity to the negative effects of the results of one's own behavior. A higher rate of ERN indicates the increased control over one's own behavior and greater sensitivity to the errors committed.

References

1. Zinchenko, Yu.P. & Pervichko, E.I. (2016) Kliniko-psikhologicheskoe issledovanie regulyatsii emotsiy: kul'turno-deyatelnostnyy podkhod [Clinical and psychological study of the regulation of emotions: the cultural activity approach]. *Voprosy psikhologii*. 3. pp. 41–57.

2. Nikolaeva, V.V. & Arina, G.A. (2003) Kliniko-psikhologicheskiye problemy psikhologii telesnosti [Clinical and psychological problems of the psychology of physicality]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 24(1). pp. 119–126.
3. Nikolaeva, V.V., Arina, G.A. & Pechnikova, L.S. (2014) Kul'turno-deyatelnostnaya paradigma v klinicheskoy psikhologii [Cultural activity paradigm in clinical psychology]. *Klinicheskaya i meditsinskaya psikhologiya: issledovaniya, obuchenie, praktika*. 4(6). [Online] Available from: <http://medpsy.ru/climp>. (Accessed: 15th October 2015).
4. Zinchenko, Yu.P. & Pervichko, E.I. (2012) Metodologiya sindromnogo analiza L.S. Vygotskogo – A.R. Lurii i postneklassicheskaya ratsional'nost' [Methodology of syndromic analysis by L.S. Vygotsky – A.P. Luria and post-non-classical rationality]. In: Korsakova, N.K. & Mikadze, Yu.V. (eds) *Nasledie A.R. Lurii v sovremennom nauchnom i kul'turno-istoricheskom kontekste* [A.R. Luria's Heritage in a modern scientific and cultural-historical context]. Moscow: Moscow State University. pp. 37–69.
5. Zinchenko, Yu.P. & Pervichko, E.I. (2012) Postnonclassical methodology in clinical psychology: Vygotsky–Luria school. *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal – National Psychological Journal*. 2(8). pp. 32–45. (In Russian).
6. Zinchenko, Yu.P. & Pervichko, E.I. (2014) Evristicheskaya tsennost' postneklassicheskikh modeley v psikhosomatike (na primere sindromnogo podkhoda L.S. Vygotskogo – A.R. Lurii) [The heuristic value of post-non-classical models in psychosomatics (a case study of the L.S. Vygotsky – A.R. Luria syndrome approach)]. *Voprosy psikhologii*. 1. pp. 14–27.
7. Mikadze, Yu.V. & Skvortsov, A.A. (2014) Soderzhanie ponyatiy “neyropsikhologicheskii faktor” i “sindrom” v kontekste metoda sindromnogo analiza A.R. Lurii [The content of the concepts of “neuropsychological factor” and “syndrome” in the context of the method of syndromic analysis A.R. Luria]. *Voprosy psikhologii*. 4. pp. 60–71.
8. Zeygarnik, B.V. (1976) *Patopsikhologiya* [Pathopsychology]. Moscow: Moscow State University.
9. Zeygarnik, B.V. (1981) Perspektivy patopsikhologicheskikh issledovaniy v svete ucheniya L.S. Vygotskogo [Prospects for pathopsychological research in the light of L.S. Vygotsky's teachings]. In: Davydov, V.V. et al. (ed.) *Nauchnoye tvorchestvo L.S. Vygotskogo i sovremennaya psikhologiya* [Scientific Works by L.S. Vygotsky and Modern Psychology]. Moscow: [s.n.]. pp. 63–64.
10. Kritskaya, V.P., Meleshko, T.K. & Polyakov, Yu.F. (1991) *Patologiya psikhicheskoy deyatel'nosti pri shizofrenii: motivatsiya, obshchenie, poznanie* [Pathology of mental activity in schizophrenia: motivation, communication, cognition]. Moscow: Moscow State University.
11. Kochenov, M.M. & Nikolaeva, V.V. (1978) *Motivatsiya pri shizofrenii* [Motivation in schizophrenia]. Moscow: Moscow State University.
12. Tkhostov, A.Sh. (2002) *Psikhologiya telesnosti* [Psychology of Physicality]. Moscow: Smysl.
13. Bratus, B.S. & Pavlenko, V.N. (1986) Sootnoshenie struktury samootsenki i tselevoy regul'yatsii deyatel'nosti v norme i pri anomal'nom razvitiy [The ratio of the structure of self-esteem and the target regulation of activity in normal and abnormal development]. *Voprosy psikhologii*. 4. pp. 146–155.
14. Leontiev, D.A. (2014) Razvitie lichnosti v norme i v zatrudnennykh usloviyakh [Personality development in normal and difficult conditions]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – Cultural-Historical Psychology*. 10(3). pp. 97–106.
15. Zvereva, N.V. & Roschina, I.F. (2012) Razvitie idey A.R. Lurii v kontseptsii psikhologii dizontogeneza [The development of A.R. Luria's ideas in the concept of psychology of dipontogenesis]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – Cultural-Historical Psychology*. 2. pp. 45–51.

16. Lebedinskaya, K.S. & Nikolskaya, O.S. (1991) *Diagnostika rannego detskogo autizma* [Diagnosis of early childhood autism]. Moscow: Prosveshchenie.
17. Rychkova, O.V. & Kholmogorova, A.B. (2014) The main theoretical approaches to the study of disorders of social cognition in schizophrenia: current status and prospects of development. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya – Counseling Psychology and Psychotherapy*. 22(4). pp. 30–43. (In Russian).
18. Sagalakova, O.A. & Truevtsev, D.V. (2016) *Patopsikhologiya sotsial'noy trevogi i sotsial'nogo trevozhnogo rasstroystva* [Pathopsychology of social anxiety and social anxiety disorder]. Tomsk: Tomsk State University.
19. Sagalakova, O.A., Truevtsev, D.V. & Stoyanova, I.Ya. (2017) A psychological content of social phobia syndrome. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova – S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*. 117 (4). pp. 15–22. (In Russian). DOI: 10.17116/jnevro20171174115-22
20. Sagalakova, O.A., Podolkina, E.A. & Truevtsev, D.V. (2018) Samofokusirovka vnimaniya i postsituativnye ruminatsii pri sotsial'nom trevozhnom rasstroystve [Self-focusing attention and post-situational ruminations in case of social anxiety disorder]. *Vestnik psikhologii i pedagogiki Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2. pp. 65–75. [Online] Available form: <http://journal.asu.ru/index.php/vfp/article/view/4229>.
21. Harrewijn, A., Schmidt, L.A., Westenberg, P.M., Tang, A. & van der Molen, M.J.W. (2017) Electrocortical measures of information processing biases in social anxiety disorder : a review. *Biological Psychology*. 129. pp. 324–348. DOI: 10.1016/j.biopsycho.2017.09.013
22. Kujawa, A., Weinberg, A., Bunford, N., Fitzgerald, K.D., Hanna, G.L., Monk, C.S., Kennedy, A.E., Klumpp, H., Hajcak, G. & Phan, K.L. (2016) Error-related brain activity in youth and young adults before and after treatment for generalized or social anxiety disorder. *Progress in Neuro-Psychopharmacology & Biological Psychiatry*. 71. pp. 162–168. DOI: 10.1016/j.pnpbp.2016.07.010
23. Judah, M.R., Grant De, M.M., Frosio, K.E., White, E.J., Taylor, D.L. & Mills, A.C. (2016) Electrocortical Evidence of Enhanced Performance Monitoring in Social Anxiety. *Behavior Therapy*. 47. pp. 274–285. DOI: 10.1016/j.beth.2015.12.002
24. Vriends, N., Meral, Y., Bargas-Avila, J.A., Stadler, C. & Bogels, S.M. (2017) How do I look? Self-focused attention during a video chat of women with social anxiety (disorder). *Behaviour Research and Therapy*. 92. pp. 77–86. DOI: 10.1016/j.brat.

Received 27.08.2018;

Revised 15.10.2018;

Accepted 14.11.2018

УДК 159.9.015+616.05
DOI: 10.17223/17267080/70/7

**А.В. Солодухин^{1,2}, Н.Г. Видяева¹, О.А. Трубникова¹,
А.В. Серый², М.С. Яницкий², О.Л. Барбараш¹**

¹*Научно-исследовательский институт комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний (Кемерово, Россия)*

²*Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия)*

Смыслжизненные ориентации как мишень когнитивно-поведенческой психотерапии у пациентов с ИБС, планируемых на коронарное шунтирование

Отражено исследование влияния методов когнитивно-поведенческой психотерапии на психический статус и смыслжизненные ориентации у пациентов с ИБС при подготовке к коронарному шунтированию. Для этого было проведено клинико-психологическое обследование 74 пациентов-мужчин в возрасте от 44 до 73 лет со стабильной ИБС. Психологическая работа заключалась в применении таких методов когнитивно-поведенческой психотерапии, как ведение дневника реабилитации, когнитивное переструктурирование, репетиция адаптивного поведения, систематическая десенсибилизация, а также в использовании метода психической саморегуляции – мышечной релаксации по Э. Джекобсону. Результаты исследования показали, что применение когнитивно-поведенческой терапии при подготовке пациентов с ИБС к коронарному шунтированию позволяет формировать у них более осмысленное отношение к собственному здоровью и жизни в целом.

Ключевые слова: *смыслжизненные ориентации; когнитивно-поведенческая психотерапия; внутренняя картина болезни; ишемическая болезнь сердца; кардиологические заболевания.*

Введение

Операция коронарного шунтирования (КШ) признана наиболее перспективной в плане улучшения качества жизни и прогноза больных с тяжелой, быстро прогрессирующей и / или резистентной к медикаментозной терапии ишемической болезнью сердца (ИБС) [1]. При этом операция КШ является дополнительной психотравмой на фоне и без того существенной психологической нагрузки у пациентов с ИБС.

Современная медицина характеризуется применением методов психологической помощи в системе реабилитационного сопровождения пациентов кардиологического профиля [2, 3]. В настоящее время методы психологической помощи, и в частности когнитивно-поведенческая психотерапия (КППТ), успешно применяются при лечении неврозов, страхов, депрессий и иных психических и поведенческих нарушений [4–6]. Однако

в кардиологической практике данный подход до сих пор находит крайне ограниченное применение, что связано с недостаточным пониманием причин психологических проблем и их влияния на соматическое состояние у пациентов кардиологического профиля.

Психологический компонент заболевания у кардиологических пациентов включает в себя внутреннюю картину болезни (ВКБ), т.е. субъективное отношение к ряду потенциально значимых жизненных проблем и ситуаций, связанных с заболеванием. Кроме того, в результате появления тяжелого соматического заболевания у пациентов с ИБС возникает проблема ограничения или невозможности достижения ранее поставленных целей, что приводит к осложнениям в реализации жизненных перспектив, а также к изменению представлений о себе как о физически и психологически здоровой личности [7]. Целесообразность применения методов КППТ связана с необходимостью оказания реабилитационного сопровождения не только с медицинской позиции, но и с точки зрения необходимости формирования у пациентов осознанного отношения к своему здоровью.

Цель исследования – оценить эффективность применения методов когнитивно-поведенческой психотерапии при работе со смысложизненными ориентациями у пациентов с ИБС.

С 2017 по 2018 г. было проведено клинико-психологическое обследование 74 пациентов-мужчин в возрасте от 44 до 73 лет со стабильной ИБС, планирующих на коронарное шунтирование в условиях искусственного кровообращения в НИИ комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний (НИИ КПССЗ) [8. С. 54]

Критерии включения: мужской пол, планируемое КШ и добровольное информированное согласие пациента на участие в исследовании.

Критерием исключения являлся отказ больного от участия в исследовании.

Пациенты до операции были сопоставимы по длительности анамнеза ИБС, наличию и длительности анамнеза артериальной гипертензии, фракции выброса левого желудочка и наличию стенозов сонных артерий. Клинико-anamнестическая характеристика пациентов, включенных в исследование, представлена в табл. 1.

Таблица 1

Клинико-anamнестическая характеристика пациентов, находящихся на предоперационном этапе КШ (n = 74)

Показатели	Группа с психологическим сопровождением (n = 42)	Группа без психологического сопровождения (n = 32)	p
Средний возраст, лет	60,9 ± 6,4	57,4 ± 7,3	0,91
Давность ИБС, годы	4,7 ± 3,9	4,3 ± 2,9	0,79
Индекс массы тела, кг/м ²	28,7 ± 3,5	29,1 ± 3,3	0,92
Фракция выброса ЛЖ, %	55,8 ± 11,2	53,5 ± 10,2	0,36
Стенозы сонных артерий, n (%)	13 (31%)	6 (19%)	0,45
Артериальная гипертензия, n (%)	35 (82%)	25 (77%)	0,21
Давность АГ, годы	9,3 ± 7,5	10,1 ± 7,1	0,47

Окончание табл. 1

Показатели	Группа с психологическим сопровождением (n = 42)	Группа без психологического сопровождения (n = 32)	p
ПИКС, n (%)	21 (50%)	9 (28%)	0,23
Уровень глюкозы, ммоль/л	6,3 ± 0,7	6,2 ± 0,8	0,91
Общий холестерин, ммоль/л	5,2 ± 1,8	5,1 ± 1,9	0,89
Функциональный класс стенокардии, n (%)			
0–II	27 (64%)	19 (60%)	0,77
III–IV	15 (36%)	13 (40%)	0,81
Функциональный класс ХСН, n (%)			
I–II	34 (82%)	24 (75%)	0,65
III	8 (18%)	8 (25%)	0,58

Исследование было выполнено в соответствии со стандартами надлежащей клинической практики (Good Clinical Practice) и принципами Хельсинской декларации Всемирной ассоциации «Этические принципы проведения научных медицинских исследований с участием человека». Протокол исследования был одобрен локальным Этическим комитетом НИИ КПССЗ. Работа выполнена при поддержке комплексной программы фундаментальных научных исследований СО РАН.

Психологические занятия проводились в течение 3–6 сеансов, из них 3 занятия на предоперационном этапе и 3 занятия в течение двух недель после КШ. Продолжительность занятия устанавливалась в пределах 40–60 мин.

На первом сеансе проводилась диагностика внутренней картины болезни (ВКБ) и смысловых ориентаций (СЖО) у пациентов с ИБС. Для изучения параметров ВКБ применялась методика «ТОБОЛ» (Л.И. Васерман и соавт.) [9]. С целью измерения СЖО (сформированность целей в жизни, уровень самореализации личности, осмысленность и насыщенность жизни в прошлом и настоящем, наличие планов на будущее) был использован тест «Смысловые ориентации» Д.А. Леонтьева [10]. Тест СЖО в клинической практике позволяет оценить влияние заболевания на формирование у пациентов неврозов, психозов и иных патохарактерологических изменений личности. Результаты интерпретировались следующим образом: чем больше сумма баллов по шкалам СЖО, тем выше осмысленность жизни и меньше уровень невротичности пациента.

В психологической работе применялись методы когнитивно-поведенческой психотерапии: ведение дневника реабилитации; когнитивное переструктурирование; репетиция адаптивного поведения; систематическая десенсибилизация, и метод психической саморегуляции – мышечная релаксация по Э. Джекобсону [11 С. 88]. Повторная оценка динамики показателей СЖО проводилась на 7–10-й день после КШ.

Ведение дневника направлено на повышение уровня осознания и самоконтроля пациента за собственным состоянием. Самонаблюдение осуществляется в форме составления диаграммы или заполнения учетных листов (например, фиксирование негативного влияния повышенной физической нагрузки на показатели сердечно-сосудистой деятельности) [Там же. С. 87].

Прием когнитивного переструктурирования заключается в обращении внимания пациента на противоречия или неточности в восприятии его болезни. При использовании когнитивного переструктурирования в кардиологической практике психолог проводит идентификацию и коррекцию дисфункциональных мыслей пациента с целью формирования адекватного отношения к своему здоровью.

Репетиция адаптивного поведения заключается в ролевом проигрывании с пациентом сложных ситуаций, которые могут возникнуть на послеоперационном этапе. Через тренировку происходит психологическая подготовка к стрессовой ситуации, что позволяет пациенту справиться с ней самостоятельно при отсутствии помощи со стороны медицинского персонала.

Для снижения уровня тревоги психолог обучает пациента навыкам снятия стрессового напряжения при помощи метода систематической десенсибилизации или метода мышечной релаксации Э. Джекобсона. Метод систематической десенсибилизации подходит пациентам, предпочитающим когнитивные способы снятия напряжения, т.е. через воображение и мыслительные операции. Мышечная релаксация Э. Джекобсона подходит для пациентов, предпочитающих физические упражнения для достижения состояния расслабленности [11. С. 88].

На психологических занятиях ведущий метод КППТ выбирался в зависимости от диагностируемого варианта внутренней картины болезни. При нарушенных представлениях о заболевании или высоких рисках поведенческой дезадаптации применялись методы ведения дневника, когнитивного переструктурирования и репетиция адаптивного поведения. Если же ведущим было тревожно-депрессивное расстройство у пациента, то на занятиях в основном проводилось обучение систематической десенсибилизации или мышечной релаксации Э. Джекобсона.

Для проведения статистического анализа использовано компьютерное программное обеспечение Statistica 10.0. Полученные данные были проанализированы на нормальность распределения по критерию Колмогорова–Смирнова. Распределение данных отличалось от нормального, в связи с чем для сравнительного анализа количественных клинико-психологических показателей был использован критерий U-Манна–Уитни с оценкой значимости ($p \leq 0,05$). С целью подтверждения влияния методов КППТ на смысложизненные ориентации был выполнен анализ по критерию Н-Краскала–Уоллеса. Применялся критерий согласия χ^2 с целью сопоставления двух выборок по параметрам СЖО в группе психологического сопровождения и контрольной группе. Динамика параметров СЖО оценивалась с помощью критерия Т-Вилкоксона. Количественные клинико-анамнестические показатели представлены в виде «среднее значение $\pm$ стандартное отклонение», психологические показатели были представлены в виде медианы 25-го и 75-го перцентилей (Me [Q25; Q75]).

Результаты исследования

Изучение ВКБ в исследуемых группах показало отсутствие статистически значимых различий в исходных параметрах психологического статуса у пациентов до проведения психологических занятий (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительная характеристика параметров внутренней картины болезни у пациентов с ИБС до проведения психологических занятий

Внутренняя картина болезни	Группа с психологическим сопровождением (n = 42), Me [Q25; Q75]	Группа без психологического сопровождения (n = 32), Me [Q25; Q75]	p
Гармоничный тип	31 [26; 41]	36 [29; 42]	0,07
Эргопатический тип	31 [19; 40]	30 [28; 43]	0,1
Анозогнозический тип	19 [17; 32]	23 [13; 32]	0,9
Тревожный тип	3 [0; 8]	6 [0; 18]	0,08
Ипохондрический тип	8 [4; 12]	9 [4; 13]	0,09
Неврастенический тип	3 [0; 7]	3 [1; 7]	0,3
Меланхолический тип	0 [0; 0]	0 [0; 8]	0,06
Апатический тип	0 [0; 0]	3 [0; 7]	0,08
Сенситивный тип	11 [7; 15]	15 [9; 20]	0,09
Эгоцентрический тип	5 [0; 8]	5 [5; 8]	0,1
Паранойальный тип	3 [0; 5]	2 [0; 4]	0,8
Дисфорический тип	0 [0; 4]	0 [0; 4]	0,5

Изучение СЖО в исследуемых группах также показало отсутствие статистически значимых различий в показателях осмысленности жизни и уровне невротичности у пациентов с ИБС перед проведением психологических занятий. Динамика параметров смысловых ориентаций у пациентов с ИБС после проведения психологических занятий представлена в табл. 3.

Таблица 3

Динамика выраженности смысловых ориентаций у пациентов с ИБС до и после проведения КШ в зависимости от психологического сопровождения

Смысловые ориентации	Группа с психологическим сопровождением (n = 42), Me [Q25; Q75]		Группа без психологического сопровождения (n = 32), Me [Q25; Q75]		p
	До КШ (1)	7–10-й день после КШ (2)	До КШ (3)	7–10-й день после КШ (4)	
Цель	37 [32; 41]	38 [31; 39]	37 [28; 41]	35 [27; 38]	p _{2,4} = 0,01 p _{3,4} = 0,04
Процесс	32 [28; 36]	35 [30; 38]	34 [28; 37]	32 [24; 36]	
Результат	29 [26; 33]	30 [27; 32]	28 [24; 33]	27 [21; 30]	p _{2,4} = 0,04 p _{3,4} = 0,02
Локус контроля – Я	24 [20; 27]	24 [20; 26]	23 [19; 25]	22 [19; 25]	
Локус контроля – Жизнь	31 [29; 35]	37 [29; 38]	32 [26; 35]	32 [25; 36]	p _{1,2} = 0,02 p _{2,4} = 0,01
Общая осмысленность жизни	155 [140; 165]	163 [145; 170]	157 [134; 172]	148 [131; 159]	p _{1,2} = 0,05 p _{2,4} = 0,02

При анализе динамики параметров смысловых ориентаций в группе психологического сопровождения зафиксировано достоверное повышение показателей «локус контроля – Жизнь» ($p = 0,02$) и общей осмысленности жизни ($p = 0,05$). В группе без психологического сопровождения зафиксировано статистически значимое снижение показателей «цель жизни» ($p = 0,04$), «результат жизни» ($p = 0,02$). Сравнительный анализ параметров СЖО через 7–10 дней после КШ показал большее значение показателей «результат жизни» ($p = 0,04$), «локус контроля – Жизнь» ($p = 0,01$) и общей осмысленности жизни ($p = 0,02$) в группе с психологическим сопровождением.

Обсуждение результатов

Работа психолога со смысловыми ориентациями пациента включает в себя совместный поиск ответов на вопросы о сущности смысла жизни, ценностных представлениях о здоровье и болезни и оказание помощи в формировании дальнейших планов на будущее в зависимости от особенностей медицинского вмешательства. Ряд теоретических исследований в психологии определяет «смысл жизни» как единицу сознания, деятельности и личности человека, характеризующуюся направленностью, отношением к себе, людям и обществу в целом [12]. При этом смысловые ориентации являются сложными психологическими новообразованиями, которые проявляются в когнитивных, эмоционально-волевых, поведенческих, мотивационных и ценностных аспектах [13].

В норме каждый человек сталкивается с необходимостью менять смыслы и ценности. Однако если пациент в результате появления у него тяжелого соматического заболевания не способен расширить свою временную перспективу смыслов, т.е. сформировать представления о том, что и как ему необходимо делать после операции, его зафиксированное смысловое состояние болезни может приобрести статус личностного свойства и серьезно изменить его привычное отношение к себе и окружающим. Это может выразиться в акцентуировании личностных черт и формировании пограничных и патологических состояний и синдромов, что может потребовать более серьезного психотерапевтического вмешательства [Там же]. В ряде исследований было доказано благоприятное влияние развитой ценностно-смысловой сферы у пациента на формирование адаптивных вариантов внутренней картины болезни и выбор конструктивного стресс-преодолевающего поведения, тогда как нарушение личностных смыслов приводит к искаженному восприятию заболевания и отказу от поиска возможностей для его преодоления [14–17]. В настоящее время современная система здравоохранения направлена не только на оказания качественной медицинской помощи, но и на создание психологических условий для изменения смысловых ориентаций пациента, которые направят его поведение и мышление к здоровому образу жизни, а также предупредят возможные нарушения в психической сфере.

Измерение параметров СЖО до проведения психологических занятий показало высокие значения показателей как в основной, так и контрольной группе. Пациенты продемонстрировали высокую веру в способность контролировать собственную жизнь, убежденность в свободе выбора, необходимость выстраивать планы на дальнейшее будущее. При этом были полученные значимые изменения параметров СЖО в зависимости от оказания психологической помощи. Так, в группе психологического сопровождения зафиксировано достоверное повышение показателей «локус контроля-Жизнь» (управляемость жизнью) и Общей осмысленности жизни. Данные результаты указывают на формирование у пациентов на фоне проводимой психотерапевтической работы навыков контроля над собственным положением и ответственности за собственную жизнь. В группе без психологического сопровождения зафиксировано достоверное снижение показателей «цель жизни» и «результат жизни», что указывает на проблемы в самостоятельном формировании дальнейших планов на будущее, ограничении свободы выбора и ухудшении удовлетворенности от произошедших с ними жизненных событиях.

Заключение

Полученные результаты исследования позволяют сделать вывод, что на фоне проводимой психотерапевтической работы у пациентов с ИБС происходит формирование более осмысленного отношения к собственному здоровью и жизни в целом. Таким образом, необходимо проведение специальных мероприятий, направленных на развитие смысложизненных ориентаций у пациентов с ИБС при подготовке к КШ через проведение психологических занятий в рамках когнитивно-поведенческой психотерапии.

Литература

1. Еремина Д.А., Круглова Н.Е., Щелкова О.Ю., Яковлев М.В. Психологические основы повышения эффективности восстановительного лечения больных ИБС после коронарного шунтирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12, Социология. 2014. № 1. С. 54–68.
2. Николаев Е.Л., Лазарева Е.Ю. Психотерапия и психологическая помощь больным сердечно-сосудистыми заболеваниями // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2015. № 11 (1). С. 57–76.
3. Солодухин А.В., Малева О.В. Кухарева И.Н., Серый А.В., Трубникова О.А. Поведенческие особенности пациентов, планируемых на коронарное шунтирование // Комплексные проблемы сердечно-сосудистых заболеваний. 2017. № 4. С. 14–20.
4. Hosseini S.H., Rafiei A., Gaemian A., Targari. A., Zakavi A., Yazdani J., Vaezzadeh N. Comparison of the Effects of Religious Cognitive Behavioral Therapy (RCBT), Cognitive Behavioral Therapy (CBT), and Sertraline on Depression and Anxiety in Patients after Coronary Artery Bypass Graft Surgery: Study Protocol for a Randomized Controlled Trial // Iranian Journal of Psychiatry. 2017. Vol. 12 (3). P. 206–213.
5. Seo Yong et al. The Effect of Preoperative Cognitive Behavior and Exercise Therapy for a Patient With an Implanted Left Ventricular Assist Device in Korea // PM&R : the journal

- of injury, function, and rehabilitation. 2017. Vol. 10. P. 1038–1041. DOI: 10.1016/j.pmrj.2017.06.011/
6. Tyrer P., Tyrer H., Morriss R. et al. Clinical and cost-effectiveness of adapted cognitive behaviour therapy for non-cardiac chest pain: a multicentre, randomised controlled trial // *Open Heart*. 2017. Vol. 4. URL: <http://dx.doi.org/10.1136/openhrt-2016-000582>
 7. Сидоров П.И., Совершаева Е.П. Синергетическая биопсихосоциодуховная концепция ментальной эпидемии ишемической болезни сердца // *Экология человека*. 2015. № 9. С. 27–37.
 8. Солодухин А.В., Трубникова О.А., Малева О.В., Серый А.В., Яницкий М.С., Барбараш О.Л. Особенности субъективного отношения к болезни и копинг-поведения у пациентов с сахарным диабетом 2-го типа, планируемых на коронарное шунтирование // *Сибирский психологический журнал*. 2016. № 62. С. 127–138. DOI: 10.17223/17267080/62/10.
 9. Вассерман Л.И., Иовлев Б.В., Карпова Э.Б., Вукс А.Я. Психологическая диагностика отношения к болезни. СПб., 2005. 32 с.
 10. Леонтьев Д.А. Тест смысловых ориентаций. М.: Смысл, 2006. 16 с.
 11. Солодухин А.В., Серый А.В., Яницкий М.С., Трубникова О.А. Возможности методов когнитивно-поведенческой психотерапии в изменении внутренней картины болезни у пациентов с ишемической болезнью сердца // *Фундаментальная и клиническая медицина*. 2017. № 2 (1). С. 84–90.
 12. Почтарева Е.Ю. Ценностно-смысловая сфера личности: сущность, детерминанты, механизмы развития // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2017. № 4. С. 563–575.
 13. Помешкина С.А., Солодухин А.В., Беззубова В.А., Яницкий М.С., Серый А.В., Барбараш О.Л. Связь коммуникативной модели лечащего врача с приверженностью к терапии пациентов, подвергшихся коронарному шунтированию // *Сибирский психологический журнал*. 2017. № 66. С. 52–65. DOI: 10.17223/17267080/66/4.
 14. Бергфельд А.Ю. Типы реагирования на болезнь и смысловые ориентации пациентов онкологического профиля // *Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Психологические и педагогические науки*. 2017. № 1. С. 82–89.
 15. Биктина Н.Н. Смысловые ориентации и копинг-стратегии больных, перенесших инфаркт миокарда // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2 (2). С. 411–415.
 16. Дереча Г.И., Дереча В.А. О значении изучения смысловых ориентаций у больных алкоголизмом // *Медицинская психология в России*. 2010. № 2. С. 8.
 17. Панченко М.И. Смысловая сфера личности инвалида и социально-психологическая адаптация в условиях кризиса занятости // *Северо-Кавказский психологический вестник*. 2009. № 7 (1). С. 88–96.

Поступила в редакцию 27.06.2018 г.; принята 13.11.2018 г.

Сведения об авторах:

СОЛОДУХИН Антон Витальевич, лаборант-исследователь лаборатории нейрососудистой патологии Научно-исследовательского института комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний; аспирант социально-психологического института Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: mein11@mail.ru
ВИДЯЕВА Наталья Георгиевна, врач-физиотерапевт Научно-исследовательского института комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний (Кемерово, Россия). E-mail: kortng@kemcardio.ru

ТРУБНИКОВА Ольга Александровна, доктор медицинских наук, заведующая лабораторией нейрососудистой патологии Научно-исследовательского института комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний (Кемерово, Россия). E-mail: olgalet17@mail.ru

СЕРЫЙ Андрей Викторович, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий Кемеровского государственного университета. (Кемерово, Россия). E-mail: avgrey@yahoo.com

ЯНИЦКИЙ Михаил Сергеевич, доктор психологических наук, профессор, директор социально-психологического института, заведующий кафедрой социальной психологии и психосоциальных технологий Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: dekanspf@kemsu.ru

БАРБАРАШ Ольга Леонидовна, доктор медицинских наук, профессор, директор Научно-исследовательского института комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний (Кемерово, Россия). E-mail: olb61@mail.ru

LIFE-PURPOSE ORIENTATIONS AS THE TARGET OF COGNITIVE-BEHAVORIAL THERAPY AMONG PATIENTS WITH CORONARY ARTERY DISEASE PREPARING FOR THE CORONARY BYPASS SURGERY

Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology, 2018, 70, 93–102

DOI: 10.17223/17267080/70/7

Anton V. Solodukhin, Research Institute for Complex Issues of Cardiovascular Diseases (Kemerovo, Russian Federation); Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: mein11@mail.ru

Natal'ya G. Vidyaeva, Olga A. Trubnikova, Research Institute for Complex Issues of Cardiovascular Diseases (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: kortng@kemcardio.ru; olgalet17@mail.ru

Andrej V. Seryj, Mikhail S. YAnitskij, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: dekanspf@kemsu.ru; avgrey@yahoo.com

Olga L. Barbarash, Research Institute for Complex Issues of Cardiovascular Diseases (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: olb61@mail.ru

Keywords: life-purpose orientations; cognitive-behavioral therapy; internal picture of the disease; coronary (ischemic) heart disease; cardiovascular disease.

This article reflects the study of the influence of methods of cognitive-behavioral psychotherapy on mental status and life-purpose orientations among patients with stable ischemic heart disease (IHD) in preparation for coronary artery bypass grafting. For this purpose a clinical and psychological examination of 74 male patients from 44 to 73 years of age with stable ischemic heart disease was performed. Patients before the surgery were comparable in the duration of the history of IHD, the presence and duration of an anamnesis of arterial hypertension, the fraction of the ejection of the left ventricle and the presence of stenoses of the carotid arteries. Psychological studies were conducted during 3-6 sessions, of which 3 sessions at the preoperative stage and 3 sessions for two weeks after the coronary bypass surgery. The duration of the session was set within 40-60 minutes. At the 1st session the diagnosis of the perception of the disease and life-purpose orientations among patients with ischemic heart disease was carried out. Psychological work consisted of applying methods of cognitive-behavioral psychotherapy: maintaining a diary of rehabilitation; cognitive restructuring; rehearsal of adaptive behavior; systematic desensitization; using the method of mental self-regulation – muscle relaxation according to E. Jacobson. Measurement of the parameters of life-purpose orientations before conducting psychological studies showed high values of the indices both in the main and the control groups. Patients demonstrated high faith in their ability to control their own lives, their conviction for freedom of choice, and the need to plan for a future. In the analysis of the dynamics of the parameters of life-purpose orientations in the psychological support group, a significant increase in the indicators was recorded: “Control locus – Life” ($p = 0.02$) and General meaning of life ($p = 0.05$). In the group without psychological support, there was a statistically significant decrease in the “Life Purpose” ($p = 0.04$) and “Life Outcome” indicators ($p = 0.02$). A comparative analysis of the parameters of life-purpose orientations in 7-10 days after the coronary bypass surgery showed a greater value of

the indicators “Life Outcome” ($p = 0.04$), “Control locus – Life” ($p = 0.01$) and General meaning of life ($p = 0.02$) in the group with psychological support. The obtained results of the study allow us to conclude that the psychotherapeutic work with patients suffering from ischemic heart disease helps to form a more meaningful attitude to one’s own health and life as a whole. Thus, special measures are needed to develop life-purpose orientations among patients with IHD in preparation for coronary bypass through psychological interventions within the framework of cognitive-behavioral psychotherapy.

References

1. Eremina, D.A., Kruglova, N.E., Shchelkova, O.Yu. & Yakovlev, M.V. (2014) Psikhologicheskie osnovy povysheniya effektivnosti vosstanovitel'nogo lecheniya bol'nykh IBS posle koronarnogo shuntirovaniya [Psychological basis of improving the effectiveness of rehabilitation treatment of patients with coronary artery disease after coronary bypass surgery]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 12, Sotsiologiya – Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12: Sociology*. 1. pp. 54–68.
2. Nikolaev, E.L. & Lazareva, E.Yu. (2015) Psychotherapy and psychological intervention for patients with cardiovascular diseases. *Vestnik psikiatrii i psikhologii Chuvashii – The Bulletin of Chuvash Psychiatry and Psychology*. 11(1). pp. 57–76. (In Russian).
3. Solodukhin, A.V., Maleva, O.V., Kukhareva, I.N., Seryy, A.V. & Trubnikova, O.A. (2017) Behavioral patterns in patients undergoing coronary artery bypass grafting. *Kompleksnye problemy serdechno-sosudistyykh zabolevaniy – Complex Issues of Cardiovascular Diseases*. 4. pp. 14–20. (In Russian). DOI: 10.17802/2306-1278-2017-6-4-14-20
4. Hosseini, S.H., Rafiei, A., Gaemian, A., Targari, A., Zakavi, A., Yazdani, J. & Vaezzadeh, N. (2017) Comparison of the Effects of Religious Cognitive Behavioral Therapy (RCBT), Cognitive Behavioral Therapy (CBT), and Sertraline on Depression and Anxiety in Patients after Coronary Artery Bypass Graft Surgery: Study Protocol for a Randomized Controlled Trial. *Iranian Journal of Psychiatry*. 12(3). pp. 206–213.
5. Seo Yong et al. (2017) The Effect of Preoperative Cognitive Behavior and Exercise Therapy for a Patient With an Implanted Left Ventricular Assist Device in Korea. *PM&R: the journal of injury, function, and rehabilitation*. 10. pp. 1038–1041. DOI: 10.1016/j.pmrj.2017.06.011/
6. Tyrer, P., Tyrer, H., Morriss, R. et al. (2017) Clinical and cost-effectiveness of adapted cognitive behaviour therapy for non-cardiac chest pain: a multicentre, randomised controlled trial. *Open Heart*. 4. DOI: 10.1136/openhrt-2016-000582
7. Sidorov, P.I. & Sovershaeva, E.P. (2015) Synergetic biopsychosociospiritual conception of mental epidemic of ischemic heart disease. *Ekologiya cheloveka – Human Ecology*. 9. pp. 27–37. (In Russian).
8. Solodukhin, A.V., Trubnikova, O.A., Maleva, O.V., Seryy, A.V., Yanitskiy, M.S. & Barbarash, O.L. (2016) Features of the subjective relation to an illness and coping-behavior of the patients with diabetes mellitus type 2 preparing for coronary bypass surgery. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 62. pp. 127–138. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/62/10
9. Vasserman, L.I., Iovlev, B.V., Karpova, E.B. & Vuks, A.Ya. (2005) *Psikhologicheskaya diagnostika otnosheniya k bolezni* [Psychological diagnosis of the relationship to the disease]. St. Petersburg: [s.n.].
10. Leontiev, D.A. (2006) *Test smyslozhiznennykh orientatsii* [Test of life-purpose orientations]. Moscow: Smysl.
11. Solodukhin, A.V., Seryy, A.V., Yanitskiy, M.S. & Trubnikova, O.A. (2017) Vozmozhnosti metodov kognitivno-povedencheskoy psikhoterapii v izmenenii vnutrenney kartiny bolezni u patsientov s ishemicheskoy bolezn'yu serdtsa [The possibilities of cognitive-behavioral psychotherapy in changing the internal picture of the disease in patients

- with coronary heart disease]. *Fundamental'naya i klinicheskaya meditsina – Fundamental and Clinical Medicine*. 2(1). pp. 84–90.
12. Pochtareva, E.Yu. (2017) Value-meaning sphere of personality: essence, determinants, mechanisms of development. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya – Perm University Herald. Series “Philosophy. Psychology. Sociology”*. 4. pp. 563–575. (In Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-563-575
 13. Pomeschkina, S.A., Solodukhin, A.V., Bezzubova, V.A., Yanitskiy, M.S., Seryy, A.V. & Barbarash, O.L. (2017) Interrelation of the communicative model of the attending physician with adherence to therapy of patients undergoing coronary bypass surgery. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 66. pp. 52–65. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/66/4
 14. Bergfeld, A.Yu. (2017) Tipy reagirovaniya na bolezni i smyslozhiznennyye oriyentatsii patsiyentov onkologicheskogo profilya [Types of response to the disease and life-sense orientation of cancer patients]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Psikhologicheskie i pedagogicheskie nauki*. 1. pp. 82–89.
 15. Biktina, N.N. (2015) Meaningful life attitudes and coping-strategies of patients that experienced myocardial infarction. *Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental research*. 2(2). pp. 411–415. (In Russian).
 16. Derecha, G.I. & Derecha, V.A. (2010) O znachenii izucheniya smyslozhiznennykh oriyentatsiy u bol'nykh alkoholizmom [On the significance of studying life-sense orientations in patients with alcoholism]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii*. 2. pp. 8.
 17. Panchenko, M.I. (2009) Smyslovaya sfera lichnosti invalida i sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya v usloviyakh krizisa zanyatosti [Semantic sphere of the personality of the disabled person and socio-psychological adaptation in the conditions of the employment crisis]. *Severo-Kavkazskiy psikhologicheskiy vestnik*. 7(1). pp. 88–96.

Received 27.06.2018;

Accepted 13.11.2018

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.07

DOI: 10.17223/17267080/70/8

И.М. Кыштымова, С.Н. Ангеловска

Иркутский государственный университет (Иркутск, Россия)

Семантика образа героя: межкультурные различия (на примере российских и македонских подростков)

Представлены результаты исследования особенностей восприятия образа героя российскими и македонскими подростками. На основе данных, полученных с помощью семантического дифференциала, определены факторы семантической оценки исследуемого стимула. Выявлены достоверные различия в оценке «героя» россиянами и македонцами, большие выраженные у подростков, чем у взрослых. Обнаружена трансформация традиционной семантики архетипического образа у российских школьников. Показана ее связь с презентацией образа героя в медиапространстве.

Ключевые слова: архетип; культурный герой; традиционные ценности; медиапространство; семантическая оценка; факторный анализ.

Введение

Отношение к традиционным ценностям, к укорененным в культуре способам интерпретации жизненно значимых нарративов и образов является важным маркером векторов развития общества и отдельной личности. Возникнув в культуре как ее смысловое основание, эти ценности выполняют функцию ориентации человека в жизненном многообразии, роль личностно и социально значимых указателей. Глубинные психические механизмы участвуют в построении и символической репрезентации архетипических образов, к числу которых относится образ героя. Анализу его культурного и психологического значения, формам национально специфической презентации, исторически обусловленному генезу посвящено немало научных работ. Детерминирующая поведение человека в сложных жизненных ситуациях функция образа героя определяет значимость исследования особенностей его представленности в сознании современников, важность определения факторов, оказывающих влияние на трансформацию традиционной семантики «героя» в условиях доминирования в развивающемся пространстве новых, искусственно создаваемых с помощью средств медиа героических нарративов. В процессе исследования верифицировалось предположение о том, что активность процессов дегероизации в современном российском медиапространстве обуславливает изменение тра-

диционных семантических характеристик образа героя у россиян, причем у подростков процессы смысловых изменений происходят более активно, чем у взрослых. Исходя из представления о том, что семантика архетипических образов определяется особенностями культуры, мы провели сравнение семантических оценок «героя» российскими и македонскими респондентами.

Теоретические основания исследования образа героя

Роль и особенности интерпретации архетипического образа героя в разных культурах, его генез являются предметом исследования в филологии, культурологии, филологии и психологии. Отражая разные стороны исследуемого явления, ученые обосновывают тезис о вневременной значимости «героя», его связи с базовыми механизмами регуляции общественной и индивидуальной жизни. Статус героического во всех культурах традиционно высок, посредством образа героя выражаются смыслы, оказывающие влияние на становление и развитие национального и личностного самосознания. При этом образ героя исследуется, во-первых, с позиции его общечеловеческого, универсального значения, во-вторых – национально-культурной специфики, в-третьих, как образования, определяющего индивидуальные жизненные алгоритмы.

Научный анализ категории героического, как правило, начинается апелляцией к историческим истокам понятия «герой», под которым древние греки и римляне понимали «полубога» [1. С. 186], способного на подвиги, невозможные для обычного человека. Герой символизирует готовность к преодолению препятствий, свершениям, действиям в экстремальных обстоятельствах или к экстремальным действиям. При этом образная актуализация архетипа в культуре античности двояка: она, с одной стороны, связана с его репрезентацией как «культурного героя» – созидателя и защитника («культурный герой» призван выполнять волю богов на земле среди людей, «упорядочивая жизнь и внося в нее справедливость, меру, законы, вопреки древней стихийности и дисгармоничности» [2. С. 295]), а с другой – как вносящего раздор, разрушающего и импульсивного «трикстера». Эта двойственность первичной культурной интерпретации «героя» отражает сложную неупорядоченно-инстинктивную природу архетипа, приобретающего цельность в процессе его культурного освоения, целью которого является регуляция природных бессознательных влечений человека.

Структурирующая психику роль культурных традиций проявилась в пестовании образа «культурного героя», определении его как исходного, значимого для личности образца, в соответствии с которым моделируется поведение человека в сложных жизненных ситуациях. В современном толковании термина «выдающийся человек, прославившийся своими подвигами на поле брани или исключительными достижениями на трудовом поприще» [1. С.186] отражена созидательная сторона исходного понимания

героя, его культурно значимая семантика. Образ культурного героя выполняет созидательную функцию, в нем «поэтизируются творческие возможности человека» [3. С. 356], через модель его поведения реализуется направленность коллективных усилий на продуктивное культурное развитие; героическое является «основой выживания наций и народов в реальном мире» [4. С. 158].

Первичным культурным контекстом интерпретации образа героя явились мифы, понимаемые в психологии как «способ трансформации психических феноменов в культурные» [5. С. 116], как «вид ментальной терапии» [6. С. 37], регулятор, направляющий неупорядоченную энергию бессознательного в русло культурного созидания, задающий «систему мировоззренческих координат» [5. С. 40]. Героические мифы являются основанием любой культуры, образ героя являет собой идеал национального и личного самосознания.

В психоаналитической традиции образ героя рассмотрен как архетип, чья символическая репрезентация обретает актуальность «всякий раз тогда, когда... сознательный разум нуждается в помощи при решении какой-то задачи, не решаемой без помощи или без нахождения источников силы, которой располагает бессознательный разум [7. С. 141]. Усваивая созданные культурным творчеством героические нарративы, человек обретает готовность продуктивного действия; они выполняют функцию «магической защитной стены против жуткой жизненности, таящейся в глубине души» [6. С. 104]. Редукция в культурном сознании, трансформация или забвение символических образов – «ужасающая символическая нищета» [Там же. С. 105] – чреватые высвобождением не регулируемых разумом разрушительных бессознательных энергий. К.Г. Юнг подчеркивает важное психологическое, социальное и политическое значение интерпретированных в культуре символических образов коллективного бессознательного.

Мифологический культурный герой эволюционирует в героя эпоса [3. С. 357], отражающего ментальные и физические особенности породившего его топоса. Попытка дифференцировать архетипы на универсальные и национальные [8] представляется непродуктивной, так как не учитывает исходную универсальную (общечеловеческую) семантику всех мифологем, обретающих национальные черты в эпических текстах. В процессе топографически специфичной эпической интерпретации архетипических образов народ «не пассивно отражает историю, а создает ее, влияет на нее, влияя через создаваемые образы на достижение поставленных им себе целей» [9. С. 28]. Забвение этих образов, когда «духовным ценностям наносит удар современная цивилизация», по мнению К.Г. Юнга, трагично: «Люди теряют смысл своей жизни, их социальная организация распадается, а сами они морально разлагаются» [10. С. 106].

Эпический герой «собирает» нацию, отражая наиболее почитаемые и полезные для ее выживания и развития черты: «Чистейшее выражение духа народности представляют собой его “герои” (в карлейлевском смысле) или “святые” (в религиозном смысле). Вот почему каждый живой

народ имеет и чтит, как умеет, своих святых и своих героев... в них осуществляется миссия народа» [11. С. 337]. Образ героя выполняет культурно созидательную и охранную функцию, развитие культуры связано с его укреплением, а ослабление – с редукцией или трансформацией.

Герои призваны являть образец человеческого достоинства, нужда в котором не ослабевает со временем. Эпос «собирает» нацию; интериоризация ценностей, транслируемых эпическими героями, важна для гражданской, национальной, личностной идентификации человека. Неслучайно поэтому эпические тексты знали все члены сообщества и передавались устно, а затем транслировались (или не транслировались, порождая «духовную нищету» [6]) в системе государственного образования.

Реальные люди вписываются в героические нарративы культуры благодаря своим поступкам, восхитившим современников, при этом «образцы героического поведения со временем отделяются в общественном сознании от их субъектов и начинают жить самостоятельной жизнью, что ведет к возникновению семантического статуса героизма» [12. С. 200]. Герой, по Е.О. Омеличкиной, – это не столько конкретная личность, сколько утвердившиеся в данной социокультурной системе личностный статус и роль. Герой как реальная личность должен удовлетворять тому образу героя, который укоренился в общественном сознании в рамках данного культурного и временного пространства [Там же].

В образе культурного героя воплощены черты, выходящие за пределы психологических качеств реального прототипа в область мифологем, легенд и значимых для каждого экзистенциальных смыслов: «Как только мы произносим одно из великих имен, оно тут же начинает длиться, в сознании... актуализируется образный ряд, целый символический комплекс, характеризующий экзистенциальную ситуацию» [13. С. 323]. Процесс героизации неизбежно предполагает идеализацию – понимание этого важно для осуществления психологической рефлексии относительно активно происходящих в российском медиапространстве процессов «развенчания» национальных героев: З. Космодемьянской, А. Матросова, Н. Гастелло, героев-панфиловцев и др. Понимая значение образов героев-защитников Родины для становления личности, важно понимать и то обстоятельство, что трансформация традиционных символов героев в большей степени оказывает влияние на детей и подростков, и место героического в их сознании могут занять иные образы – исходя из доминирования медиареальности, можно предположить, что этими образами станут транслируемые медиапродуктами «супергерои», чьи модели поведения безотносительны к критерию национально-культурной созидательности.

Проблема развития личности в медиапространстве – одна из наиболее сложных в современной науке в силу неуловимости, с одной стороны, и тотальности – с другой, процессов влияния медиа на сознание и поведение человека. Несомненность этого влияния, быстрота заполнения медийными текстами смысловых лакун, образующихся в культуре, распадающейся с традициями, их трансформирующая казавшиеся вечными ценности

роль являются основанием для суждения о том, что культурный образ героя претерпевает изменения, связанные с его медийной интерпретацией. Для медиаконтента образ героя является востребованным в силу его соответствия с сознанием каждого, архетипичностью, обеспечивающими «потребительскую привлекательность».

В работах современных ученых делаются попытки исследования экранной культуры с позиции реализуемого в ней процесса манипуляции массами через мифологические конструкции, к которым относится образ «народного героя» [14], изучения влияния моделируемой смысловой трансформации символических образов на процессы изменения национальной идентичности [15], формирования критичности к медиаконтенту [16], в том числе, к трансляции инокультурных стереотипов [17]; проводятся исследования роли супергероев в формировании социально ориентированного поведения детей [18].

Исследование доминирующего в культуре образа героя и понимание вектора его трансформации, обусловленного как историческими, так и медийно-манипулятивными детерминантами, важно в силу особой конструктивной, регулятивной силы образа героя, его отнесенности одновременно к глубинным бессознательным психическим образованиям, слою национально-культурного сознания и процессам индивидуального определения.

Гипотетическим предположением, легшим в основу нашего исследования, было суждение о том, что семантика образа героя подвержена трансформациям, зависящим от интерпретационных доминант, реализующихся в современном культурном пространстве. В условиях реализации принципа инкультурации (трансляция базовых, камертонных ценностей) в медиaprостранстве образ героя будет сохранять черты культурного (созидающего) героя. В условиях символической эклектики, медийного размышления традиционных представлений о героическом семантика образа героя будет претерпевать значимые изменения, причем процессы трансформации камертонного образа культурного героя более выражены у подростков, чем у взрослых.

Методы

Исследование представлений о герое проводилось, во-первых, с помощью опроса: респондентам предлагалось назвать (записать) известных им героев. При этом мы ставили целью посредством анализа персонифицированных образов героев – их хромотопических и культурных особенностей, мотивов и видов героических поступков – определить специфику актуализирующихся в сознании современников представлений о героическом.

Во-вторых, для выявления особенностей семантики образа героя был использован метод специализированного семантического дифференциала, исходя из цели исследования составленный из шкал: «волевой–безвольный», «нравственный–безнравственный», «стильный–безвкусный», «бедный–богатый», «практичный–непрактичный», «рассудительный–без-

рассудный», «величественный–ничтожный», «общественный–частный», «мудрый–наивный», «веселый–грустный», «доверчивый–недоверчивый», «открытый–закрытый», «сильный–слабый», «молчаливый–разговорчивый», «темный–светлый», «тихий–громкий», «шутник–серьезный». Полученные данные подвергались качественному анализу и количественной обработке с помощью методов описательной статистики, факторного анализа и непараметрического критерия Манна–Уитни.

Исследование проводилось в г. Ангарске Иркутской области и г. Скопье Республики Македония. В нем приняли участие 98 старших подростков: 53 россиянина (30 мальчиков и 23 девочки) и 45 македонцев (25 мальчиков и 20 девочек), а также 50 взрослых (25 россиян и 25 македонцев), из них 22 мужчины и 28 женщин, – всего 148 человек.

Результаты исследования и их анализ

На первом этапе исследования были выявлены опосредованные персоналиями представления испытуемых о «герое». Участники исследования, согласно установке, называли известных им героев. Анализ полученных данных показал, что образ героя в сознании современников обладает выраженной возрастной и национальной спецификой. У македонских респондентов – взрослых и подростков – обнаружена культурно ориентированная персонификация героев. В сознании македонцев герои – это исторические личности: полководцы, революционеры, участники национально-освободительного движения. Все участники исследования из г. Скопье назвали в качестве героев реальных людей. Причем существенных различий в персонифицированных представлениях о герое между взрослыми македонцами и подростками не обнаружено (персоны, названные испытуемыми более чем один раз, представлены в таблице).

**Персонифицированные образы героев
в представлении россиян и македонцев**

Россияне подростки	%	Россияне взрослые	%	Македонцы подростки	%	Македонцы взрослые	%
Участники ВОВ	24,2	Участники ВОВ	12	Александр Македонский	15,4	Александр Македонский	20
Бэтмен	15,2	Бэтмен	16	Гоце Делчев	27	Гоце Делчев	24
Юрий Гагарин	9,1	Юрий Гагарин	16	Питу Гули	23,1	Питу Гули	20
Человек-паук	18,2	Александр Матросов	16	Даме Груев	11,5	Даме Груев	12
Дэдпул	12,1	Алексей Маресьев	12	Никола Карев	11,5	Никола Карев	12
Илья Муромец	12,1	Зоя Космодемьянская	12	Яне Санданский	11,5	Тодор Николов	12
Петр 1	9,1	Георгий Жуков	16				

Ответы россиян иные: во-первых, всеми обозначен неперсонифицированный, обобщенный образ: «герои Великой Отечественной войны»;

во-вторых, среди персонафицированных образов в обеих группах (взрослые и подростки) представлены персонажи голливудских фильмов; в-третьих, подростками назван былинный герой (см. таблицу). Анализ показал существенные различия в представлениях взрослых и подростков: из реальных людей, совершавших героические поступки в недавнем непростом историческом прошлом, подростки назвали только имя космонавта Юрия Гагарина. И – ни одного имени героя Великой Отечественной войны, самого близкого нам «времени героев», которые могли бы быть живы и сегодня. Взрослые россияне назвали А. Матросова, А. Маресьева, З. Космодемьянскую.

Согласно полученным нами данным, в сознании российского подростка образ героя персонафицируется с Человеком-пауком, Бэтменом и Дэдпулом больше, нежели с героями-защитниками Отечества, которые представлены общим обозначением «герои войны». Мы полагаем, что это связано, во-первых, с направленной дегероизацией отечественного информационного пространства – девальвацией ценности национального героя: демифологизацией, «развенчанием» героических поступков А. Матросова, З. Космодемьянской, героев-панфиловцев и др. Причем образовавшиеся лакуны не восполняются введением в медиаконтент, утверждением новых культурных героев. В нашей медиареальности «герой», скорее, заменяется «поп-звездой», семантически близкой образу трикстера. Во-вторых, несомненно значительная роль голливудской медиапродукции в жизни школьников, посредством которой восполняется смысловой вакуум, в частности связанный с формированием представлений о героическом. Супергерои американских фильмов, как показали результаты исследования, стали частью героического пантеона в сознании российских школьников.

Включение подростками в число героев былинного богатыря Ильи Муромца также представляется связанным с активностью использования этого персонажа в медиатекстах, в частности в популярном среди школьников сериальном мультфильме о богатырях.

Анализ особенностей развивающего коммуникативного пространства показал, что в Македонии активны процессы формирования культурно-исторического сознания посредством современных медиатекстов, ориентации школьных занятий по истории и литературе на воспитание патриотизма, открытия памятников национальным героям. В городе, где проводилось исследование, реализован проект «Скопье-2014», направленный на установку памятников историческим личностям, скульптур и создание национальных музеев. Характер представлений о героическом, транслируемых в культурном пространстве, определяет формирование образа героя в его взаимосвязи с камертонными ценностями культуры или с трансформацией традиционной семантики категории героического.

На втором этапе исследования выявлялись особенности восприятия «героя» россиянами и македонцами с помощью метода семантического дифференциала. Испытуемые оценивали «героя» с помощью 17 биполярных шкал от (–3) до (3). Полученные данные обрабатывались с помощью методов математической статистики. Для определения надежности вычис-

ления элементов корреляционной матрицы и возможности ее описания с помощью факторного анализа использовались тест Кайзера–Мейера–Олкина (КМО) и коэффициент сферичности Бартлетта. При принятии решения о количестве факторов учитывались результаты теста Кайзера–Гутмана; определяя факторную структуру, мы руководствовались принципом простой структуры. При этом учитывалось требование однозначного соотношения каждого показателя с одним из факторов и критерием хорошей содержательной интерпретации фактора по двум и более исходным переменным. При применении к 17 показателям семантической оценки процедуры факторного анализа была составлена матрица смещения размером 17×148 . На основе данной матрицы смещения была получена корреляционная матрица 17×17 , которая затем подверглась процедуре факторного анализа методом максимального правдоподобия с вращением варимакс. При этом значение теста КМО составило 0,704, т.е. может оцениваться как среднее. Соответствующий коэффициенту сферичности Бартлетта уровень значимости составил 0,000, т.е. данные приемлемы для проведения факторного анализа.

На основе проведенного анализа получено шесть факторов, объясняющих 73% дисперсии переменных. В первый фактор с высокой факторной нагрузкой вошли шкалы «тихий–громкий» (0,794), «молчаливый–разговорчивый» (0,744), «темный–светлый» (0,711), «бедный–богатый» (0,671). Исходя из ассоциативных значений составивших фактор шкал он обозначен нами как «фактор невыразительности».

Второй фактор, названный «фактором нравственного действия», составили шкалы «волевой–безвольный» (0,823), «нравственный–безнравственный» (0,776), «сильный–слабый» (0,752).

В третий фактор вошли шкалы «мудрый–наивный» (0,755), «практичный–непрактичный» (0,753), «рассудительный–безрассудный» (0,732). Он обозначен как «фактор практичности».

Четвертый фактор составили шкалы «веселый–грустный» (0,834), «шутливый–серьезный» (0,691) и «общественный–частный» (0,648). Он назван «фактором веселости».

В пятый фактор вошли шкалы «стильный–безвкусный» (0,840) и «величественный–ничтожный» (0,805). Исходя из объединяющей эти шкалы семантики, он назван «фактором социальной моды».

Шестой фактор «открытости» составлен из шкал «доверчивый–недоверчивый» (0,765) и «открытый–закрытый» (0,754).

Таким образом, интегративная семантическая структура образа героя, согласно оценкам испытуемых, определяется содержательными категориями известности, готовности к нравственным поступкам, практичности, веселости, социальной моды и открытости.

Решая задачу выявления специфики семантической оценки «героя» российскими подростками, мы провели ее сравнение с семантической оценкой македонских подростков, а также взрослых обеих национальностей. Для определения достоверности групповых различий был использован непараметрический критерий Манна–Уитни.

Анализ факторных значений семантической оценки показал, что российские подростки оценивают «героя» как невыразительного ($F1 = 0,102$), не наделяют его готовностью к нравственным поступкам ($F2 = -0,27$), но при этом считают практичным ($F3 = 0,306$), веселым ($F4 = 0,19$), не модным ($F5 = -0,509$) и закрытым ($F6 = -0,318$). Сравнение с семантикой героя у взрослых респондентов показало, что существуют достоверные различия в значениях фактора готовности к нравственным поступкам ($p = 0,009$), фактора практичности ($p = 0,000$) и фактора веселости ($p = 0,012$).

Оценки «героя» российскими респондентами – взрослыми и подростками – свидетельствуют, что традиционная связь героического с готовностью к созиданию и защите, помощи, спасению, жертве во имя других людей, соответствующая значению фактора «готовность к нравственному поступку» ($F2$), выражена в семантических оценках взрослых россиян и не отражена в семантике героя у подростков (рис. 1). Редукция базовой для культурно героя характеристики – «готовности к нравственному действию» – представляется отражением деструктивных трансформаций категории героического в сознании школьников и основанием для психолого-педагогической рефлексии.

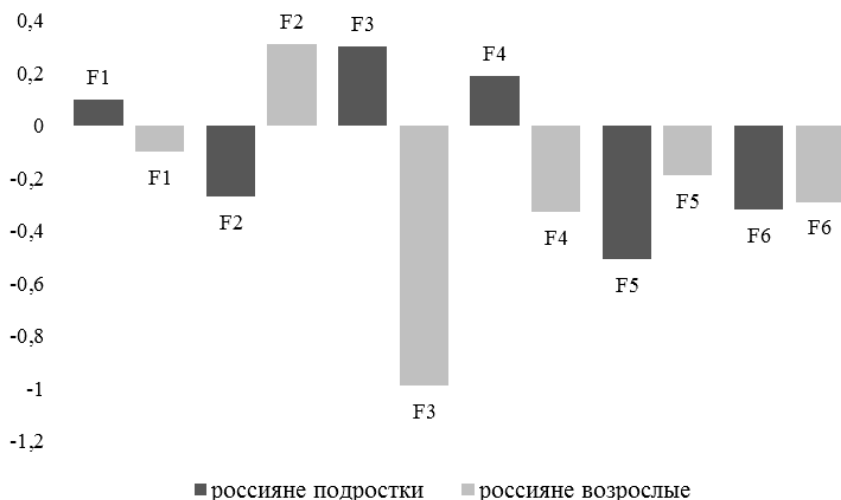

Рис. 1. Семантическая оценка героя взрослыми россиянами и подростками по факторам «невыразительность» ($F1$), «нравственное действие» ($F2$), «практичность» ($F3$), «веселость» ($F4$), «социальная мода» ($F5$) и «открытость» ($F6$)

Приписывание «герою» свойства практичности, рассудительности, отраженное в его семантической оценке подростками ($F3 = 0,306$), представляется менее соответствующим традиционным представлениям о «героическом», нежели оценка взрослых ($F3 = 0,997$).

Семантика веселости, которой наделили героя подростки ($F4 = 0,19$), в отличие от взрослых ($F4 = -0,331$), с одной стороны, также свидетельствует о трансформации традиционного образа героя-защитника в российской культуре, с другой – связывает этот образ с семантикой трикстера.

Анализ результатов исследования позволяет сделать вывод о трансформации камертонных представлений о герое у российских испытуемых, причем эти процессы выражены сильнее у подростков, чем у взрослых.

Сравнение семантических оценок героя российскими и македонскими подростками показало, что они различны на уровне статистической достоверности по факторам «нравственное действие» ($p = 0,000$), «социальная мода» ($p = 0,000$) и «открытость» ($p = 0,000$). Характерные для традиционной семантики культурного героя представления о нравственном поступке отражены в оценках подростков из Скопье ($F2 = 0,3$) и контрастируют с оценками россиян (рис. 2). Македонцы наделяют «героя» «социальной значимостью» ($F5 = 0,334$) и «открытостью» ($F6 = 0,344$), а для российских подростков он «не моден» ($F5 = -0,509$) и «закрыт» ($F6 = -0,318$).

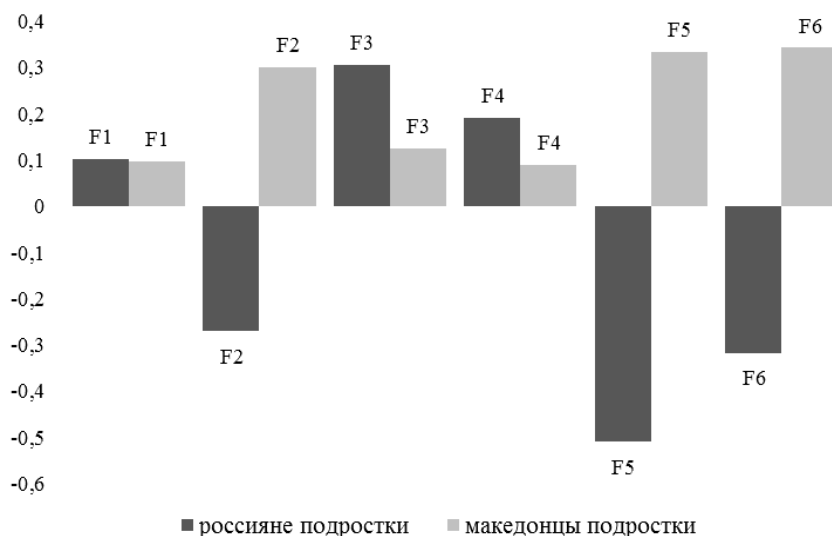

Рис. 2. Семантическая оценка образа героя российскими и македонскими подростками по критериям «невзрачность» (F1), «нравственное действие» (F2), «практичность» (F3), «веселость» (F4), «социальная мода» (F5) и «открытость» (F6)

Анализ семантической оценки «героя» показал значительные различия в оценках россиян и македонцев, а также российских подростков и взрослых. Процессы трансформации традиционной семантики образа героя в большей степени отразились в оценках российских школьников.

На рис. 3 представлено семантическое пространство оценок образа героя респондентами всех четырех групп по факторам «невзрачность» и «веселость». Семантика героя у взрослых обеих национально-культурных групп близка традиционной для культурного героя: для них он «значительный» и «невеселый». С другой стороны, представления подростков тоже близки: они наделяют героя семантикой «незначительности» и «веселости». При этом оценки подростков отдалены от традиционного героического образа защитника и создателя и приближены к образу героев комиксов или архаическому образу трикстера.

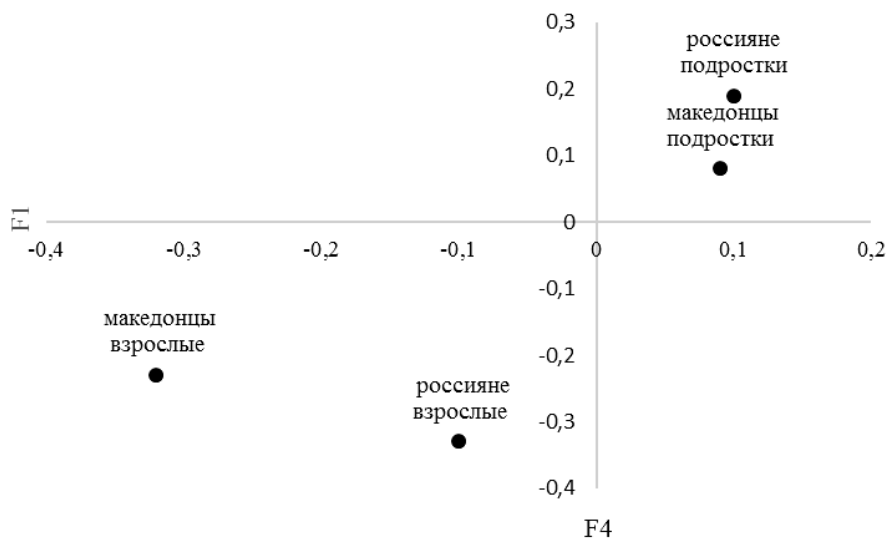

Рис. 3. Семантическая оценка образа героя по факторам «невывразительность» (F1) и «веселость» (F4)

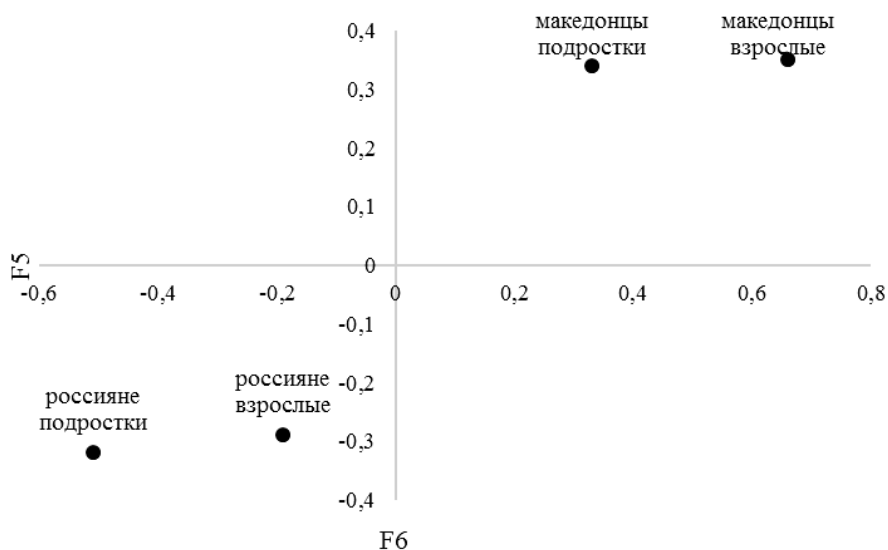

Рис. 4. Семантическая оценка образа героя по факторам «социальная мода» (F5) и «открытость» (F6)

Групповые оценки образа героя в семантическом пространстве факторов «социальная мода» (F5) и «открытость» (F6) дифференцированы по национально-культурному основанию: в сознании македонцев «герой» наделен семантикой открытости, доверчивости и «модности» – социальной престижности. Оценки россиян помещают «героя» в зону отрицательных значений – он «закрыт» и «немоден» (рис. 4).

Заключение

Проведенное исследование было направлено на выявление особенностей семантики образа героя в сознании современников, определение его особенностей, связанных с различиями презентации категории героического в разных культурных пространствах. Показано, что образ героя имеет большую значимость для формирования личности, ее установки на реализацию той или иной модели поведения в сложных ситуациях. Глубинная архетипическая природа образа героя связана с двумя противоположно направленными векторами реализации бессознательной энергии преодоления: созидательным и разрушительным. Первый вектор нашел отражение в мифологеме культурного героя, второй – трикстера. Становление и развитие национальной культуры связано с формированием ее героического пантеона, формированием традиций, связанных с укреплением в сознании людей образа культурного созидателя героя. В процессе исследования проверялась гипотеза о том, что особенности интерпретации образа героя в опосредованном медиакультурном пространстве определяют трансформации представлений о героическом в сознании современников.

В процессе сравнения образов героя у македонцев и россиян выявлены серьезные различия в особенностях персонификации героя и его семантике. Делегирование голливудским киногероям функции героического, как и отсутствие в ответах российских подростков имен героев Великой Отечественной войны, рассматривается как признак тревожной трансформации культурных установок.

Определены факторы семантической оценки образа героя; анализ их групповых значений показал, что базовая семантическая характеристика героя – его готовность в нравственном действии – редуцируется в сознании российских подростков, а следовательно, изменяется не только понимание категории героического, но и определяемая этой категорией направленность преодолевающего препятствия действия.

Показано, что традиционная культурная семантика героя больше отражена в оценках македонцев, причем у взрослых она выражена сильнее, чем у подростков. Подростки обеих выборок наделяют «героя» семантикой веселости и незначительности, что сближает его с трикстером. В группе россиян выявлены трансформированные представления о герое, и у подростков степень трансформации сильнее. Полученные результаты можно рассматривать как следствие смысловых доминант презентации героев в медиапространстве: усиления национально-культурной интерпретации героического в медиапространстве Македонии и активности процессов дегероизации в российских СМИ.

Литература

1. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. М. : Русский язык, 1994. Т. 1. 622 с.

2. Тахо-Годи А.А. Герой // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М. : Сов. энциклопедия, 1991. Т. 1. С. 294–297.
3. Мелетинский Е.М. Предки Прометея (культурный герой в мифе и эпосе) // Мелетинский Е.М. Избранные статьи. Воспоминания. М. : Рос. гос. гуманитарный ун-т, 1998. С. 334–357.
4. Сайкова Ю.А. Образ героя в народной культуре и русском классическом изобразительном искусстве // Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики : сб. докладов Всерос. науч.-практ. конф. (Белгород, 25–26 фев. 2016). Т. 1. С. 154–158.
5. Косарев А. Философия мифа: мифология и ее эвристическая значимость. М. : ПЕР СЭ ; СПб. : Университетская книга, 2000. 304 с.
6. Юнг К.Г. Архетип и символ. М. : Ренессанс, 1991. 299с.
7. Хендерсен Дж. Герои и их создатели // Человек и его символы / под ред. К.Г. Юнга. СПб. : Б.С.К., 1996. С. 126–148.
8. Severynova M. Значення та роль архетипів у етнонаціональній культурі // Вісник Національної академії керівних кадрів культури і мистецтв. 2013. № 2. С. 124–128.
9. Пропп В.Я. Русский героический эпос. М. : Лабиринт, 1999. 636 с.
10. Юнг К.Г. Роль символов // Человек и его символы. СПб. : Б.С.К., 1996. С. 105–117.
11. Булгаков С.Н. Два града. Исследование о природе нравственных идеалов. СПб. : Изд-во РХГИ, 1997. 589 с.
12. Омеличкина Е.О. Семиотические характеристики лингвокультурного типажа heros // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 4 (48). С. 200–205.
13. Подорога В. Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии: С. Киркегор, Ф. Ницше, М. Хайдеггер, М. Пруст, Ф. Кафка. М. : Ad Marginem. 1995. 426 с. URL: <https://www.freedocs.xyz/view-docs.php?pdf=445446069> (дата обращения: 30.03.2018).
14. Ромах О.В., Аксенов Ф.О. Антропологические обоснования символа «народного героя» в системе координат культуры // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 3, ч. 1. С. 70–74. URL: <http://expeducation.ru/ru/article/view?id=4665> (дата обращения: 30.03.2018).
15. Nagel J. Constructing Ethnicity – Creating and Recreating Ethnic-Identity and Culture // Social Problems. 1994. Vol. 41, is. 1. P. 152–176. DOI: 10.1525/sp.1994.41.1.03x0430n.
16. Ivanović M. Development of Media Literacy – an Important Aspect of Modern Education // Procedia Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 149. P. 438–442. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.08.284.
17. Kidd M.A. Archetypes, stereotypes and media representation in a multi-cultural society // Procedia Social and Behavioral Sciences. 2016. Vol. 236. P. 25–28. DOI: 10.1016/j.sbspro.2016.12.007.
18. Martin J.F. Children's attitudes toward superheroes as a potential indicator of their moral understanding // Moral Education. 2007. Vol. 36, is. 2. P. 239–250. URL: <https://doi.org/10.1080/03057240701325381> (дата обращения: 30.03.2018).

*Поступила в редакцию 27.04.2018 г.; повторно 21.05.2018 г.;
принята 24.09.2018 г.*

Сведения об авторах:

КЫШТЫМОВА Ирина Михайловна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии образования и развития личности Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия). E-mail: info@creativity.ru

АНГЕЛОВСКА Софья Николаевна, магистрант Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия). E-mail: kuzmishchevas@mail.ru

**THE SEMANTICS OF THE IMAGE OF A HERO: INTERCULTURAL DIFFERENCES
(ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN AND MACEDONIAN TEENAGERS)**

Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal – Siberian journal of psychology, 2018, 70, 103–117

DOI: 10.17223/17267080/70/8

Irina M. Kyshtymova, Sofia N. Angelovska, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: info@creativity.ru; kuzmishchevas@mail.ru

Keywords: archetype; cultural hero; traditional values; semantic evaluation; factor analysis; the media.

The article presents the results of the study of semantic evaluation of the image of a hero by Russian and Macedonian subjects. It is shown that the image of a hero is of great importance for the formation of personality, its mindset on the implementation of a particular model of behavior in difficult situations. The fundamental archetypal nature of the image of a hero is associated with two oppositely directed vectors of realization of the unconscious energy of overcoming: creative and destructive. The first vector is reflected in the mythology of a cultural hero; the second vector is in the mythology of a trickster. The formation and development of a national culture is associated with the formation of its heroic pantheon, the formation of traditions associated with the strengthening in the minds of people of the image of the cultural and creative hero. The study tested the hypothesis that the peculiarities of the interpretation of the image of a hero in the media space determine the transformation of the notions regarding the concept of 'heroic' in the minds of fellows contemporaries.

The study involved 148 people: 98 teenagers (53 Russians and 45 Macedonians) and 50 adults (25 Russians and 25 Macedonians). Initially the survey revealed personalized perceptions of the concept of a hero. It was found that the Macedonian subjects associated heroic image with the real-life historical figures: revolutionaries and freedom fighters. The Russian list of heroes included Hollywood characters, the epic image of Ilya Muromets, and the non-personalized 'heroes of the Great Patriotic War'. At the same time, not a single name of a real person as a hero of the Patriotic War was mentioned in the responses. This result in our opinion is associated with the processes of discrediting of heroes in the media space.

At the second stage of the study, the image of a hero was evaluated with the use of the semantic differential method. The statistical data processing determined the factor structure of the image of a hero: it is evaluated according to the criteria of 'inexpressiveness', 'moral action', 'pragmatism', 'cheerfulness', 'social trends', and 'openness'. Comparison of semantic assessments of the adolescents and the adults in the group of Russian respondents revealed significant differences, which allow us to conclude that in the minds of adolescents the image of a cultural hero is transformed approaching the image of a trickster. Comparison of the group evaluations of Macedonians and Russians showed that for the Macedonian respondents to be a 'hero' is much more prestigious and attractive.

The analysis of the activity of media processes associated with the transmission of heroic images and their interpretation shows that the orientation of the media to the establishment or devaluation of cultural perceptions of a hero is a determining factor of its transformation in the consciousness of an individual.

References

1. Chernykh, P.Ya. (1994) *Istoriko-etimologicheskiy slovar' russkogo yazyk* [Historical and Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.
2. Takho-Godi, A.A. (1991) Geroy [Hero]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Mify narodov mira* [Myths of the Nations of the World]. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 294–297.
3. Meletinskiy, E.M. (1998) *Izbrannye stat'i. Vospominaniya* [Selected articles. Memories]. Moscow: Russian state University for the Humanities. pp. 334–357.
4. Saykova, Yu.A. (2016) *Obraz geroya v narodnoy kul'ture i russkom klassicheskom izobrazitel'nom iskusstve* [Image of the hero in folk culture and Russian classical art of

- painting]. *Nauka. Kul'tura. Iskusstvo: aktual'nye problemy teorii i praktiki* [Science. Culture Art: Topical Problems of Theory and Practice]. Proc. of the Conference. Belgorod. February 25–26, 2016. Belgorod: [s.n.]. pp. 154–158. (In Russian).
5. Kosarev, A. (2000) *Filosofiya mifa: mifologiya i ee evristicheskaya znachimost'* [Philosophy of myth: mythology and its heuristic significance]. Moscow: PER SE; St. Petersburg: Universitetskaya kniga.
 6. Jung, K.G. (1991) *Arkhetip i simbol* [Archetype and symbol]. Translated from German. Moscow: Renessans.
 7. Hendersen, J. (1996) *Geroi i ikh sozdateli* [Heroes and their creators]. In: Jung, K.G. (ed.) *Chelovek i ego simvol* [Man and his symbols]. Translated by I. Sirenko, S. Sirenko, N. Sirenko. St. Petersburg: B.S.K. pp. 126–148.
 8. Severinova, M. (2013) *Znachennya ta rol' arkhetipiv u etnonatsional'niy kul'turi* [The meaning and role of archetypes in ethnonational culture]. *Visnik Natsional'noi akademii kerivnikh kadriv kul'turi i mistetstv*. 2. pp. 124–128.
 9. Propp, V.Ya. (1999) *Russkiy geroicheskiy epos* [Russian Heroic Epic]. Moscow: Labirint.
 10. Jung, K.G. (1996) *Rol' simbolov* [The role of symbols]. In: Jung, K.G. (ed.) *Chelovek i ego simvol* [Man and his symbols]. Translated by I. Sirenko, S. Sirenko, N. Sirenko. St. Petersburg: B.S.K. pp. 105–117.
 11. Bulgakov, S.N. (1997) *Dva grada. Issledovanie o prirode нравstvennykh idealov* [Two cities. A study on the nature of moral ideals]. St. Petersburg: RKHGI.
 12. Omelichkina, E.O. (2011) *Semioticheskiye kharakteristiki lingvokul'turnogo tipazha heros* [Semiotic characteristics of the linguocultural type of heros]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 4(48). pp. 200–205.
 13. Podoroga, V. (1995) *Vyrazhenie i smysl. Landshaftnye miry filosofii: S. Kirkegor, F. Nitshe, M. Khaydegger, M. Prust, F. Kafka* [Expression and Meaning. Landscape worlds of philosophy: S. Kierkegaard, F. Nietzsche, M. Heidegger, M. Proust, F. Kafka]. Moscow: Ad Marginem. [Online] Available from: <https://www.freedocs.xyz/view-docs.php?pdf=445446069> (Accessed: 30th March 2018).
 14. Romakh, O.V. & Aksenov, F.O. (2014) *Antropologicheskie obosnovaniya simvola "narodnogo geroya" v sisteme koordinat kul'tury* [Anthropological substantiation of the symbol of "national hero" in the coordinate system of culture]. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya*. 3(1). pp. 70–74. [Online] Available from: <http://expeducation.ru/ru/article/view?id=4665>. (Accessed: 30th March 2018).
 15. Nagel, J. (1994) *Constructing Ethnicity – Creating and Recreating Ethnic-Identity and Culture*. *Social Problems*. 41(1). pp. 152–176. DOI: 10.1525/sp.1994.41.1.03x0430n
 16. Ivanović, M. (2014) *Development of Media Literacy – an Important Aspect of Modern Education*. *Procedia. Social and Behavioral Sciences*. 149. pp. 438–442. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.08.284
 17. Kidd, M.A. (2016) *Archetypes, stereotypes and media representation in a multi-cultural society*. *Procedia. Social and Behavioral Sciences*. 236. pp. 25–28. DOI: 10.1016/j.sbspro.2016.12.007
 18. Martin, J.F. (2007) *Children's attitudes toward superheroes as a potential indicator of their moral understanding*. *Moral Education*. 36(2). pp. 239–250. DOI: 10.1080/03057240701325381

Received 27.04.2018;

Revised 31.05.2018;

Accepted 24.09.2018

УДК 159.923.35

DOI: 10.17223/17267080/70/9

В.М. Бызова, Е.И. Перикова

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Представления молодежи о психологическом благополучии и стратегиях его достижения

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-013-00256А.

В рамках данной работы предпринята попытка пилотажного изучения представлений о психологическом благополучии личности, стратегиях его достижения у современной молодежи.

В качестве методик исследования использованы шкала психологического благополучия К. Рифф (2005), Томский опросник ригидности Залевского (2000), авторская анкета. Были выделены причины неблагополучия личности, указываемые респондентами, стратегии его достижения: арефлексия, интроспекция, квазиарефлексия и системная рефлексия.

Ключевые слова: психологическое благополучие; стратегии преодоления неблагополучия; психическая ригидность личности; рефлексивность.

Введение

Понятие психологического благополучия широко используется в современной литературе с момента опубликования работ Н. Брэдбёрна [1]. За столь длительный период в мире произошли значительные изменения в области экономики, культуры, медицины, экологии, что, безусловно, оказало влияние на само содержание понятия «психологическое благополучие».

Среди зарубежных авторов за указанный период изменились представления о природе психологического благополучия (ПБ) от гедонистических воззрений, в которых благополучие описывается главным образом в терминах удовлетворенности–неудовлетворенности (Д. Канеман, Н. Брэдбёрн, Е. Динер), до эвдемонического понимания, в котором личностный рост рассматривается как главный и необходимый аспект благополучия (А. Уотермен, К. Рифф) [2].

В современных российских исследованиях понятие психологического благополучия пересекается с понятием психологического здоровья, причем оба эти понятия предполагают реализацию физических и духовных потенций человека. Оценка психологического благополучия в субъективных критериях конкретной личности отражает психологическое здоровье, однако до сих пор недостаточно внимания уделено изучению стратегий достижения как психологического здоровья, так и благополучия [3–7].

А.В. Воронина, исходя из уровневой модели пространства бытия человека, выделяет следующие уровни психологически благополучной личности: психосоматическое здоровье; социальная адаптированность; психическое здоровье, соответствующее социокультурному уровню бытия; психологическое здоровье, соответствующее духовно-практическому уровню бытия [8]. Таким образом, психологическое благополучие в уровневой модели А.В. Ворониной предстает как интегрирующее целое, включающее разные показатели здоровья, причем каждый уровень психологического благополучия дает личности обновленное представление о себе и новые возможности для реализации своего потенциала. По мнению автора, некорректно говорить о психологическом благополучии без достижения психологического здоровья.

В исследовании О.В. Ширяевой показано, что психологическое благополучие личности является залогом продуктивной жизнедеятельности и совладания с различного рода негативными воздействиями [9].

Согласно Т.Д. Шевеленковой и П.П. Фесенко, психологическое благополучие является самооценочным показателем целостности, базирующимся на интегральной оценке собственного бытия, не зависящим напрямую от наличия или отсутствия каких-либо психических и физических недугов или черт, присущих «здоровой личности» [10, 11].

Представляет практический интерес соотношение психологического благополучия и психической ригидности. Согласно Г.В. Залевскому, психическая ригидность рассматривается как свойство и состояние личности, характеризующее затрудненной перестройкой поведенческих актов, а также затрудненным усвоением нового опыта и переменами установок [12, 13]. Ю.А. Калашникова в дипломном исследовании обнаружила отрицательную связь между психологическим благополучием и психической ригидностью. Вероятно, ригидность является фактором, негативно воздействующим на психологическое благополучие, тогда как гибкость обладает потенциалом его усиления [14].

Согласно Д. Шапиро, при ригидном характере быстрота принятия решений заменяется навязчивым обдумыванием каждой предстоящей задачи как сложной и требующей обстоятельного решения. По мнению автора, деятельность ригидной личности вызвана неудачами в развитии волевого управления и контроля [15].

Настоящее исследование проведено с участием студенческой молодежи, поскольку в этот период происходит профессиональное становление, формируются ценностные образования личности, определяющие жизненные цели и смыслы. Исследования, посвященные адаптации молодежи к студенческой жизни, демонстрируют снижение психологического благополучия на первом курсе и постепенное его выравнивание к пятому курсу [16, 17]. В связи с этим важно понять, каким образом сами студенты определяют характер психологического благополучия и стремятся к его достижению. В то же время необходимо знать о конкретных и объективных причинах его снижения, способствующих переживанию чувства субъективного неблагополучия.

Целью настоящего исследования является изучение факторов психологического благополучия и субъективного неблагополучия молодежи, а также стратегий его преодоления. Исследование включает следующие эмпирические задачи:

1. Определение уровня психологического благополучия и особенностей психической ригидности в молодежной выборке.
2. Изучение представления молодежи о факторах субъективного неблагополучия личности.
3. Выявление возможных стратегий преодоления субъективного неблагополучия.

Гипотезы исследования:

1. Существует взаимосвязь между уровнями психологического благополучия и психической ригидностью, которая определяет стратегии совладания с трудными житейскими ситуациями.
2. Способы преодоления субъективного неблагополучия молодежи имеют социально-психологическую основу.
3. Представления молодежи о факторах субъективного благополучия включают эмоциональный, социальный, поведенческий и когнитивный компоненты.

Материалы и методики исследования

Участники исследования. В исследовании приняли участие 70 студентов второго курса факультета биологии Санкт-Петербургского государственного университета в возрасте 18–20 лет (22 юноши и 48 девушек). Все исследования проводились на практических и семинарских занятиях в период с февраля по апрель 2017 г.

Методики исследования. Исследование осуществлялось в два этапа. На первом этапе было проведено эмпирическое изучение параметров актуального психологического благополучия и психической ригидности. Для диагностики использована методика «Шкалы психологического благополучия» К. Рифф в адаптации Т.Д. Шевеленковой и Т.П. Фесенко с инструкцией: «Предлагаемые Вам утверждения касаются того, как Вы относитесь к себе и своей жизни» [10]. Содержание шкал соответствует модели психологического благополучия, предложенной К. Рифф [18]. Томский опросник ригидности Г.В. Залевского (ТОРЗ) предназначен для количественной и структурной оценки ригидности как свойства личности [12].

На втором этапе проводились анкетирование и интервьюирование, направленные на выявление представлений молодежи о субъективном неблагополучии и способах его преодоления в трудных жизненных ситуациях. В анкете были сформулированы следующие вопросы: «Что нужно сделать, чтобы помочь самому себе стать психологически благополучным?»; «Каковы возможные факторы субъективного неблагополучия личности?»; «Какие психологические особенности лежат в основе неблагополучия личности?»; «Чем конкретно обусловлены нарушения психологического бла-

гополучия?»; «Каковы возможные способы преодоления субъективного неблагополучия?»; «В чем состоит, по Вашему мнению, субъективный смысл психологического неблагополучия?»; «Приведите примеры, а также метафоры и фразеологизмы, отражающие суть психологического неблагополучия».

Статистическая обработка данных проводилась с помощью программы SPSS Statistics 19.0. Были использованы методы описательной статистики, кластерный анализ (метод Варда), анализ различий, контент-анализ.

Результаты исследования

Кластерный анализ показателей психологического благополучия и психической ригидности позволил выделить три группы студентов с разным уровнем благополучия: низким (16 респондентов – 23% выборки), средним (42 респондента – 60% выборки) и высоким (12 респондентов – 17% выборки).

Проведены множественные сравнения выделенных групп по параметрам психологического благополучия и ригидности (табл. 1).

Таблица 1

**Показатели психологического благополучия и ригидности
в группах респондентов**

Показатели психологического благополучия и ригидности	Лица со средними показателями психологич. благополучия (n = 42 чел.)	Лица с высокими показателями психологич. благополучия (n = 12 чел.)	Лица с низкими показателями психологич. благополучия (n = 16 чел.)	F	P
Положительные отношения с другими	58,16 ± 10,13	63,16 ± 8,40	51,87 ± 13,47	3,951	0,024
Автономия	57,50 ± 7,73	60,75 ± 9,82	61,56 ± 24,29	0,640	0,530
Управление окружением	55,23 ± 6,25	62,66 ± 6,35	51,81 ± 17,68	4,140	0,020
Личностный рост	65,57 ± 5,44	66,75 ± 9,67	56,68 ± 10,70	8,839	0,000
Цель в жизни	63,78 ± 7,07	66,58 ± 7,55	53,37 ± 9,29	13,274	0,000
Самопринятие	57,91 ± 9,13	65,75 ± 9,65	44,43 ± 14,36	15,244	0,000
Баланс аффекта	93,38 ± 13,63	83,58 ± 18,46	106,62 ± 30,13	5,136	0,008
Осмысленность жизни	97,14 ± 9,68	104,16 ± 11,11	83,37 ± 25,93	7,362	0,001
Человек как открытая система	66,33 ± 5,33	68,50 ± 7,026	59,0 ± 9,81	8,471	0,001
Суммарный показатель благополучия	358,21 ± 27,63	389,0 ± 31,76	303,62 ± 35,14	30,471	0,000
Общая ригидность	131,16 ± 22,23	93,66 ± 20,38	137,31 ± 37,88	11,352	0,000
Актуальная ригидность	32,69 ± 8,51	23,16 ± 10,76	35,5 ± 14,22	5,273	0,007
Сензитивная ригидность	30,8 ± 6,9	26,5 ± 13,73	25,56 ± 8,44	2,631	0,079

Таблица 1

Показатели психологического благополучия и ригидности	Лица со средними показателями психологич. благополучия (n = 42 чел.)	Лица с высокими показателями психологич. благополучия (n = 12 чел.)	Лица с низкими показателями психологич. благополучия (n = 16 чел.)	F	P
Установочная ригидность	31,64 ± 8,36	19,5 ± 10,1	35,25 ± 13,02	9,569	0,000
Ригидность как состояние	15,59 ± 4,28	11 ± 6,7	21,31 ± 10,58	8,674	0,000
Преморбидная ригидность	38,78 ± 8,66	27,25 ± 9,77	41 ± 15,84	6,717	0,002

Из табл. 1 видно, что респонденты первой группы со средним уровнем психологического благополучия имеют в целом нормативные значения по всем шкалам и характеризуются высоким уровнем общей ригидности ($131,16 \pm 22,23$) и ригидностью как состоянием ($15,59 \pm 4,28$). У респондентов обнаружена склонность к широкому спектру фиксированных форм поведения, что может проявляться в упрямстве, педантизме, состояниях страха, эмоционального стресса, переутомления или какого-либо болезненного состояния.

Респонденты второй группы с высоким уровнем психологического благополучия характеризовались прежде всего высокими показателями по следующим шкалам: управление окружением ($62,66 \pm 6,35$), цель в жизни ($66,58 \pm 7,55$), самопринятие ($65,75 \pm 9,65$), осмысленность жизни ($104,16 \pm 11,11$), общая шкала благополучия ($389,0 \pm 31,76$). Выборка отличалась умеренными значениями по всем шкалам ригидности, за исключением низкой установочной ригидности ($19,5 \pm 10,1$). Показатели свидетельствуют, что для респондентов были характерны чувство компетентности в управлении повседневными делами, способность эффективно использовать различные жизненные обстоятельства, умение совершать выбор и создавать условия, удовлетворяющие личностным потребностям и ценностям. Респондентов отличали выраженная способность к целеполаганию, высокое чувство осмысленности жизни и позитивное отношение к себе.

Третья группа респондентов характеризовалась низкими показателями по большинству шкал психологического благополучия: положительные отношения с другими ($51,87 \pm 13,47$); управление окружением ($51,81 \pm 17,68$), личностный рост ($56,68 \pm 10,70$), цель в жизни ($53,37 \pm 9,29$), самопринятие ($44,43 \pm 14,36$), осмысленность жизни ($83,37 \pm 25,93$), человек как открытая система ($59,0 \pm 9,81$), общая шкала благополучия ($303,62 \pm 35,14$). Данная группа отличалась склонностью к негативной самооценке (высокие показатели по шкале баланса аффекта ($106,62 \pm 30,13$)). Респонденты имели высокие значения по ряду шкал ригидности, отражающих в целом низкую пластичность: общая ригидность ($137,31 \pm 37,88$), ригидность как состояние ($21,31 \pm 10,58$) и преморбидная ригидность ($40 \pm 15,84$). Полученные данные свидетельствуют о фиксированных формах поведения, проявляющихся в подростковых паттернах поведения в юношеском возрасте. Обра-

щает на себя внимание низкая установочная ригидность, что может свидетельствовать об отсутствии ригидности на личностном уровне. Эти респонденты готовы к получению нового опыта, изменению привычных стратегий поведения, повышению уровня притязаний. В целом проявлялось недовольство самим собой, некоторыми чертами собственной личности, отсутствием способностей преодолевать жизненные препятствия и осваивать новые умения и навыки. Были характерны переживание собственной изолированности, неспособность поддерживать позитивные отношения с окружающими и нежелание идти на компромиссы. Чувство бессилия в реализации различных видов деятельности, переживании личностной стагнации, в отсутствии видимых жизненных перспектив и смысла жизни.

На основании контент-анализа данных анкетирования и интервью были выделены причины субъективного неблагополучия: эмоциональные, поведенческие, социальные, психологические и когнитивные.

Респонденты со средним уровнем психологического благополучия в качестве причин отмечали эмоциональные (50%), психологические (35%) и когнитивные (15%). Среди эмоциональных причин респонденты упоминали следующие: «страхи, опасения и беспокойство относительно будущего»; «недовольство, раздражение, огорчение и гнев»; «повышенная тревожность, неумение выражать свои чувства и эмоции». Среди психологических причин респонденты выделяли «слабость характера», «неуверенность в себе», «низкую самооценку» и «критические состояния, в которых человек становится опасен для себя и окружающих». Когнитивные причины нашли выражение в высказываниях: «отсутствие гармонии и непонимание себя»; «непозитивный взгляд на жизнь»; «склонность к негативным убеждениям».

Респонденты с высоким уровнем психологического благополучия отличались стремлением к самоанализу и описывали разнообразные причины субъективного неблагополучия: эмоциональные (37%), психологические (34%), поведенческие (12%), социальные (11%) и когнитивные (6%). В качестве эмоциональных причин подчеркивались: «преобладание пессимистического мироощущения», «мне себя жалко», «повышенная эмоциональность и высокая восприимчивость», «отсутствие положительных эмоций в жизни», «повышенная тревожность и неспособность отстраниться от проблем». Психологические причины: «неуверенность в себе», «неудовлетворенность жизнью», «слабая и неустойчивая нервная система», «комплекс неполноценности».

Респонденты с низким уровнем психологического благополучия отмечали, прежде всего, психологические причины (45%), среди которых «низкая самооценка», «склонность к интроверсии», «непринятие себя», «акцент на своих неудачах», «склонность быть манипулируемым». Среди эмоциональных причин (28%) респонденты подчеркивали страхи («постоянное раздражение, тревога и страх», «панические атаки») и негативные переживания («злость, направленная на себя», «ощущение себя несчастным», «депрессивность»).

Социальные проявления (12%) отражали «боязнь других людей» и отчужденность: «человек расходится с окружающим миром», «неприятие себя как части окружающего мира и социума, стремление отгородиться». В поведении (8%) неблагополучного человека респонденты отмечали «нежелание что-либо делать», «алкоголизм», «наркозависимость», «неожиданные истерики». Когнитивные причины (7%): «неспособность к самоанализу и отрешенность от происходящего», «отсутствие понимания и сочувствия», «излишняя самокритичность».

Таким образом, группа с низким уровнем психологического благополучия оказалась в зоне риска, поскольку респонденты проявляли явное недовольство собой, неудовлетворенность отсутствием способностей преодолевать жизненные препятствия и усваивать новые знания, жаловались на чувство бессилия в успешной реализации учебной деятельности, переживание личностной стагнации, отсутствие жизненных перспектив и смысла жизни.

В ходе анкетирования респонденты отмечали собственные стратегии достижения психологического благополучия, которые были нами систематизированы в четыре вида относительно фокуса сознания в соответствии с типами рефлексии: на внешний объект или «на задачу» (арефлексия), на самого субъекта (интроспекция), на себя и на объект одновременно (системная рефлексия), а также на посторонние объекты за пределами актуальной ситуации (квазирефлексия). Данная классификация является дифференциальной моделью рефлексии, предложенной Д.А. Леонтьевым и Е.Н. Осиным [19, 20].

Рассмотрим более подробно выраженность стратегий у лиц с разным уровнем психологического благополучия. Респонденты со средним уровнем психологического благополучия часто (55%) отмечали интроспекцию, связанную с концентрацией на собственном состоянии и переживаниях, например «постоянно контролировать и анализировать свое состояние при разных ситуациях», «приобрести контроль над собой и расставить приоритеты». На втором месте по популярности (30%) были квазирефлексивные стратегии, проявляющиеся, например, в чтении книг, поиске уединения, общении с разными людьми. Встречалась также системная рефлексия (9%): «оценить ситуацию целиком и разработать стратегию действий при стрессовых факторах», а также арефлексивные стратегии (6%): «нужно работать с проблемой».

Респонденты с высоким уровнем психологического благополучия часто использовали стратегии интроспекции (44%) и системной рефлексии (33%). Интроспекция была связана с когнитивными функциями: «начать анализировать жизненную ситуацию», «находить плюсы в своей жизни». Встречались акценты эмоциональной сферы: «понять свои чувства и эмоции, научиться их регулировать», «пользоваться самовнушением для регуляции».

Респонденты данной группы чаще всех использовали стратегию системной рефлексии, при которой характерна нацеленность на систематизацию собственных ресурсов в актуальной ситуации: «видеть положитель-

ные стороны в большинстве жизненных ситуаций и не заикливаться на этих проблемах», «получить больше знаний о мире, а следовательно, о понимании себя», «разобраться, что именно является причиной негативного мышления и работать над этим», «понять, какие аспекты собственной личности вызывают неприязнь к себе». В ряде случаев (17%) респонденты предлагали арефлексивные стратегии: «послушать тех, кто в этом разбирается», «не бросать начатое, если не получается». Реже всего была использована квазирефлексия – «отвлечься от волнующих проблем».

Респонденты с низким уровнем психологического благополучия жаловались на собственное состояние неудовлетворенности, однако испытывали затруднения в поиске стратегий самопомощи (51%). Тем не менее чаще всего встречалась интроспекция: «работа над собой, своей внутренней силой», «сосредоточиться, понять, что если не ты, то кто», «научиться жить позитивными переживаниями», «постоянная работа над собой и поиск себя». На втором месте по популярности были разнообразные виды стратегии квазирефлексии: «расслабиться», «поспать», «чтение литературы», «физические упражнения», «наполнить свою жизнь интересными занятиями и людьми», «вести активный образ жизни». Реже всего (9%) респонденты данной группы использовали стратегии арефлексии: «стремиться к примеру счастливого человека», «увидеть тех, кому на самом деле плохо», «делать, а не сидеть и не бояться неудач», а также системной рефлексии: «адекватно оценивать себя и окружающих», «отстраненно обдумать сложившуюся ситуацию и составить план действий».

В табл. 2 отражены представления молодежи о способах преодоления субъективного неблагополучия в разных группах опрошенных.

Таблица 2

Представления молодежи о способах преодоления субъективного неблагополучия в разных группах

Способы преодоления	Низкий уровень ПБ	Средний уровень ПБ	Высокий уровень ПБ
Когнитивный	Изменить стиль мышления	Мыслить позитивно, понимать себя. Распознавать свои проблемы	Пересмотреть свои взгляды на мир. Видеть позитивные стороны в ситуациях
Эмоциональный	Каждый день радоваться. Начать любить себя. Заниматься самовнушением	Анализировать чувства и психические состояния	Научиться регулировать свои эмоции. Пользоваться самовнушением
Социальный	–	Общаться с разными людьми	Прислушиваться к советам специалистов
Поведенческий	Начать вести активный образ жизни	Приобрести контроль над собой	Разобраться в сути неблагополучия и решить проблему

Из табл. 2 можно видеть, что лица с высоким уровнем психологического благополучия отличались большим спектром способов и стратегий, обеспечивающих успешность саморегуляции поведения. Стратегии отра-

жали те сферы жизнедеятельности, которые служат ресурсными для респондентов. Стратегии обеспечивали успешность саморегуляции поведения.

В случаях низкого уровня благополучия подчеркивались следующие стратегии: когнитивная («изменить стиль мышления»); эмоциональная («каждый день радоваться», «начать любить себя», «заниматься самовнушением»); поведенческая («начать вести активный образ жизни»).

Вопрос о метафорах и фразеологизмах, отражающих суть психологического неблагополучия, вызвал затруднение у респондентов. Только треть испытуемых смогли привести примеры: «Как в воду опущенный»; «Пасть духом»; «Сизифов труд»; «Устать от жизни»; «Неприкаянная душа»; «Буря в стакане»; «Кровь кипит в жилах»; «Белая ворона»; «Под лежачий камень вода не течет»; «Сидеть как на иголках»; «Лист измятой и разглаженной бумаги».

Обсуждение результатов

Полученные результаты подтвердили выдвинутое предположение о том, что характеристики психологического благополучия и психической ригидности отличаются в разных группах молодежи. Использование опросных методов позволило оценить актуальный уровень психологического благополучия молодежи, а также исследовать представления о стратегиях его достижения, способах преодоления субъективного неблагополучия. Анализ результатов позволил выделить три группы испытуемых с разным уровнем актуального психологического благополучия и основными факторами субъективного неблагополучия. Описаны предпочтительные стратегии процесса преодоления состояния неблагополучия в разных группах респондентов. Отмечена значимая роль эмоциональных и когнитивных способов работы над собой, поддерживающих у субъекта чувство уверенности в своих возможностях достижения желаемого.

Особенностью лиц с низким уровнем психологического благополучия были глубокие, по сравнению с высоким уровнем, представления о причинах неудовлетворенности, однако имелись поверхностные представления о стратегиях преодоления субъективного неблагополучия. Данной группе были в большей степени свойственны стратегии интроспекции и квазирефлексии. Респонденты со средним уровнем психологического благополучия подробно описывали эмоциональные и психологические причины неблагополучия, предпочитая стратегии интроспекции.

Респонденты с высоким уровнем психологического благополучия среди причин неблагополучия выделяли эмоциональные и психологические факторы, однако чаще всего использовали стратегию системной рефлексии. По мнению ряда авторов, системная рефлексия оказывается наиболее объемной и многогранной, поскольку позволяет видеть ситуацию взаимодействия, как полюс субъекта, объекта и альтернативные возможности. Д.А. Леонтьев сравнивает системную рефлекссию с базовым феноменом логотерапии В. Франкла «самодистанцирование» [19].

Каждая стратегия отражает тот или иной способ адаптации к возможным изменениям жизненных ситуаций, а также специфику психической саморегуляции. Анализ полученных результатов позволяет предположить, что стратегии саморегуляции выполняют существенную роль в преодолении субъективного неблагополучия и увеличении уровня удовлетворенности жизнью.

Выводы

1. Выделены три группы студентов: с высоким, средним и низким уровнем психологического благополучия. Выборка с низким уровнем обладала высокой установочной ригидностью, блокирующей необходимость изменений себя, отличалась поверхностными представлениями о возможных способах преодоления субъективного неблагополучия.

2. Выявлены основные причины субъективного неблагополучия и способы его преодоления (арефлексия, интроспекция, системная рефлексия, квазирефлексия) в разных группах. В зоне риска находятся испытуемые с низким уровнем благополучия, поскольку склонны акцентировать негативные переживания, ощущение «несчастливости», свои неудачи, свою неспособность к самоанализу, отсутствие мотивации что-либо делать, отчужденность и боязнь других людей.

Литература

1. Bradburn N. The Structure of Psychological Well-Being. Chicago : Aldine Publishing Company, 1969. 318 p.
2. Ryan R.M., Deci E.L. Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being // American Psychology. 2000. Vol. 55, № 1. P. 68–78. DOI: 10.1037/110003-066X.55.1.68.
3. Никифоров Г.С. У истоков психологии здоровья // Вестник СПбГУ. Сер.12. Вып.4. 2009. С. 3–16.
4. Никифоров Г.С. Психология здоровья. СПб., 2002. 256 с.
5. Шингаев С.М. Здоровая личность: структура и направления развития // Здоровая личность. СПб., 2013. С. 176–213.
6. Корниенко Д.С. Личностные предикторы психологического благополучия // Фундаментальные исследования. 2014. Вып. 2. С. 429–432.
7. Пуговкина О.Д., Шильникова З.Н. Концепция mindfulness (осознанность): неспецифический фактор психологического благополучия // Современная зарубежная психология. 2014. Т. 3, № 2. С. 18–28.
8. Воронина А.В. Оценка психологического благополучия школьников в системе профилактической и коррекционной работы психологической службы : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.04. Томск, 2002. 220 с.
9. Ширяева О.В. Психологическое благополучие личности в экстремальных условиях жизнедеятельности : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01. Петропавловск-Камчатский, 2008. 254 с.
10. Шевеленкова Т.Д., Фесенко П.П. Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методика исследования) // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95–129.

11. Фесенко П.П. Имеет ли понятие психологического благополучия социально-культурную специфику? // Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2, № 4. С. 132–138.
12. Залевский Г.В. Томский опросник ригидности Г.В. Залевского (ТОРЗ) // Сибирский психологический журнал. 2000. № 12. С. 130–137.
13. Залевский Г.В. Личность и фиксированные формы поведения. М. : ИП РАН, 2007. 336 с.
14. Бызова В.М., Перикова Е.И., Калашникова Ю.А. Уровень рефлексивности как фактор психологического благополучия // Психологическая антропология: диалог парадигм : сб. материалов VI Сибирского психологического форума (12–14 ноября 2015 г., г. Томск). Томск : Издательский Дом Том. государственного университета, 2016. С. 37–42.
15. Шапиро Д. Автономия и ригидная личность. М. : НФ Класс, 2009. 160 с.
16. Григоренко Е.Ю. Психологическое благополучие студентов и определяющие его факторы // Проблемы развития территории. 2009. Т. 2, № 2 (48). С. 98–105.
17. Тарасова Л.Е. Психологическое благополучие студентов на этапе адаптации к образовательной среде вуза // Психология развития. 2014. № 4. С. 53–61.
18. Riff C.D. The structure of psychological well-being revisited // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. Vol. 69, № 4. 1995. P.719–727.
19. Леонтьев Д.А., Осин Е.А. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология: журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11, № 4. С. 110–135.
20. Леонтьев Д.А. Позитивная психология – повестка для нового столетия // Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9, № 4. С. 36–58.

*Поступила в редакцию 09.07.2017 г.; повторно 11.02.2018 г.;
принята 31.05.2018 г.*

Сведения об авторах:

БЫЗОВА Валентина Михайловна, доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: vbysova@mail.ru

ПЕРИКОВА Екатерина Игоревна, ведущий специалист отдела организации научных исследований по направлениям история, психология, философия и юриспруденция Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: chikurovaEI@gmail.com

REPRESENTATIONS OF YOUNG PEOPLE ABOUT PSYCHOLOGICAL WELL-BEING AND THE STRATEGIES TO ACHIEVE IT

Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology, 2018, 70, 118–130.

DOI: 10.17223/17267080/70/9

Valentina M. Bysova, Ekaterina I. Perikova, Saint-Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Keywords: psychological well-being; coping strategies; mental rigidity of a person; reflexivity.

The article presents the empirical pilot study. The aim of the study is to describe representations of psychological well-being, factors of subjective ill-being and ways to overcome this condition among young people. The study involved 70 students from St. Petersburg State University, including 48 ladies and 22 young men, from 18 to 20 years of age. Methods of research: The Scale of psychological well-being by C. Ryff in adaptation of T.D. Shevelenkova, T.P. Fesenko; Tomsk Questionnaire of Rigidity of Zalevskiy, an author's questionnaire aimed at identifying the perceptions of psychological well-being and ill-being of a personali-

ty, as well as metacognitive self-regulation strategies. The article also presents the qualitative and quantitative analysis of the results.

Based on the quantitative data of the scale of psychological well-being, the respondents were divided into three groups: low (23% respondents), medium (60% respondents) and high (17% respondents) indicators of psychological well-being.

With the help of the qualitative analysis of the responses, we identified the causes of ill-being and the strategies causing it. We identified four metacognitive strategies: areflexia, introspection, quasi-reflexion, and systematic reflection. Introspection strategy involves concentrating on one's own status and experiences. The strategy of areflexia was expressed in the respondent's fixation on an external object or "on a task". Quasi-reflexion is a fixation on some third-party objects outside of the current situation. Systematic reflection was the most effective strategy because respondents could see the situation of interaction, as the pole of the subject, object and alternative possibilities.

The study showed that individuals with a low level of psychological well-being had a broad perception of the causes of personal dissatisfaction and a narrow perception of self-regulation strategies. The introspection and quasi-reflexion strategies were more typical to the respondents from this group. Respondents with the medium level of psychological well-being described in detail the emotional and psychological causes of distress, and preferred introspection strategies.

Respondents with a high level of psychological well-being identified emotional and psychological factors among the causes of ill-being. They used the strategy of systematic reflection more often than the other respondents.

Each strategy is a certain way to adapt to possible changes in life situations and are specific mental self-regulation processes.

References

1. Bradburn, N. (1969) *The Structure of Psychological Well-Being*. Chicago: Aldine Publishing Company.
2. Ryan, R.M. & Deci, E.L. (2000) Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being. *American Psychology*. 55(1). pp. 68–78. DOI: 10.1037/110003-066X.55.1.68.
3. Nikiforov, G.S. (2009) U istokov psikhologii zdorov'ya [At the origins of health psychology]. *Vestnik SPbGU. Ser.12 – Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12*. 4. pp. 3–16.
4. Nikiforov, G.S. (2002) *Psikhologiya zdorov'ya* [Health psychology]. St. Petersburg: Rech'.
5. Shingayev, S.M. (2013) Zdorovaya lichnost': struktura i napravleniya razvitiya [Healthy personality: structure and development directions]. In: Nikiforov, G.S. et al. *Zdorovaya lichnost'* [Healthy personality]. St. Petersburg: Rech'. pp. 176–213.
6. Kornienko, D.S. (2014) Personal characteristics as a predictors of psychological well-being. *Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental Research*. 11(2). pp. 429–432. (In Russian).
7. Pugovkina, O.D. & Shilnikova, Z.N. (2014) Kontseptsiya mindfulness (osoznannost'): nespetsificheskiy faktor psikhologicheskogo blagopoluchiya [The concept of mindfulness: nonspecific factor of psychological well-being]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya – Journal of Modern Foreign Psychology*. 3(2). pp. 18–28.
8. Voronina, A.V. (2002) *Otsenka psikhologicheskogo blagopoluchiya shkol'nikov v sisteme profilakticheskoy i korrektsionnoy raboty psikhologicheskoy sluzhby* [Evaluation of schoolchildren psychological well-being in the system of prophylactic and remedial work of the psychological service]. Psychological Cand. Diss. Tomsk.
9. Shiryayeva, O.V. (2008) *Psikhologicheskoe blagopoluchie lichnosti v ekstremal'nykh usloviyakh zhiznedeystel'nosti* [Psychological well-being of the individual in extreme life conditions]. Psychological Cand. Diss. Petropavlovsk-Kamchatskiy.

10. Shevelenkova, T.D. & Fesenko, P.P. (2005) Psikhologicheskoe blagopoluchie lichnosti (obzor osnovnykh kontseptsiy i metodika issledovaniya) [Psychological well-being of the individual (review of basic concepts and research methods)]. *Psikhologicheskaya diagnostika*. 3. pp. 95–129.
11. Fesenko, P.P. (2005) Imet li ponyatie psikhologicheskogo blagopoluchiya sotsial'no-kul'turnuyu spetsifiku? [Does the concept of psychological well-being have socio-cultural specificity?]. *Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2(4). pp. 132–138.
12. Zalevskiy, G.V. (2000) Tomskiy oprosnik rigidnosti G.V. Zalevskogo (TORZ) [Tomsk questionnaire of rigidity by G.V. Zalevsky (TORZ)]. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 12. pp. 130–137.
13. Zalevskiy, G.V. (2007) *Lichnost' i fiksirovannye formy povedeniya* [Personality and fixed forms of behaviour]. Moscow: RAS.
14. Byzova, V.M., Perikova, E.I. & Kalashnikova, Yu.A. (2015) [The level of reflexivity as a factor of psychological well-being]. *Psikhologicheskaya antropologiya: dialog paradigm* [Psychological anthropology: a dialogue of paradigms]. Proc. of the Siberian Psychological Forum. Tomsk, November 12–14, 2015. Tomsk: Tomsk State University. pp. 37–42. (In Russian).
15. Shapiro, D. (2009) *Avtonomiya i rigidnaya lichnost'* [Autonomy and a rigid personality]. Moscow: NF Klass.
16. Grigorenko, Ye.Yu. (2009) Students' psychological well-being and its determinants. *Problemy razvitiya territorii – Problems of Territory's Development*. 4(48). pp. 98–105. (In Russian).
17. Tarasova, L.E. (2014) Psikhologicheskoe blagopoluchie studentov na etape adaptatsii k obrazovatel'noy srede vuza [Psychological well-being of students at the stage of adaptation to the educational environment of the university]. *Psikhologiya razvitiya*. 4. pp. 53–61.
18. Ryff, C.D. (1995) The structure of psychological well-being revisited. *Journal of Personality and Social Psychology*. 69(4). pp. 719–727. DOI: 10.1037/0022-3514.69.4.719
19. Leontiev, D.A. & Osin, E.A. (2014) “Good” And “Bad” Reflection: From An Explanatory Model To Differential Assessment. *Psikhologiya: zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 11(4). pp. 110–135. (In Russian).
20. Leontiev, D.A. (2012) Positive Psychology: An Agenda for the New Century. *Psikhologiya: zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 9(4). pp. 36–58. (In Russian).

Received 09.07.2017;

Revised 11.02.2018;

Accepted 31.05.2018

УДК 159.9; 316.4

DOI: 10.17223/17267080/70/10

И.А. Николаева, Ю.И. Зайнулина

Курганский государственный университет (Курган, Россия)

Образы Других в сознании педагогов, проживающих в городе, селе и северном поселении

Описаны образы Других, представленные в сознании педагогов. Предполагается, что образы Других имеют специфику, обусловленную особенностями социализации человека в месте его проживания. Проведен анализ институционально-ролевого состава и ценностных оценок Других у педагогов из города, села и северного поселения. Использована авторская методика имплицитного анализа ценностных отношений к себе и Другим. Найдены различия ($p \leq 0,05$ и $p \leq 0,01$) между группами. У педагогов города преобладают значимость реальных Других в противовес виртуальным, ориентация на коллег, высокая самооценочность и критичность к Другим. Для педагогов села характерны ориентация на семью и соседей, сниженная значимость профессиональной среды и сниженные оценки Других. У педагогов северного поселения наибольшая значимость и позитивная переоценка профессиональной среды сочетаются со значимостью виртуальных Других и отчуждением от школьной среды.

Ключевые слова: образы Других; значимые Другие; место проживания; педагоги; институционально-ролевая структура; ценностные отношения; имплицитная значимость; социализация.

Другой и Другие – это важнейшая многоаспектная предметная область социальной психологии. Отношения к себе и Другим являются профессионально значимыми для учителя. Они важны для эффективного взаимодействия со всеми участниками образовательного процесса, а также для социально-психологического здоровья учителя, его личностной самореализации и жизни в целом.

В концепции И.А. Николаевой [1], базирующейся на идеях Л.С. Выготского, А.В. Петровского, В.А. Петровского (Петровский А.В., Петровский В.А., 1982, 1985, 1991), образы Других в сознании субъекта рассматриваются как репрезентанты социальной ситуации развития личности. Другие, доступные сознанию человека, легко воспроизводимые им в процессе свободного ассоциирования, интерпретируются нами как включенные в текущие интересы человека, актуальные для настоящего периода жизни. Доступность сознанию мы рассматриваем как объективный признак имплицитной значимости Другого.

Другие, составляющие содержание сознания, несут в себе разноплановую информацию и отличаются разным уровнем значимости. После-

дующая осознанная оценка образов Других, доступных сознанию, позволяет уточнить контексты и уровни значимости Других. Образы и оценки Других, субъективные по своей природе, удобны для объективной количественной оценки различных параметров социализации или социальной ситуации развития.

В настоящей работе анализ образов Других проведен по следующим компонентам:

1. Типичные *институциональные роли*, представленные образами Других. Спектр институционально-ролевой структуры Других дает картину избирательности социально-ролевых отношений, указывает на включенность [2] педагогов в определенные социальные группы.

2. *Ценностные отношения* к себе и Другим, проявляющиеся в *ценностных оценках* Других.

Ценностное отношение и ценностная оценка, в отличие от эмоциональной оценки, являются максимально обобщенными, связанными с контекстом осознаваемого «настоящего периода жизни», а не текущей ситуации. Критерии ценностной оценки далеко не всегда осознаются, они переживаются как обобщенные категории «наилучшего», «высшего», «идеального» или «наихудшего», «ужасного», «антиидеального» и т.п. Важнейший критерий – ценность Я, или самооценочность. Ценностная оценка в системе критериев «антиидеальное–Я–идеальное» позволяет упорядочить социальные, межличностные, смысловые отношения индивида на основе значимости для настоящего периода жизни. Ценностные критерии функционируют как «установки ценностного оценивания» [3].

Указанные критерии, или установки ценностной оценки, позволяют выделить параметры ценностных отношений к себе и Другим, характеризующие общее позитивное / негативное мировосприятие человека, соотносительную ценность себя и Других, склонность к идеализации в контексте настоящего периода жизни. Это следующие параметры:

- самооценочность (интегральная самооценка);
- склонность оценивать Других как «идеальных»;
- «порог идеального» как степень отличия максимальных оценок от абсолютно высокого значения;
- склонность оценивать Других как «антиидеальных»;
- «порог антиидеального» как степень отличия «антиидеального» от абсолютно низкого значения;
- склонность ценить Других «выше среднего»;
- склонность ценить Других «выше Я»;
- склонность ценить Других как «равноценных Я».

Таким образом, отношения к себе и Другим в настоящей работе описываются как *институционально-ролевая структура Других, представленных в сознании индивида, и особенности ценностного отношения к ним*, что и является **объектом исследования**.

Место проживания как фактор социально-психологических явлений

Место проживания является интегральным фактором среды. В психологии рассматриваются такие *феномены*, как «чувство места» [4], привязанность к месту [5], значение и смысл места [6], идентичность с местом [7], идентичность с окружающей средой в ее различных аспектах [8]. Место проживания имеет социально-экономические, культурно-исторические, экологические аспекты, климатические условия и ландшафт, численность города и уровень урбанизации, уровень миграции и т.д.

В связи с масштабом города изучаются *феномены самосознания*: идентификация с сообществом и социальное поведение [9]; личная / коллективная идентичность и чувство счастья [10]; ценности, смыслы и представления о реализуемости базовых ценностей [11–14]. С.А. Богомаз [14] указывает на взаимосвязь ощущения полноты, осмысленности жизни со степенью «вовлеченности в мир», в процессы общественных изменений, которые предоставляют человеку возможность пользоваться всеми ресурсами свободы современного развивающегося общества. Наибольшей степенью «вовлеченности» характеризуются крупные промышленные города, региональные центры.

Изучаются также *представления* о большом и малом городе [15]. Образ «города-мечты» близок у жителей большого и малого городов и приближается к реальности малого города, соразмерной человеку [16].

В связи с устойчивостью социальной среды и сменой места жительства описаны специфические *мотивационно-поведенческие феномены*: мотивация достижения и мотивация дефицита [17]; индивидуальный образ возможного будущего [18]; мотивация к расширению своей социальной сети, озабоченность по поводу социальной поддержки в новом месте проживания [19]; специфическая структура дружеских связей [20].

Психология педагогов села, города и северных поселений

Современные сравнительные данные о психологии педагогов в выбранных для исследования регионах России невелики. Педагоги *северного региона* изучаются в связи с национальной культурой, климатом, миграционными процессами. Прежде всего проявляется интерес к функциональному состоянию и здоровью педагогов [21], изучается этнокультурная компетенция, социально-психологическая адаптация [22], профессионально-личностное самочувствие педагогов Севера [23].

Психологические исследования педагогов *малого города* обращены на ценностно-смысловые характеристики профессиональной самореализации личности [17] и на профессиональное самочувствие [23]. Е.А. Соколовой описан стереотипный образ учителя в прессе провинциального города, который может служить обобщенной характеристикой представлений о педагоге малого города: «любовь к детям и доброта (45%), погруженность

в свою специальность (60%), организаторские способности (65%)... организованная и сосредоточенная на работе опрятная женщина средних лет... с не вполне благополучным материальным положением» [24. С. 182].

Е.А. Кукуев в сравнении города и села, педагогов и учащихся находит, что жители села выше оценивают потенциальные возможности своей среды, чем горожане [25]. В группе педагогов автор выявил паттерн ценностей: работа посредством индивидуализации и повышения собственной значимости – материальная обеспеченность как свобода – полнота жизни и любовь в семье.

Специфика социальной психологии *сельского педагога* рассматривается в аспектах взаимодействия педагога с родителями [26], коммуникативной компетентности, исполняемых социальных ролей [27]. Л.В. Байбородова на основе педагогического опыта дает обобщенную социально-психологическую характеристику сельским педагогам: «Сельский учитель – это энтузиаст, патриот школы, села, предан своему делу, заботлив и трудолюбив, скромен и бескорыстен, воспринимает учеников как своих собственных детей». Автор указывает на «большие эмоциональные перегрузки в сравнении с городскими учителями»; отмечается «психологическая напряженность педагога в связи с ограниченностью, бедностью его социальных и профессиональных контактов, в то же время перегруженностью и многоаспектностью проблем, которые приходится ему решать», «тревожность, неуверенность в своих силах и возможностях, заниженная самооценка», «стереотипность в решении учебных и воспитательных задач» [28. С. 32–35].

Описание отношений к себе и Другим подразумевается во всех работах, но систематически Другие и отношение к ним не изучаются.

Таким образом, задача выявления и описания структуры *значимых Других и ценностных отношений к ним* у педагогов из разных мест проживания имеет теоретическую и практическую значимость для понимания региональных особенностей социализации педагогов и их педагогической деятельности.

Основная цель работы: описать и сравнить особенности образов Других, представленных в сознании педагогов из трех мест проживания.

Предмет исследования: институционально-ролевая *структура значимых Других и особенности ценностного отношения к ним* у педагогов, проживающих в городе, селе и северном поселении.

Методы и процедура. Метод сбора данных – «Ценностная вертикаль» И.А. Николаевой [29, 30]. Работа респондентов включает три этапа: 1) актуализация Других, доступных сознанию (участники записывали всех людей, «кто приходит в голову» под порядковыми номерами в количестве 50 чел.); 2) приписывание атрибутов (участники указывали институциональную роль каждого Другого и добавляли «одно-два слова, что я могу сказать об этом человеке»); 3) ценностная оценка (участники отмечали «место» каждого на неградуированной вертикальной шкале «антиидеальное–Я–идеальное»). Параметры ценностных отношений указаны выше. Методы анализа данных: описательная статистика, контент-анализ, оценка

значимости различий по t-критерию Стьюдента для независимых групп, кластерный анализ методом k-средних Мак Куина.

Выборка: три группы учителей-женщин, отличающихся местом проживания: 113 чел. из Мишкинского района Республики Башкортостан, 78 чел. из г. Стерлитамака Республики Башкортостан, 75 чел. из поселка Нижний Сортых Ханты-Мансийского округа, из которых 52 – приезжие. Сбор данных проведен с 2010 по 2012 г. Средний возраст учителей – 42 года.

Результаты исследования

Институционально-ролевая структура Других. В списке каждого участника из 50 Других в среднем 15 человек были представлены **единичными** ролями (например, «подруга сестры», «продавщица», «уборщица в школе») или обозначались как «знакомые». Их мы не включили в дальнейший анализ. Остальные персонажи списков относились к категориям «родственники», «коллеги», «ученики», «друзья», «соседи», «звезды»¹. Эти роли стали основой сравнительного межгруппового анализа. В табл. 1. представлена институционально-ролевая структура Других в трех выборках. Кроме того, для «коллег» и «учеников» учитывался позитивный или негативный характер приписанных атрибутов.

Таблица 1

Количество упоминаний институционально-ролевых категорий в группах городских, сельских педагогов и педагогов северного поселения

Категории анализа	Среднегрупповое количество упоминания категорий в трех выборках			Уровень значимости различий по t-критерию Стьюдента при попарном сравнении групп		
	Педагоги города	Педагоги северного поселения	Педагоги села	Город / северный поселок	Северный поселок / село	Город / село
Родственники	16,2	12,3*	16,5	0,01	0,01	—
Друзья	5,4*	3,9	2,7*	0,01	0,01	0,01
Соседи	2,4	2,4	4,1*	—	0,01	0,01
«Звезды»	2,5*	10,7	7,5	0,01	0,05	0,01
Коллеги	7,4	6,8	3,3*	—	0,01	0,01
Соотношение положительных и отрицательных атрибутов (в %) для коллег	<u>73,9%</u> 26,2%	<u>78,5%</u> 21,5%	<u>77,5%</u> 20,7%			
Ученики	1,0	1,9	1,9	—	—	—
Соотношение положительных и отрицательных атрибутов (в %) для учеников	<u>86,4%</u> 13,6%	<u>69,7%</u> 30,3%	<u>59%</u> 39,9%	0,01	—	0,01

¹ Категорией «звезды» были обозначены известные лица в политике, спорте, шоу-бизнесе, писатели, ученые и т.д. – все, с кем отсутствует непосредственно-личный контакт. «Общение» со «звездами» далее мы называем «виртуальным».

Во всех группах наиболее частой категорией являются родственники. Это категория высшего уровня значимости. Различия между выборками наблюдаются на более низких уровнях значимости. Внутригрупповой рейтинг ролей различается тем, что у горожан чаще упоминаются коллеги (7,4) и друзья (5,4), у сельских педагогов – «звезды» (7,5) и соседи (4,1), а северяне чаще упоминают «звезд» (10,7) и коллег (6,8). Ученики завершают рейтинг представленности Других в сознании педагогов. Причем городские учителя вспоминают учеников реже всего (в среднем одного ученика¹), при этом их образы отличаются положительной оценкой. Сравнение групп по t-критерию Стьюдента (см. табл. 1) показывает, что большинство различий между группами высоко значимо, за исключением разницы в частоте упоминания учеников.

Анализ частоты упоминания институционально-ролевых категорий дает определенное представление о значимости соответствующих ролевых отношений и о субъективной вовлеченности в соответствующие отношения и социальные группы. Доступность сознанию, с одной стороны, отражает реальный объем социального взаимодействия, но не только. Например, наибольший объем контактов педагога происходит с учениками, но их представленность в сознании учителей минимальна и высоко избирательна. Поэтому рейтинг количества коллег также может соответствовать вовлеченности в профессиональную группу. С другой стороны, малое количество коллег, представленных в сознании сельских педагогов, может соответствовать малочисленности педколлектива в сельской школе.

Параметры ценностных оценок себя и Других на шкале «антиидеальное–Я–идеальное» представлены в табл. 2.

Таблица 2

**Параметры ценностного отношения к себе и Другим
у педагогов из трех мест проживания**

Параметр	Среднегрупповые значения ценностных оценок разного вида			Уровень значимости различий по t-критерию Стьюдента при парном сравнении групп		
	Педагоги города	Педагоги северного поселения	Педагоги села	Город / северный поселок	Северный поселок / село	Город / село
Возраст	35,0	41,7	41,8	–	–	–
Самоценность	0,76*	0,66	0,70	0,01	–	0,05
Количество оценок «выше Я»	13,9	21,4*	17,1	0,01	0,05	–
Количество «равноцен- ных Я»	3,1	2,7	2,9	–	–	–
Количество оценок «выше среднего»	37,8	38,4	33,3*	–	0,01	0,01

¹ Обращение к индивидуальным результатам показывает, что упоминание учеников чаще, но имеется только у 18 педагогов из городской выборки в 78 человек. То есть существуют важные дополнительные факторы мысленного обращения к образам учеников.

Окончание табл. 2

Параметр	Среднегрупповые значения ценностных оценок разного вида			Уровень значимости различий по t-критерию Стьюдента при парном сравнении групп		
	Педагоги города	Педагоги северного поселения	Педагоги села	Город / северный поселок	Северный поселок / село	Город / село
Количество «идеаль- ных» оценок	4,5	4,0	2,6*	–	0,05	0,05
Количество «антииде- альных» оценок	3,1*	1,8	1,6	0,05	–	0,01
«Порог идеального» как степень отличия мак- симальных оценок от абсолютно высокого значения	3,0	4,2	3,0	0,05	–	–
«Порог антиидеально- го» как степень отличия минимальных оценок от абсолютно низкого значения	8,1	9,3	6,4	–	0,05	–
Ученики, оцененные «выше Я»	0,3	0,5	0,3	–	–	–
Ученики, оцененные «ниже Я»	0,8	1,3	1,6	–	–	–
Ученики «равноценные Я»	0,0	0,1	0,0	–	–	–
Коллеги, оцененные «выше Я»	1,7	3,0*	1,1	0,05	0,01	–
Коллеги, оцененные «ниже Я»	5,5	3,6	2,0	–	–	–
Коллеги «равноцен- ные Я»	0,1	0,4	0,2	–	–	–

* Жирным выделены значения, имеющие значимые различия с показателями двух дру-
гих групп по данному параметру.

Из табл. 2 следует, что для *городских учителей* свойственны более высокая самооценка и повышенное количество «антиидеальных» оценок. Учителя *северного поселка* склонны чаще переоценивать Других, в том числе своих коллег, по сравнению с собой. *Сельские учителя* значимо реже идеализируют Других и реже оценивают их «выше среднего» – т.е. отличаются в целом менее позитивным социальным восприятием.

Обобщенная характеристика групп может скрывать в себе важные внутригрупповые различия, обусловленные дополнительными переменными. С целью конкретизировать обобщенные социально-психологические показатели и выделить «подтипы» в каждой группе учителей был проведен кластерный анализ по методу k-средних Мак Куина.

Кластерные решения для изучаемых групп. В табл. 3–5 отражены кластерные решения для каждой выборки. В табл. 3 представлены реаль-

ные значения кластеров для *педагогов города*. Они интерпретируются как *тенденции* величин соответствующих признаков.

Таблица 3

**Результаты кластерного анализа параметров ценностного оценивания
в группе городских учителей**

Параметры анализа	Кластеры			
	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4
Объем кластера	27	20	23	13
Возраст	28,0	26,9	39,7	53,6
Самоценность (интегральная самооценка)	0,8	0,6	0,9	0,7
Количество оценок «выше Я»	8,67	29	2,7	21,3
Количество оценок «выше среднего»	32,0	40,5	43,6	35,5
Количество «равноценных Я»	1,7	3	3,2	6
Количество «идеальных» оценок	3,5	3,3	3,4	10,4
Количество «антиидеальных» оценок	2,9	2,3	4	3,2
«Порог идеального» как степень отличия максимальных оценок от абсолютно высокого значения	2,7	3,5	3,0	2,5
«Порог антиидеального» как степень отличия минимальных оценок от абсолютно низкого значения	3	12,9	10,8	6,7
Количество упоминаний родственников	14,2	17,8	17,3	16,2
Количество упоминаний друзей	6,8	8,9	6,6	3,3
Количество упоминаний «звезд»	1,7	2,1	1,7	6,5
Количество упоминаний учеников	0,5	0,8	1,1	2,5
Ученики с положительными атрибутами	0,4	0,6	0,9	2,4
Ученики с негативными атрибутами	0,1	0,2	0,2	0,1
Ученики, оцененные «выше Я»	0	0,5	0	0,9
Ученики, оцененные «ниже Я»	0,4	0,3	1,1	1,5
Ученики, «равноценные Я»	0	0	0	0,1
Количество упоминаний коллег	6,3	8,3	9,6	4,2
Коллеги с положительными атрибутами	4	6,3	7,3	3,8
Коллеги с отрицательными атрибутами	2,3	2	2,3	0,5
Коллеги, оцененные «выше Я»	1	4,4	0,2	1,5
Коллеги, оцененные «ниже Я»	5,3	3,5	9,2	2,5
Коллеги, «равноценные Я»	0	0,6	0,3	0,3

В группе городских учителей выделено 4 кластера, для которых очевидное значение имеет возраст педагогов. Средний возраст в первых двух кластерах – 27 и 28 лет. Кластер № 3 – сорокалетние, кластер № 4 – учителя предпенсионного возраста.

Первые два кластера – близкие по возрасту молодых учителя – кардинально различаются отношением к Другим. В кластере № 2 «антиидеальные» оценки очень мягкие, т.е. «порог антиидеального» самый большой. Эти педагоги значимо чаще оценивают Других, в том числе коллег и учеников, «выше себя». Столь позитивное социальное восприятие сопровождается нормальной или относительно сниженной самооценкой и высоким количеством друзей. Очевидно, что это молодые учителя, у которых в жизни и профессии «все хорошо», их радует и вдохновляет окружение.

Кластер № 1, напротив, характеризуется минимальным «порогом» антиидеальных оценок, т.е. крайне категоричными негативными оценками в адрес «антиидеалов». Также мы видим снижение частоты упоминания родственников, друзей, учеников, оценок «выше среднего» и минимум оценок «равноценных Я». Все это заставляет предположить, что это интровертированные и менее оптимистичные молодые учителя.

Кластер № 3 – сорокалетние. Здесь мы фиксируем максимум оценок «выше среднего», преобладание учеников с положительными характеристиками, максимум коллег с наибольшей частотой позитивных атрибутов. Оценки Других, в том числе коллег, «ниже Я» – в данном случае результат максимально высокой самооценки. Таким образом, эта группа демонстрирует высокую самооценку и позитивное восприятие Других. Вероятно, это обусловлено пиком творческой самореализации.

В кластере № 4 мы видим принципиально иное отношение к себе и Другим. Здесь частота упоминания коллег снижается до минимума, что может говорить об определенной неудовлетворенности в сфере профессиональных отношений. При этом возрастает частота упоминания учеников, что свидетельствует об их значимости. В данном кластере появляются совершенно новые тенденции: многократное возрастание упоминания «звезд» и максимум «идеальных» образов, а также стремление ценить Других как равноценных себе. Вероятно, это признаки «зрелого» возраста, компенсирующие ожидаемые социальные изменения у педагогов данной группы.

Для выборки *сельских педагогов* получено решение из пяти кластеров, представленное в табл. 4.

Таблица 4

Результаты кластерного анализа в группе сельских учителей

Параметры анализа	Кластеры				
	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5
Объем кластера	16	28	28	19	22
Возраст	41,9	44,9	42,4	40,1	38,5
Самооценка	0,6	0,7	0,65	0,7	0,8
Количество оценок «выше Я»	40,8	7,3	18,3	17,6	10,0
Количество оценок «выше среднего»	43,2	21,5	30,3	33,4	43,9
Количество «равноценных Я»	0,8	4,5	1,3	2	5,3
Количество «идеальных Других»	2,6	1,6	2,5	3,26	3,4
Количество «антиидеальных Других»	0,8	1,8	1,9	2,3	0,8
«Порог идеального» как степень отличия максимальных оценок от абсолютно высокого значения	3,25	4,6	2,5	2	2,6
«Порог антиидеального» как степень отличия минимальных оценок от абсолютно низкого значения	6,9	4,2	4,9	4,0	12,3
Родственники	23,9	20,6	8,5	6,5	24,7
Друзья	0,1	0,2	0,1	0,5	0,4
«Звезды»	4,4	3,9	3,0	0,8	3,9
Ученики	2,8	4,1	5,5	5,7	2,2
Ученики с положительными атрибутами	0,8	1,9	3,8	0,7	1,5
Ученики с отрицательными атрибутами	0,5	1,4	2,0	0,3	0,8

Параметры анализа	Кластеры				
	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5
Ученики, оцененные «выше Я»	0,3	0,5	1,8	0,4	0,4
Ученики, оцененные «ниже Я»	0,6	0,0	0,5	0,2	0,2
Ученики, «равноценные Я»	0,2	1,8	3,3	0,5	1,0
Коллеги с положительными атрибутами	3,3	4,4	3,3	2,2	2,9
Коллеги с отрицательными атрибутами	2,6	3,3	2,4	2,0	2,1
Коллеги, оцененные «выше Я»	0,5	1,1	0,9	0,2	0,7
Коллеги, оцененные «ниже Я»	2,6	0,4	1,8	0,6	0,4
Коллеги, «равноценные Я»	0,6	3,9	1,5	1,1	2,2

Отметим, что для сельской выборки не находилось решения с меньшим количеством кластеров. Данная выборка более однородна по возрасту, поэтому возраст, как следует из таблицы, перестает играть роль решающей дополнительной переменной. Основанием деления выступают не крупные различия, связанные с этапами профессиональной социализации, а более многочисленные факторы личностных и микросоциальных особенностей.

В кластере № 1 максимум родственников, минимум коллег и учеников. Выделяется склонность педагогов ценить Других «выше Я» и «выше среднего» на фоне скромной самооценки. При этом коллеги и ученики оцениваются еще «ниже Я». Это говорит о недооценке профессиональных отношений и высокой значимости семьи и быта у педагогов данной группы.

Кластер № 5 аналогичен кластеру № 1 по ролевому составу, но кардинально отличается от первого и от остальных максимально позитивными ценностными отношениями. Здесь максимум оценок «выше среднего» и «идеалов», самая высокая самооценка и максимально высокий порог «антиидеальных» оценок. Возможно, определенную роль играет самый молодой возраст в данной выборке, позволяющий чувствовать свою привлекательность на фоне других и дающий некоторое чувство перспективы. Можно предполагать, что в этот кластер вошли сельские лидеры, имеющие высокий статус на селе как носители культуры, организаторы. Также возможно, что они имеют руководящие должности в школах.

Кластеры № 3 и № 4 мало отличимы друг от друга. Они указывают на существенно меньшее количество родственников, большее упоминание учеников, реалистичную самооценку, сниженное, но реалистичное (среднее по всей выборке) количество Других «выше среднего». Имеются нюансы в отношениях с коллегами и учениками, что, возможно, связано с личностными особенностями. Между кластерами имеется небольшое (двухлетнее) возрастное различие.

Наконец, кластер № 2 представляет группу 45-летних. По ролевой структуре ярких особенностей нет. Но ценностные отношения отличаются минимальным количеством «идеалов», резким снижением частоты

оценок «выше среднего». Последний показатель свидетельствует о неблагоприятной тенденции пессимистического (если не депрессивного) мировосприятия.

Далее представлены результаты кластеризации выборки *педагогов северного поселения* (табл. 5).

Таблица 5

Результаты кластерного анализа в группе педагогов северного поселения

Параметры анализа	Кластеры			
	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4
Объем кластера	23	24	8	20
Возраст	44,5	39,2	29,3	46,5
Самооценка	0,6	0,7	0,7	0,7
Количество оценок «выше Я»	34,4	8,5	33,4	17,2
Количество оценок «выше среднего»	38,4	35,6	46,8	38,7
Количество оценок «равноценно Я»	1,3	2,8	6,3	2,7
Количество «идеальных Других»	3,7	2,7	4,4	5,6
Количество «антиидеальных Других»	1,4	1,6	2,8	2,3
«Порог идеального» как степень отличия максимальных оценок от абсолютно высокого значения	3,7	5,3	4	3,4
«Порог антиидеального» как степень отличия минимальных оценок от абсолютно низкого значения	7,3	6,4	26,4	8,4
Родственники	11,4	15,2	13,9	9,2
Друзья	4,7	6,3	5	2,4
«Звезды»	7,0	4,4	7,0	24,0
Ученики	1,4	3,3	2,1	0,6
Ученики с положительными атрибутами	1,2	2	1,9	0,4
Ученики с отрицательными атрибутами	0,3	1,3	0,3	0,2
Ученики, оцененные «выше Я»	1	0,1	1,5	0,1
Ученики, оцененные «ниже Я»	0,4	3,0	0,1	0,5
Ученики, «равноценные Я»	0	0,1	0,3	0
Коллеги	9,2	8,5	4,4	3,1
Коллеги с положительными атрибутами	7,2	6,3	4,1	2,7
Коллеги с отрицательными атрибутами	2	2,3	0,3	0,4
Коллеги, оцененные «выше Я»	6,8	1,0	2,3	1,4
Коллеги, оцененные «ниже Я»	2,3	7,6	0,6	1,6
Коллеги, «равноценные Я»	0,2	0,4	1,6	0,2

Здесь выделены четыре кластера. Рассмотрим их по увеличению возраста.

Кластер № 3, самый малочисленный, – учителя, близкие к тридцатилетию, – это наиболее молодая и наиболее «позитивная» часть выборки. Ролевая структура Других без особенностей. Специфика ценностных отношений: максимум оценок «выше среднего», «выше Я» и «равноценно Я» на фоне высокой самооценки. Максимально высокий порог «антиидеального». Практически все названные коллеги и ученики оцениваются выше себя. Но фиксации на профессиональных отношениях нет. По сравнению с другими кластерами частота упоминания коллег и учащихся

невысока. Это сверхоптимистичное, радужное восприятие жизни в целом. Очевидно, что недавняя серьезная перемена в жизни – миграция и сравнение материальных условий на прежнем и новом месте – способствует сверхоптимистичному мировосприятию.

Кластер № 2 – учителя, приближающиеся к сорокалетию. Не склонны ценить Других «выше Я» и «равноценно Я». Коллег, даже «положительных», оценивают ниже себя. В сознании преобладают друзья, ученики, коллеги и минимум «звезд». Данная группа вовлечена в реальное общение, профессиональную деятельность, именно в работу с учащимися, и высоко оценивает себя на фоне своего коллектива. Это группа профессиональной творческой самореализации.

Кластеры № 1 и № 4 близки по возрасту (в среднем 45 лет), но различны по ролевому составу и ценностным оценкам Других. Кластер № 1 отличает ориентация на коллег, а также склонность оценивать «выше себя» и коллег, и учеников при относительно сниженной самооценке.

Кластер № 4 – самая старшая возрастная группа. Здесь максимальное количество идеализированных оценок. Образы Других в большинстве представлены «звездами», сравнительно малым числом родственников и минимальным числом друзей, учеников и коллег. Подобные изменения институционально-ролевой структуры Других показывают отчуждение от профессии и уход в виртуальный мир, вероятно, в ожидании жизненных перемен. Мы связываем указанные особенности с ожиданием завершения «северной» карьеры и предстоящим переездом этих учителей в более благоприятную климатическую зону. Виртуальное общение и образы новой жизни вытесняют значимость реальной профессиональной жизни.

Обсуждение результатов

Состав образов Других в сознании человека и структура ценностных отношений к ним соответствуют позиции человека в макросоциальной и микросоциальной ситуациях, сложившихся в месте его проживания. Спектр институциональных ролей отражает состав и значимость социальных групп, в которые включен человек. Ценностные отношения к Другим репрезентируют значимость и смысл этих групп и лиц для текущего жизненного этапа.

Структура образов Других и ценностное отношение к ним у педагогов города

Рейтинг упоминания учеников во всех группах является самым низким, но у городских педагогов он наиболее низок. При этом по частоте негативных атрибутов, приписанных ученикам (см. табл. 2), городские учителя значимо отличаются от других выборок: горожане не помнят «отрицательных» учеников. Вероятно, одаренные ученики и их достижения становятся «инструментом» самореализации учителя, поэтому городские учителя припоминают немногих «положительных», в отличие от

«отрицательных» учеников у педагогов других групп. Для горожан значимость педагогического коллектива является очень высокой. Коллеги припоминаются в 7 раз чаще, чем ученики. Получается, что основным смыслом и предметом профессиональной деятельности становится не ученик, а сам учитель, его профессиональное самоутверждение и признание коллегами.

Мы связываем этот факт со значительной творческой конкуренцией среди городских педагогов. Различия в уровне образовательных учреждений города с ощутимым различием в оплате труда заставляют педагогов постоянно сравнивать себя с Другими. Конкурентность профессиональных отношений проявляется в преобладании оценок коллег «ниже себя». Конкурентная среда способствует значимо более высокой самооценке и большему количеству резко негативных («антиидеальных») оценок в сравнении с другими группами (см. табл. 2).

Еще одной чертой городских педагогов является самое низкое присутствие «звезд» в их сознании. Это говорит о сравнительной незначимости виртуального общения и медиагероев. Педагоги города погружены в эмоционально-насыщенное семейное («родственники»), профессиональное («коллеги») и личное («друзья») взаимодействие. Преобладание «коллег» и «друзей» у горожан – свидетельство эмоциональной насыщенности их реального общения в сравнении с виртуальным, а также их вовлеченности в профессиональное взаимодействие.

В городской выборке выделяются возрастные кластеры, которые соответствуют в целом типичной динамике профессиональной социализации педагога на протяжении всей его карьеры. На первом этапе профессиональной социализации педагоги дифференцируются на более адаптированных (кластер № 2) и менее адаптированных (кластер № 1) в профессиональной среде. На этом этапе уже можно предсказать их дальнейший профессиональный путь. Вполне вероятно, что менее адаптированные, с негативным восприятием школьной среды уйдут из профессии, а молодежь с «розовым» восприятием будет продолжать творческий рост в школе.

На следующем этапе, к сорокалетию (кластер № 3), наступает пик творческой самореализации педагогов, что сопровождается концентрацией учителей на профессиональном самоутверждении, возможно, в ущерб вниманию к личностям многих учащихся. Сознание педагога сосредоточено в среднем на одном ученике с позитивной характеристикой. В период завершения профессиональной карьеры изменяются структура и значимость социальных отношений внутри профессиональной среды (кластер № 4). Изменяется смысл профессии: она становится более центрированной на учениках, а не на профессиональном самоутверждении. Появляется тенденция ценить Других «равноценно Я». Возникает компенсаторная тенденция к увеличению количества образов-«идеалов». Идеализированные образы в сознании человека обостряют переживание жизненных ценностей. Это происходит на фоне общего снижения оптимистичности восприятия,

что видно по снижению частоты оценок «выше среднего». В жизненных отношениях появляются «звезды» – виртуальные образы, заполняющие лакуны реального общения и отношений. То есть в период завершения профессиональной карьеры мы наблюдаем и изменение структуры отношений внутри профессии, и расширение значимых отношений жизненного мира за пределы профессиональной среды, и зарождающееся понимание драматичности бытия, склонность чувствовать себя «наравне со всеми».

Структура образов Других и ценностное отношение к ним у педагогов села

Вся сельская выборка относится к возрасту «творческой зрелости», поэтому кластерный анализ не обнаруживает возрастных срезов профессиональной социализации. Это важная характеристика выборки: в ней нет ни молодых, ни педагогов пенсионного возраста. Очевидно, что привлекательность профессии уступает заботам о внуках и домашнем хозяйстве, которое в условиях села является основным фактором благосостояния. Педагоги с возрастом не стремятся остаться в профессии, чувствовать свою профессиональную востребованность. Родственные связи являются источником большего жизненного удовлетворения. Можно предположить, что у сельских педагогов, в отличие от успешных городских учителей, нет такой профессиональной ностальгии, и завершение профессиональной социализации наступает раньше.

Поскольку выборка относительно однородна по возрасту, кластеризация отражает нюансы, связанные с личностными особенностями и микросоциальными условиями. Микросоциальные условия – это прежде всего внутрисемейные отношения, социальное сравнение себя и соседей, которое также может быть источником удовлетворенности. Особенности кластеров показали наиболее позитивные ценностные отношения у младшей выборки со средним возрастом около 39 лет. Значительная часть выборки, позитивно оценивая родственников, критично относится к себе и коллегам. Центральными смыслами могут быть успехи и благополучие детей и внуков. В нашем предыдущем анализе образов сознания сельских учителей на меньшей выборке (76 чел.) было показано, что вовлеченность в профессию и одновременно критичное отношение к профессиональной среде имеется у 14,7% обследованных учителей. А 66% учителей по содержанию образов сознания соответствуют типу «счастливой и благодушной жены и матери» [31].

Для сельских учителей характерны образы «звезд», что может компенсировать ограниченный круг реального общения в местах их проживания. «Звезды» и телевидение, можно полагать, не только разнообразят более узкий круг общения на селе, но и объединяют семью в совместном вечернем отдыхе, а также могут быть предметом обсуждения на работе¹.

¹ Данное утверждение необходимо проверить эмпирически. Действительно интересно, что является объединяющей основой в неформальном общении в подколлективах – «звезды», бытовые вопросы, учащиеся, родители, организация труда или вопросы педагогического мастерства?

Профессиональная среда по значимости сравнима с бытом, общением с соседями и значительно уступает виртуальному общению. При этом педагоги оценивают своих коллег «ниже Я» вдвое чаще, чем «выше Я». Недооценка коллег говорит о проблемах в коллективах сельских школ. Частота припоминания коллег приближается к частоте припоминания учеников. Это свидетельствует о близкой значимости и коллег, и учеников в общем «школьном мире». В сознании в равной степени представлены ученики с положительными и негативными оценками – т.е. предметом заботы сельского учителя являются как достижения сильных, так и проблемы слабых учащихся.

Результаты общегруппового исследования (см. табл. 2) свидетельствуют о достоверно меньшей позитивности значимых отношений у педагогов села по сравнению с городом. Это, несомненно, негативный симптом, который соответствует литературным данным о высокой эмоциональной нагрузке, связанной с вовлеченностью в часто неразрешимые социальные проблемы учеников, об отношении к учащимся как к своим детям. Можно также предполагать, что данный симптом отражает противоречие между современными образовательными стандартами и бедностью социальных и профессиональных контактов сельского педагога, ограниченной возможностью коллективного профессионального творчества и саморазвития.

Структура образов Других и ценностное отношение к ним у педагогов северного поселения

Специфика северян видна в высокой значимости коллег (см. табл. 1) и их переоценке по сравнению с Я (см. табл. 2). Это говорит о наиболее позитивном восприятии профессиональной среды и общей повышенной склонности ценить Других «выше среднего». Ориентация и на сильных, и на слабых учеников также характерна для учителей данной группы.

Высокая значимость «звезд» (см. табл. 1) для учителей-северян свидетельствует о меньшей насыщенности реальных отношений по сравнению с городскими учителями. Это может быть связано с переживанием определенного «культурного вакуума» на новом месте проживания. Переехавшие из города на север учителя попадают в новую, по сути, сельскую местность. Здесь функционирует, как правило, одна-две школы, культурная жизнь, в сравнении с городом, скудна, отсутствуют сложившиеся межличностные связи. Обращение к образам «звезд» в данном случае задействует те эмоционально-мотивационные ресурсы, которые растрочены в условиях напряженной городской среды.

Ранее нами были отмечены сравнительно большая удовлетворенность педагогов северного поселения своими отношениями, позитивность и реалистичность в самооценке, в оценке «идеалов» и «антиидеалов», большая автономия [3].

Кластерный анализ выборки северян показал три основных периода профессиональной жизни педагогов, обусловленных именно местом про-

живания. Первый период – это *восторженное начало* (кластер № 3): коллеги и ученики воспринимаются лучше, чем можно было желать. Этот период, вероятно, обусловлен стрессом миграции и улучшением материального положения и жилищных условий на новом месте. Второй период – *творческая профессиональная самореализация* (кластер № 2). По возрасту данный период совпадает с аналогичным периодом педагогов из большого города. Общность с городскими педагогами заключается в профессиональном соперничестве и самоутверждении, что проявляется в оценках коллег «ниже Я», а также в вовлеченности в реальную жизнь, что проявляется в уменьшении количества образов «звезд» и в увеличении количества образов коллег в сознании педагогов. Отличие от городских педагогов – в возрастании значимости учеников, увеличении частоты их упоминаний. Третий период – *приближение завершения карьеры*. Здесь мы наблюдаем разделение жизненного замысла педагогов на две линии. Первая (кластер № 1) – преданность коллективу, стабилизация профессиональных амбиций и, вероятно, жизненных отношений в целом. В этом случае на фоне адекватного снижения самооценки происходит максимальное повышение значимости и высокой оценки своих коллег. Для этой группы характерна высокая частота оценок «выше Я» в целом. Вторая линия (кластер № 4) – отчуждение от профессии, ожидание жизненных перемен, возможно, связанных с миграцией на новое место жительства, в более благоприятную климатическую зону.

Ограничения и перспективы исследования

Следует отметить, что в интерпретации данных мы опирались на общеизвестные по литературным данным общие характеристики социальных отношений в городе, селе и северных поселениях. Мы не фиксировали социально-экономические характеристики в конкретных местах проживания респондентов. Поэтому объяснения различий состава образов Других и ценностного отношения к ним с опорой на социоэкономические условия требуют дополнительного подтверждения. Мы также не оценивали микро-социальные условия (климат коллектива, отношения в семье) и жизненные планы, которые, безусловно, связаны с изучаемыми образами сознания. Поэтому подтверждение полученных результатов должно быть получено с расширением спектра анализируемых данных.

Полученные результаты позволяют выдвинуть ряд вопросов, перспективных для дальнейших исследований:

– Почему в северном поселении 45-летние педагоги делятся на две контрастные группы по отношению к себе и своим коллегам? Что заставляет одних переживать повышенную значимость коллектива, тогда как других – обесценивать его?

– Насколько связана оптимистичность и удовлетворенность педагогов-северян с личностными характеристиками, опытом миграций?

– Отличаются ли выборки сельских учителей и учителей-северян локусом контроля? Связан ли внутренний локус контроля с миграцией и большей профессиональной удовлетворенностью?

– Что является действительными причинами профессионального отчуждения и пессимизма сельских учителей? Здесь необходимо выяснить рейтинг разнообразных мотивов, среди которых могут быть и общая социально-экономическая депрессивность сельских территорий, и недостатки в повышении квалификации, и отсутствие профессиональной творческой среды и др.

– Каковы причины и условия позитивного восприятия профессиональных отношений и мира в целом у 20% сельских учителей?

– Возможно ли гармоничное сочетание ценностной центрации на учениках и ценностной ориентации на профессиональное самоутверждение? Если да, то, какие условия этому способствуют? Данный вопрос не является тривиальным, поскольку современные представления Ш. Шварца о структуре ценностей утверждают взаимную противоположность ценностей достижения и самотрансценденции.

– Насколько необходима духовная центрация на учениках в современной благополучной городской школе?

Практическая значимость результатов

Полученные результаты, с одной стороны, обнаруживают *ограничения для психологической практики*, поскольку указывают на предполагаемые *макросоциальные и макроэкономические условия* различий в структуре образов сознания и ценностных отношений респондентов.

С другой стороны, полученные данные раскрывают специфичные направления психологического сопровождения педагогов в разных местах проживания. В городе приоритетными направлениями могут быть:

– психологическая поддержка молодых учителей в период профессиональной адаптации;

– коучинг для педагогов с высокой потребностью в профессиональном самоутверждении;

– экзистенциальная практическая психология для педагогов предпенсионного возраста.

В сельских школах задачами психологического сопровождения педагогов могут быть в первую очередь исследование профессиональной мотивации педагогов, изучение их оценок профессиональной среды, их предложений по развитию школ. Органы управления образованием должны поддерживать развитие электронной профессиональной сети в сельских школах и вовлечение в профессиональную коммуникацию школьных педагогов.

В северных поселениях с притоком и оттоком кадров психологи школы могут также уделить внимание изучению отношений в коллективе

и профессиональной мотивации педагогов в период, предшествующий завершению карьеры. Эти данные могут быть информативными для диагностики и профилактики профессионального отчуждения.

Добавим, что в решении диагностики профессиональных отношений и их прогноза в качестве одного из методов может быть использован метод анализа образов сознания, результативность которого продемонстрирована в данной статье.

Заключение

В результате изучения актуальных образов сознания педагогов из трех различных мест проживания – города, сельских школ и северного поселения – мы пришли к следующим выводам.

Институционально-ролевое содержание образов Других и ценностные отношения к ним существенно различаются в связи с местом проживания респондентов и отражают структуру и значимость профессиональных отношений педагогов.

В каждом месте проживания наряду с некоторыми преимуществами видны *специфические негативные тенденции отчуждения* от профессии. В городе отчуждение обусловлено неуспешной профессиональной адаптацией части молодых учителей. В северном поселении отчуждение типично для 45-летних, завершающих северную карьеру. В сельских регионах отчуждение сопровождается поглощенностью бытом, первостепенной значимостью соседских отношений.

Результаты исследования выявляет *разные формы вовлеченности* в профессию, разный смысл ее, обусловленный спецификой социальных отношений в месте проживания. В конкурентной инновационной среде города смысл работы – профессиональное самоутверждение. В сельской местности, где малочисленность учащихся делает их важными, равноценными участниками социальных отношений, педагоги чаще думают об учениках. В северном поселении педагоги в наибольшей степени влияют на свою жизнь, начиная с выбора места проживания для себя. Им чаще свойственна высокая ценность и своего коллектива, и учащихся.

Обнаружено изменение состава образов и их значимости *на протяжении профессиональной карьеры*, которое свидетельствует о динамике смысла профессиональных отношений. Динамика профессиональной карьеры различается в городе, сельской местности и северном поселении. В городе структура образов Других у педагогов разного возраста соответствует полному циклу профессиональной социализации. Профессиональная социализация педагогов села завершается раньше, им не свойственно «держаться за работу» с возрастом. Цикл социализации педагогов-северян начинается с высокой удовлетворенности профессиональными отношениями и нередко завершается отчуждением от профессии.

Характеризуя метод исследования, можно заключить, что институционально-ролевая структура образов Других в сознании человека и параметры ценностного отношения к Другим являются полезным средством описания и анализа особенностей социализации социальных групп и индивидов. Образы Других и их оценки поддаются объективному количественному описанию, что делает их перспективным объектом в сравнительных и лонгитюдных исследованиях социализации.

Литература

1. Николаева И.А. Субъективный образ социального мира как репрезентация социальной ситуации развития личности // Вестник Курганского государственного университета. Сер. Физиология, психология и медицина. 2008. № 12. С. 71–78.
2. Елизаров С.Г. Включенность субъекта в социальную среду: основные направления исследований в зарубежной и отечественной психологии // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Психологические науки. 2009. Т. 2. С. 135–141.
3. Николаева И.А., Зайнулина Ю.И. Ценностные отношения к себе и другим у педагогов из северного поселения // Актуальные проблемы права, экономики и управления / ред. Виноградов Б.Ю. Иркутск : РИО САПЭУ, 2016. С. 268–271.
4. Chapin F.S., III, Knapp C.N. Sense of place: a process for identifying and negotiating potentially contested visions of sustainability // Environmental Science & Policy. 2015. Vol. 53. P. 38–46. DOI: 10.1016/j.envsci.2015.04.012.
5. Lewicka M. Place attachment: How far have we come in the last 40 years? // Journal of environmental psychology. 2011. Vol. 31. P. 207–230. DOI: 10.1016/j.jenvp.2010.10.001.
6. Ujanga N., Zakariya K. The notion of place, place meaning and identity in urban regeneration // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 170. P. 709–717. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.01.073.
7. Kashima Y., Paladino A., Margetts E.A. Environmentalist identity and environmental striving // Journal of environmental psychology. 2014. Vol. 38. P. 64–75. DOI: 10.1016/j.jenvp.2013.12.014.
8. Муравьева О.И., Литвина С.А., Богомаз С.А. Средовая идентичность: содержание понятия // Сибирский психологический журнал. 2015. № 58. С. 136–148. DOI: 10.17223/17267080/58/10.
9. Oishi S., Rothman A.J., Snyder M. et al. The socioecological model of procommunity action: the benefits of residential stability // Journal of personality and social psychology. 2007. Vol. 93, № 5. P. 831–844. DOI: 10.1037/0022-3514.93.5.831.
10. Oishi S., Lun J., Sherman G.D. Residential mobility, self-concept, and positive affect in social interactions // Journal of personality and social psychology. 2007. Vol. 93, № 1. P. 131–141. DOI: 10.1037/0022-3514.93.1.131.
11. Богомаз С.А., Мацуга В.В. Субъективная оценка реализуемости базисных ценностей в городской среде // Сибирский психологический журнал. 2012. № 46. С. 67–75.
12. Богомаз С.А., Каракулова О.В. Оценка реализуемости базисных ценностей в условиях города Томска с точки зрения гуманитарно-ориентированной и негуманитарно-ориентированной вузовской молодежи // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 366. С. 117–120.
13. Богомаз С.А., Литвина С.А., Четошникова Е.В. Субъективная оценка городской среды вузовской молодежью Томска и Барнаула // Сибирский психологический журнал. 2013. № 49. С. 102–112.

14. Богомаз С.А. Различия в структуре ценностей, смыслов и личностных особенностей представителей трех городов Сибири // *Ценностные основания психологической науки и психология ценностей* / ред. В.В. Знаков, Г.В. Залевский. М. : Ин-т психологии РАН, 2008. С. 262–297.
15. Долгова Н.В. Психосемантический анализ обыденных представлений москвичей о городе // *Социально-психологические исследования города* / отв. ред. Т.В. Дробышева, А.Л. Журавлев. М. : Ин-т психологии РАН, 2016. С. 49–60.
16. Шемелина О.С., Цыганкова О.Е. Образы «города-мечты» и реального города в представлении жителей крупного и малого городов // *Социально-психологические исследования города* / отв. ред. Т.В. Дробышева, А.Л. Журавлев. М. : Ин-т психологии РАН, 2016. С. 27–48.
17. Немолот Е.В. Ценностно-смысловые характеристики профессиональной самореализации личности педагога-психолога в условиях малого города / Кемер. гос. ун-т. Кемерово, 2014. 24 с.
18. Tartakovsky E., Schwartz S.H. Motivation for emigration, values, wellbeing, and identification among young Russian Jews // *International journal of psychology*. 2001. Vol. 36, № 2. P. 88–99. DOI: 10.1080/0020759004200010036(2).
19. Oishi S., Kesebir S., Miao F.F., Talhelm T., Endo Y., Uchida Y., ..., Norasakkunkit V. Residential mobility increases motivation to expand social network: But why? *Journal of Experimental Social Psychology*. 2013. Vol. 49 (2), P. 217–223. DOI: 10.1016/j.jesp.2012.10.008.
20. Lun J., Roth D., Oishi S., Kesebir S. Residential mobility, social support concerns, and friendship strategy // *Social Psychological and Personality Science*. 2014. Vol. 4. P. 332–339. DOI: 10.1177/1948550612453345.
21. Попова М.А., Говорухина А.А., Дронь А.Ю. Мониторинг функционального состояния педагогов, проживающих на Севере // *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 2014. № 1. С. 166–174.
22. Неклюдова С.В., Петрова В.Н. Психологические основания исследования территориально-профессиональной мобильности // *Цифровое кочевничество как глобальный и сибирский тренд : сб. материалов III Междунар. трансдисциплинарной науч.-практ. web-конференции*. 2017. С. 209–214. DOI: 10.17223/9785946216104/30.
23. Ежкова Н.В. Профессиональное самочувствие педагогов вузов малых городов в сфере вторичной занятости // *Альманах современной науки и образования*. 2011. № 1 (44). С. 102–104.
24. Соколова Е.А. Стереотипный образ учителя в прессе провинциального города : гендерный аспект // *Педагогическое образование в России*. 2014. № 10. С. 180–183.
25. Кукуев Е.А. Город как открытая система: оценки реализуемости базисных ценностей субъектов образования // *Социально-психологические исследования города* / отв. ред. Т.В. Дробышева, А.Л. Журавлев. М. : Ин-т психологии РАН, 2016. С. 145–165.
26. Семенова Е.В., Лютавина Е. Особенности взаимодействия педагога с родителями в условиях сельской школы // *Образование. Наука. Научные кадры*. 2016. № 1. С. 176–180.
27. Лелюхин С.В. Роли сельских учительниц: анализ случая в Саратовской области // *Женщина в российском обществе*. 2013. № 4. С. 10–15.
28. Байбородова Л.В. Воспитание и обучение в сельской малочисленной школе : учеб. пособие. Ярославль : Ярослав. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2004. 357 с.
29. Николаева И.А. Новый метод исследования личностных ценностей. Ч. 1. Изучение содержания личностных ценностей // *Сибирский психологический журнал*. 2010. № 38. С. 70–77.

30. Николаева И.А. Новый метод исследования личностных ценностей. Ч. 2. Структурные феномены ценностного оценивания // Сибирский психологический журнал. 2011. № 39. С. 112–120.
31. Николаева И.А., Зайнулина Ю.И. Личность сельского учителя как фактор инновационной социализации сельских школьников // Человек в экономических и социальных отношениях / ред. А.Б. Купрейченко, Л.Н. Широкова. М. : Ин-т психологии РАН, 2012. С. 291–293.

*Поступила в редакцию 30.06.2018г.; повторно 30.09.2018 г.;
принята 13.11.2018 г.*

Сведения об авторах:

Николаева Ирина Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии Курганского государственного университета (Курган, Россия). E-mail: nikolaeva-irina@yandex.ru

Зайнулина Юлия Ирековна, аспирант кафедры общей и социальной психологии Курганского государственного университета (Курган, Россия). E-mail: zainulina_ui@list.ru

IMAGES OF ‘OTHER’ PEOPLE IN THE MIND OF TEACHERS FROM URBAN AREAS, COUNTRYSIDES, AND FROM THE NORTHERN SETTLEMENT

Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology, 2018, 70, 131–154

DOI: 10.17223/17267080/70/10

Irina A. Nikolaeva, Yuliya I. Zajynulina, Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation). E-mail: nikolaeva-irina@yandex.ru; zainulina_ui@list.ru

Keywords: images of ‘other’ people; significant others; place of residence; teachers; institutional role structure; value attitudes; implicit significance; socialization.

The research aims to describe the institutional composition of significant others for teachers and their value attitudes to themselves and other people based on the difference in the place of residence (city, village, and a northern settlement).

The sampling is presented by 3 groups of teachers (women): 113 teachers from villages of Mishkinskiy Region, Bashkortostan; 83 teachers from Sterlitamak in Bashkortostan; and 75 teachers from the work settlement Nizjniy Sartim in Hanty-Mansiyskiy autonomous region.

In the present research the practical method, developed by I. A. Nikolaeva, is used. This method enables to describe the social role structure of significant others and the attitude towards them.

Results: Comparison of the groups based on the Student t-criterion demonstrates significant differences at the level $p \leq 0,05$ и $p \leq 0,01$. The teachers from the group of city inhabitants tend to prefer real social relations as opposed to virtual ones, and they pay more attention to more capable students. For their value system self-respect and critical attitude to others are typical. The teachers from the countryside are more family- and neighbors-oriented and tend to underestimate the professional sphere. The lack of positive social perception also takes place. The institutional composition of significant others among teachers from work settlements demonstrate 2 tendencies: on the one hand, they overestimate the importance of the professional sphere, on the other hand, they tend to prefer virtual relations and demonstrate alienation from the school background. More detailed results of the cluster analysis, taking into consideration the age of the participants, are also presented in the research.

The above-mentioned results allow us to do the following suppositions, relevant for further research:

1. The decrease of social and economic relations in the place of residence causes the tendency to estimate the relevant others as “below the average”.

2. High competition in the professional sphere causes high self-esteem and idealized “black and white” attitude towards the others.

3. The predominance of migrants in the place of residence inspires the newcomers to highly appreciate their profession, and the teachers with a long term of service tend to prefer virtual communication.

4. High or low competitive environment in the place of residence influences the teacher’s work: the teachers from the group of city inhabitants pay more attention to the achievements of more capable students, while the teachers from the countryside and the work settlement are oriented to help the weaker students.

References

1. Nikolaeva, I.A. (2008) Sub"ektivnyy obraz sotsial'nogo mira kak reprezentatsiya sotsial'noy situatsii razvitiya lichnosti [The Subjective Image of the social world as a representation of the social situation of personality development]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Fiziologiya, psikhologiya i meditsina*. 12. pp. 71–78.
2. Elizarov, S.G. (2009) Vkluchennost' sub"ekta v sotsial'nyu sredu: osnovnye napravleniya issledovaniy v zarubezhnoy i otechestvennoy psikhologii [The inclusion of the subject in the social environment: main directions of research in foreign and Russian psychology]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Psikhologicheskiye nauki – Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological sciences*. 2. pp. 135–141.
3. Nikolaeva, I.A. & Zaynulina, Yu.I. Tsennostnye otnosheniya k sebe i drugim u pedagogov iz severnogo poseleniya [Axiological attitudes towards self and others among teachers from the northern settlement]. In: Vinogradov, B.Yu. *Aktual'nye problemy prava, ekonomiki i upravleniya* [Topical problems of law, economics and management] Irkutsk: RIO SAPEU. pp. 268–271.
4. Chapin, F.S., III & Knapp C.N. (2015) Sense of place: a process for identifying and negotiating potentially contested visions of sustainability. *Environmental Science & Policy*. 53. pp. 38–46. DOI: 10.1016/j.envsci.2015.04.012
5. Lewicka, M. (2011) Place attachment: How far have we come in the last 40 years? *Journal of Environmental Psychology*. 31. pp. 207–230. DOI: 10.1016/j.jenvp.2010.10.001
6. Ujanga, N. & Zakariya, K. (2015) The notion of place, place meaning and identity in urban regeneration. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 170. pp. 709–717. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.01.073
7. Kashima, Y., Paladino, A. & Margetts, E.A. (2014) Environmentalist identity and environmental striving. *Journal of Environmental Psychology*. 38. pp. 64–75. DOI: 10.1016/j.jenvp.2013.12.014.
8. Muravyova, O.I., Litvina, S.A. & Bogomaz, S.A. (2015) Environmental identity: the concept content. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 58. pp. 136–148. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/58/10
9. Oishi, S., Rothman, A.J., Snyder, M. et al. (2007) The socioecological model of procommunity action: the benefits of residential stability. *Journal of Personality and Social Psychology*. 93(5). pp. 831–844. DOI: 10.1037/0022-3514.93.5.831
10. Oishi, S., Lun, J. & Sherman, G.D. (2007) Residential mobility, self-concept, and positive affect in social interactions. *Journal of Personality and Social Psychology*. 93(1). pp. 131–141. DOI: 10.1037/0022-3514.93.1.131
11. Bogomaz, S.A. & Matsuta, V.V. (2012) Subjective evaluation of basic value’s realizability in urban environment. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 46. pp. 67–75. (In Russian).

12. Bogomaz, S.A. & Karakulova, O.V. (2013) Evaluation of basic values realizability in local settings (Tomsk) by arts and science-oriented university students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 366. pp. 117–120. (In Russian).
13. Bogomaz, S.A., Litvina, S.A. & Chetoshnikova, E.V. (2013) Subjective evaluation of the urban environment of high school by youth of Tomsk and Barnaul. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 49. pp. 102–112. (In Russian).
14. Bogomaz, S.A. (2008) Razlichiya v strukture tsennostey, smyslov i lichnostnykh osobennostey predstaviteley trekh gorodov Sibiri [Differences in the structure of values, meanings and personal characteristics of representatives of three Siberian cities]. In: Znakov, V.V. & Zalevskiy, G.V. (eds) *Tsennostnye osnovaniya psikhologicheskoy nauki i psikhologiya tsennostey* [Axiological foundations of psychological science and the psychology of values]. Moscow: RAS. pp. 262–297.
15. Dolgova, N.V. (2016) Psikhosemanticheskiy analiz obydennykh predstavleniy moskvichey o gorode [Psychosemantic analysis of everyday ideas of the Muscovites about the city]. In: Drobysheva, T.V. & Zhuravlev, A.L. (2016) *Sotsial'no-psikhologicheskiye issledovaniya goroda* [Social and psychological studies of the city]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences. pp. 49–60.
16. Shemelina, O.S. & Tsygankova, O.E. (2016) Obrazy “goroda-mechty” i real'nogo goroda v predstavlenii zhitel'ey krupnogo i malogo gorodov [The images of the “city of dreams” and the real city in the view of residents of large and small cities]. In: Drobysheva, T.V. & Zhuravlev, A.L. (2016) *Sotsial'no-psikhologicheskiye issledovaniya goroda* [Social and psychological studies of the city]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences. pp. 27–48.
17. Nemolot, E.V. (2014) *Tsennostno-smyslovyye kharakteristiki professional'noy samorealizatsii lichnosti pedagoga-psikhologa v usloviyakh malogo goroda* [The axiological semantic characteristics of the professional self-realization of the educational psychologist personality in a town]. Kemerovo: Kemerovo State University.
18. Tartakovsky, E. & Schwartz, S.H. (2001) Motivation for emigration, values, wellbeing, and identification among young Russian Jews. *International Journal of Psychology*. 36(2). pp. 88–99. DOI: 10.1080/0020759004200010036(2)
19. Oishi, S., Kesebir, S., Miao, F.F., Talhelm, T., Endo, Y., Uchida, Y. et al. (2013) Residential mobility increases motivation to expand social network: But why? *Journal of Experimental Social Psychology*. 49(2). pp. 217–223. DOI: 10.1016/j.jesp.2012.10.008
20. Lun, J., Roth, D., Oishi, S. & Kesebir, S. (2014) Residential mobility, social support concerns, and friendship strategy. *Social Psychological and Personality Science*. 4. pp. 332–339. DOI: 10.1177/1948550612453345
21. Popova, M.A., Govorukhina, A.A. & Dron, A.Yu. (2014) Monitoring of the functional condition of the teachers living in the north. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 1. pp. 166–174. (In Russian).
22. Neklyudova, S.V. & Petrova, V.N. (2017) [Psychological basis of the study of the territorial-professional mobility]. *Tsifrovoye kochevnichestvo kak global'nyy i sibirskiy trend* [Digital nomadism as a global and Siberian trend]. Proc. of the International Conference. May 24–26, 2016. pp. 209–214. (In Russian). DOI: 10.17223/9785946216104/30
23. Ezhkova, N.V. (2011) Professional'noe samochuvstvie pedagogov vuzov malyykh gorodov v sfere vtorichnoy zanyatosti [Professional well-being of university educators in small cities in the field of secondary employment]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 1(44). pp. 102–104.

24. Sokolova, E.A. (2014) A typical image of a teacher in the provincial town press: the gender dimension. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii – Pedagogical Education in Russia*. 10. pp. 180–183. (In Russian).
25. Kukuev, E.A. (2016) Gorod kak otkrytaya sistema: otsenki realizuemosti bazisnykh tsennostey sub"ektov obrazovaniya [City as an open system: assessing the feasibility of the basic values of subjects of education]. In: Drobysheva, T.V. & Zhuravlev, A.L. (2016) *Sotsial'no-psikhologicheskiye issledovaniya goroda* [Social and psychological studies of the city]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences. pp. 145–165.
26. Semenova, E.V. & Lyutavina E. (2016) Osobennosti vzaimodeystviya pedagoga s roditelyami v usloviyakh sel'skoy shkoly [Specificity of interaction between the teacher and parents in a rural school]. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnyye kadry*. 1. pp. 176–180.
27. Lelyukhin, S.V. (2013) Roli sel'skikh uchitel'nits: analiz sluchaya v Saratovskoy oblasti [The roles of rural female teachers: a case study of Saratov region]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve - Woman in Russian Society*. 4. pp. 10–15.
28. Bayborodova, L.V. (2004) *Vospitanie i obuchenie v sel'skoy malochislennoy shkole* [Education and training in rural small-numbered school]. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University.
29. Nikolaeva, I.A. (2010) New method for the person's values investigation. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 38. pp. 70–77. (In Russian).
30. Nikolaeva, I.A. (2011) New method for the person's values investigation. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 39. pp. 112–120. (In Russian).
31. Nikolayeva I.A. & Zaynulina, Yu.I. (2012) Lichnost' sel'skogo uchitelya kak faktor innovatsionnoy sotsializatsii sel'skikh shkol'nikov [The identity of the rural teacher as a factor in the innovative socialization of rural schoolchildren]. In: Kupreychenko, A.B. & Shirokov, L.N. (eds) *Chelovek v ekonomicheskikh i sotsial'nykh otnosheniyakh* [Man in Economic and Social Relations]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences. pp. 291–293.

Received 30.06.2018;

Revised 30.09.2018;

Accepted 13.11.2018